

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

**СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ
ЛЕКСИКОГРАФИЯ**

Сборник статей

**Санкт-Петербург
«Наука»
2010**

УДК 81'374

ББК 81.2-4

С 56

Современная русская лексикография: Сборник статей / Отв. ред. С.А. Мызников, О.Н. Крылова / Ин-т лингв. исслед. РАН. – СПб.: Наука, 2010. – 286 с.

ISBN 978-5-02-025273-8

В данном сборнике опубликованы статьи участников Школы-семинара «Современная русская академическая лексикография» (Санкт-Петербург, 8-10 ноября 2010 г.).

Рецензенты:

д-р филол. наук А.А. Бурькин
канд. филол. наук А.Ю. Кожевников

Подготовка к печати и публикация материалов докладов молодых ученых осуществлена за счет средств Целевой программы Президиума РАН «Поддержка молодых ученых».

ISBN 978-5-02-025273-8

© Коллектив авторов
© ИЛИ РАН, 2010
© Редакционно-издательское оформление. Издательство «Наука», 2010

СОДЕРЖАНИЕ

Абрамова М.И. Функциональная семантика имен существительных, обозначающих наименования посуды, в произведениях Б.П. Екимова.....	6
Алексеева Д.А. Невербальные средства убеждения как составляющая часть политического имиджа.....	10
Бердникова Т.В. Динамика развития значения слова <i>разум</i> в словарях различного типа.....	16
Валентей А.В. Особенности отражения в тексте словаря отношения к представителям инокультурной среды.....	21
Виноградов Д.В. Опыт тематической классификации лексики русского бурлачества.....	29
Гайдамашко Р.В. Опыт создания комплексной словарной статьи в рамках исследования «Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Верхнего Прикамья».....	34
Ганичева С.А. Структурно-семантические особенности зоофонов в лингвогеографическом аспекте.....	43
Демидова Т.Д. Преломление общенародного языка в индивидуальном лексиконе курского писателя-миниатюриста В.П. Детков.....	50
Дудко Е.С. Аспекты словарного комментирования хронологически отмеченной лексики из произведений детской литературы XX века.....	59
Епифанова К.В. Описание диалектной лексики: опыт «Владимирского областного словаря».....	66
Задумина П.Н. Образ времени трудовой деятельности в диалектной языковой картине мира (на материале глагольной лексики Словаря вологодских говоров).....	72
Ильина О.С. Высшие учебные заведения в зеркале словарей.....	76
Кичикова Н.А. К проблеме структуры словарной статьи в топонимических словарях (перспективы составления Топонимического словаря Республики Калмыкии).....	86

Климова Е.В. Наименования дождей в вологодских говорах.....	90
Ключевская А.Ю. Концептуальное поле «Агрессия» в лексикографическом представлении.....	95
Котяева Н.С. О функционировании иноязычной лексики в русской комедии второй половины XVIII века.....	104
Крылова А.Б., Никифоров О.Ю. Поисковая система «Диалектного словаря строения слов».....	110
Лесников С.В., Лесникова Г.С., Лесников Д.С. Проект гипертекстового словаря лингвистических терминов.....	116
Ли Чэнь Просторечные глаголы в тексте и в словаре (на материале водевилей сер. XIX в.).....	145
Малахов А.С., Матсапаева Е.М. Современное состояние диалектной лексикографии Владимирской области.....	153
Марина А.С. Грамматическая категория предикатив и способы ее представления в толковых словарях.....	160
Назарова А.Д. Колористическая лексика в «Словаре лексики орловского кружевоплетения».....	166
Неганова Г.Д. Ландшафтная лексика в Частотном словаре языка А.Н. Островского.....	174
Нечаева Л.С. Лексикографическое представление гриба волнушка розовая в северных русских говорах.....	180
Поваляева Т.Э. Лексикографическая интерпретация инвективных зоометафор в словарях разных типов.....	189
Подскребко М.В. Синонимия в русском языке XIX века: <i>дикий – мрачный – темный</i> (на материале романтической прозы).....	197
Поляков А.С. К проблеме лексикографического описания ненормативной этнонимии.....	205
Рогожникова Е.А. Отражение «магической» семантики глагола <i>чертить</i> и его дериватов в диалектных словарях.....	213
Румянцева Н.А. Античный мир в «Русском ассоциативном словаре».....	221

- Самойлова С.В.** Отражение современных экономических реалий в текстах словарей: лексический аспект.....225
- Севостьянова Е.Е.** Концептуальное поле «История» в словарном воплощении.....230
- Скрябина Н.В.** Эволюция взглядов на хирургию до и после Н.И. Пирогова сквозь призму терминов *хирург*, *оператор* и *медико-хирург*.....239
- Смутницкая Ю.В.** Словообразовательная семантика отрицания в оценке личности (по «материалам для словаря древнерусского языка по письменным источникам» И.И. Срезневского).....250
- Соломина Д.С.** Трудовые ситуации в русской традиционной картине мира: семантико-словообразовательный словарь..257
- Швайко В.И.** Памятники письменности Беломорья XIX-нач. XX вв. как лексикографический источник.....266
- Шовгенин А.Н.** Социолингвистическое пространство как фактор формирования словаря диаспоры.....277

М.И. Абрамова (Волгоград)

**Функциональная семантика имен существительных,
обозначающих наименования посуды,
в произведениях Б.П. Екимова¹**

В исследованиях современных ученых отмечается интерес к изучению бытовой лексики [Анохина 1998; Рудыкина, Чёмова 2009], так как именно она дает представление о материальной и духовной культуре предшествующих поколений, помогает понять, как формировался менталитет народа в процессе культурно-исторического развития.

Особое внимание лингвистами уделяется тематической группе «Посуда» [Анохина 1998; Сердюкова 2003]. Данные языковые единицы интересуют также диалектологов в рамках Программы собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров (том «Материальная культура», раздел «Домашняя утварь», подраздел «Посуда») [Программа 1994: 257-262].

Имена существительные, обозначающие наименования посуды, рассматриваются учеными в рамках раздела «Человек», подраздела «Домашнее хозяйство» [ТСРЯ, 2000]. Они анализируются как слова, обозначающие предметы для сервировки стола, изделия для приготовления пищи, сосуды для хранения пищи; классифицируются как разная столовая посуда, сервировка; кухонная посуда; старинная, деревенская, а также вообще принадлежащая старому быту посуда; специальная посуда [Русский семантический словарь 2000, 2: 93-98].

Источником для нашего исследования послужили рассказы нашего земляка, жителя Калачевского района Волгоградской области, Бориса Петровича Екимова из сборника «Белая дорога». В его произведениях описывается стихия обыденности в жизни донских казаков. В 2008 году писателю была присуждена одна из

---

¹ Работа выполнена при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (2009–2013 гг.), Госконтракт № 02.740.11.0367.

престижных наград России – премия А.И. Солженицына «за остроту и боль в описании потерянного состояния русской провинции и отражение неистребимого достоинства скромного человека; за бьющий в прозе писателя источник живого народного языка» [<http://www.rp-net.ru/book/premia>].

Как показал анализ материала, в сборнике «Белая дорога» зафиксировано 149 случаев употребления существительных, обозначающих предметы посуды. Исследуемая тематическая группа представляет собой систему, в рамках которой выделяются различные группы.

Наиболее широко в избранных текстах представлена группа «кухонная посуда», в которой отмечаются имена существительные **банка, бутылка, жаровня, казан, противень, сковородка** и др. Как правило, это литературные слова с нейтральной стилистической окраской, которые употребляются в прямом значении. Например, в рассказе «Поздний завтрак», в котором описывается хуторской быт и обсуждение героями соседей – переселенцев из Чечни, встречаем: *В сарае всё и обнаружилось: мотки провода, жаровни уже молотком побитые, сплющенные кастрюли* [Екимов 2004: 21]. В приведенном предложении имя существительное **жаровня** имеет толкование `сосуд для горячего древесного угля, а также железная печка, нагреваемая углем` [СОШ 1997: 162].

В группе «столовая посуда» зафиксированы такие существительные, как **блюдец, кружка, ложка, миска, нож** и др. В этой группе в основном также представлены литературные слова с нейтральной стилистической окраской, употребленные в прямом значении для описания повседневного быта и казачьего застолья. Здесь мы можем наблюдать интересную деталь, подчеркивающую простоту деревенского быта – всего лишь один раз употребленное слово **тарелка**, имеющее нейтральную окраску. Его мы встречаем в рассказе «Мальчик на велосипеде», в котором повествуется о возвращении в родную деревню главного героя Хурдина: *А рядом в тарелку сыпнула мать горку снежной, крупчатой, в лопинах развара картошки, пар и жар её притушив укропной невесомой зеленью* [Екимов 2004: 282]. Такой столовой посудой казаки пользовались редко, чаще ели из **миски**, или же прямо из **сковородки**. Такие примеры мы можем наблю-

дать в рассказе «Поздний завтрак»: *Постановь Савушке миску щей да чекушку, он тебе весь белый свет заплетёт* [Екимов 2004: 17]. *На столе в сковородке шкварчит какое–нибудь жаркое: рыба, картошка, мясо; парит в кастрюле молочная каша, лучше пиённая, с запёкшейся желтой корочкой* [Екимов 2004: 15]. В приведенных примерах рассматриваемые нами существительные используются в прямом значении. Лексема **тарелка** толкуется как «посуда круглой формы с приподнятыми краями и широким плоским дном» [СОШ 1997: 730], слово **миска** употребляется в значении «посуда для еды в виде широкой чашки» [СОШ 1997: 313], имя существительное **сковородка** используется с семантикой «мелкая, с загнутыми краями металлическая посуда для жаренья» [СРЯ 1999, 3: 23].

Кроме того, в рассказах встречаются и существительные, употребляемые в переносном значении. Так, например, интересен рассказ «Тюрин», который повествует нам о герое, чью семью раскулачили и отправили по этапу. Главный герой Тюрин, отбывая уже второй срок, не теряет своих человеческих качеств и часто заступает за бригаду, не боясь третьего срока. Автор так описывает его поведение: *Выпив стопку, Тюрин разглаживает усы, а потом истово хлебает горячие щи* [Екимов 2004: 46]. Как видно из приведенного контекста, писатель использует такое средство художественной выразительности, как метонимия. Как известно, в прямом значении имя существительное **стопка** обозначает «маленький стаканчик» [СОШ 1997: 712].

В прозе Б.П. Екимова зафиксированы также имена существительные, обозначающие старинную, деревенскую, а также вообще принадлежащую старому быту посуду: **поллитровка, ухват, цибарка, чекушка, черпак, чугу́н**. Например, в рассказе «Холушино подворье», повествующем о нелегкой жизни одного старика Варфоломея Вихлянцева, отмечено имя существительное **ухват** в значении «надетая на палку металлическая рогатка для подхватывания горшков, чугунов» [СОШ 1997: 781]: *Но ничего там не было, кроме старых ухватов* [Екимов 2004: 244].

Интересная особенность рассказов Б.П. Екимова – параллельное использование существительных с одинаковым значени-

ем, но с разной стилистической окраской. Это мы можем увидеть в рассказе «Холюшино подворье»: *Пустая цибарка со звоном катилась до самых ворот* [Екимов 2004: 260]; *Взяв ведра и коромысло, отправился Холюша за водой, скотину поить* [Екимов 2004: 226]. Существительное **ведро** имеет нейтральную стилистическую окраску, а **цибарка** относится к устаревшей лексике.

В представленных примерах имя существительное **ведро** имеет значение `сосуд цилиндрической формы с ручкой в виде дужки для ношения жидкостей, сыпучего` [СОШ 1997: 58], а **цибарка** – это `ведро, слегка расширявшееся кверху (на Дону, Кубани, юге России)` [СОШ 1997: 810]. Данное существительное является устаревшим по классификации Н.Ю. Шведовой [Русский семантический словарь 2000, 2: 96].

Кроме того, в рассказах писателя зафиксированы имена существительные, представляющие специальную лексику: **бак, канистра, короб, подойник, фляга, цистерна**. Например, в рассказе «День до вечера» автор повествует, как ходил на рыбалку: *На деревянных санках стояли алюминиевые фляги, обычно в них молоко держат, они и называются доильными* [Екимов 2004: 131]. В данном примере имя существительное **фляга** толкуется как `большой сосуд для перевозки жидкостей` [СОШ 1997: 791].

Классификация и анализ материала позволили выявить многозначность лексики, обозначающей наименования посуды в рассказах Б.П. Екимова. Тематическая группа «Посуда» обладает системностью, она может быть классифицирована по лингвистическим признакам, что подразумевает деление на общерусскую, устарелую и специальную лексику. Такая разноплановость употребления лексики со значением «посуда» в текстах Б.П. Екимова может быть объяснена тем, что автор хотел рассказать о материальной культуре казаков, показать их быт, а также раскрыть характеры героев, о которых ведется повествование.

Литература

Анохина Л.И. Лексика питания: названия печёных кушаний из муки в орловских говорах (структурно-семантический аспект): Автореф. дис...канд. филол. наук. Орел, 1998.

Екимов Б.П. Белая дорога. Рассказы / Б.П. Екимов. Волго-

град: ГУ «Издатель», 2004.

Программа собирания сведений для диалектологического атласа русских народных говоров. СПб., 1994.

Рудыкина, Е.С., Чёмова В.М. Лексика питания в донских говорах: названия молочных блюд казачьей кухни // *Язык региона: Лексика. Грамматика. Функциональное пространство* / Под общ. ред. проф. Н.А. Тупиковой. Волгоград.: Изд-во ВолГУ, 2009. С. 119-139.

Русский семантический словарь: в 4 т. / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 2000.

Сердюкова О.К. Введение // *Большой толковый словарь донского казачества* / Под ред. Дегтярева. М.: Русские слова, 2003. С. 1-8.

Словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1999.

СОШ – *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1997.

ТСРЯ – *Саяхова, Л.Г., Хасанова Д.М., Морковкин В.В.* Тематический словарь русского языка / Под ред. проф. В.В. Морковкина. М.: Рус. яз., 2000.

<http://www.rp-net.ru/book/premia>

Д.А. Алексеева (Вологда)

Невербальные средства убеждения как составляющая часть политического имиджа

Изучение имиджа политика – одна из наиболее актуальных проблем современной имиджелогии. Особенно интересным представляется рассмотрение личности политика как человека, действия которого оказывают значительное влияние на общество. В данной статье мы рассматриваем невербальные средства убеждения как одну из составных частей имиджа второго президента Российской Федерации В.В. Путина (на материале пресс-

конференции В.В. Путина по итогам его работы в качестве президента России).

Политический имидж – это сложившийся в массовом сознании и имеющий характер стереотипа образ политического лидера [Абаполова 2008]. Разработкой теории имиджа политического лидера занимались многие исследователи: Г.Г. Почепцов, А.И. Соловьев, В.В. Хазагеров, А. Пиз, Е.В. Егорова-Гантман, Р. Абельсон и др. Они отмечают, что политический имидж должен быть простым, образным, понятным, соответствующим сложившимся у большинства населения представлениям о лидере. Имидж главы государства – это один из механизмов воздействия на народ, возможность психологического воздействия на граждан страны. Составляющие имиджа политического лидера – это совокупность вербальных и невербальных средств, проецируемых в публичном выступлении. Имидж-эффект встреч политического деятеля с представителями СМИ имеет существенное психологическое значение для формирования массового сознания людей.

Умение убеждать слушателя – залог успеха политического лидера. Одним из эффективных средств убеждения и воздействия на слушателя являются невербальные сигналы: жесты, мимика, телодвижения, позы. Жесты и мимика могут дополнять и заменять речь и сопутствовать ей, отражать эмоциональное состояние человека, усиливая эффект от сказанного. На них следует обращать особое внимание при анализе публичного выступления главы государства. При этом нельзя упускать из виду тот факт, что человек, занимающий высокое положение, при общении больше полагается на богатство своего словарного запаса, а не на жесты. Исследователи теории жестов вывели закономерность: чем выше социальное положение человека, тем менее развита у него жестикуляция, телодвижения ограничены, движения сдержанны [Вилсон, Макклафлин 2001].

Рассмотрим часто употребляемые в ходе пресс-конференции жесты В.В. Путина. Мы используем классификацию жестов, в основу которой положены признаки, характеризующие их назначение. Таким образом, мы выделили три основные группы: жесты, помогающие описать явление или предмет; же-

сты, отражающие психологические особенности говорящего; жесты, передающие отношение говорящего к предмету речи.

К первой группе жестов относится, к примеру, потирание большого пальца о кончики других пальцев, применяется данный жест для обозначения денег. В своем выступлении В.В. Путин дважды прибегал к указанному жесту, например, при словах: *«Дайте нам адекватные активы у себя, деньги не нужны: эти бумажки уже в современной экономике никому не нужны – нам нужны активы»*. Кроме того, В.В. Путин для большего зрительного воздействия на аудиторию часто жестами проецировал перед собой тот или иной предмет, изображал какой-либо процесс. К примеру, жест, обозначающий процесс «обтачивания зубов»: *«... “Эксон мобил” вгрызается в нашу экономику – и ничего, там «стоматологи» есть, которые только точат им эти зубки»*; жест, изображающий «тело» Европы: *«Чего так американцы беспокоятся за европейское тело, я не знаю. Может быть, потому, что сами не хотят от него отрываться, нравится, тело хорошее»*. В.В. Путин, помогая представить описываемое действие, абстрактно рукой «прописывает текст» на столе при фразе: *«Но мы будем выполнять все, под чем мы сами подписались»*.

К следующей группе жестов относится, к примеру, шпилеобразное положение рук. Этим жестом часто пользуются уверенные в себе люди, лица, занимающие руководящие должности. Жест со шпилеобразным положением рук применялся при ответе на вопрос о дальнейших действиях В.В. Путина (после избрания нового президента): *«Я считаю, что я получил уже один подарок, даже два подарка от российского народа, от Господа может быть, когда имел честь и удовольствие работать в качестве главы Российского государства. Основной закон страны сформулирован таким образом, что этот срок является конечным»*.

Следующий характерный жест В.В. Путина, отражающий его психологические особенности – это сцепленные пальцы рук. Исследования, проведенные учеными по изучению жеста сплетенных пальцев рук, позволили заключить, что этот жест обозначает разочарование и желание человека скрыть свое душевное

состояние. Во время выступления можно заметить, что руки второго президента часто находятся в сплетенном состоянии и положены перед собой на столе. Чаще всего данный жест возникал при ответах на вопросы личного характера.

Часто политики при публичных выступлениях нервничают и волнуются. Замаскированные жесты рук также относятся к жестам, несущим информацию о психологических особенностях говорящего. Подобные жесты являются очень утонченными, практически незаметными. Чтобы окружающие не заметили волнение, политики часто используют различные предметы, с которыми выполняют автоматические неосознанные манипуляции, такие предметы называются «манипуляторами». В.В. Путин на пресс-конференции прибегает к использованию подобных манипуляторов: ручке, листам бумаги, наушнику, микрофону, часам.

Обратимся к третьей группе жестов. При общении с журналистами В.В. Путин часто жестикулировал указательным пальцем. Данный жест применялся для указания на собеседника (перстоподобный жест, когда пальцы сжаты в кулак, указательный палец выпрямлен); для привлечения внимания (указывает пальцем наверх); для указания на запрет (палец направлен наверх и качается вправо и влево); для выражения угрозы (палец указывает вперед и двигается вверх и вниз). Рассмотрим один из случаев использования указующего жеста на конкретном примере. Во время ответа на вопрос об отказе наблюдателей и парламентской Ассамблеи ОБСЕ приехать на выборы президента: *«...Россия под этими бумажками не подписывалась. Это все делается в явочном порядке. И вот это для нас является принципиальным вопросом. Мы никому не позволим навязывать нам какие бы то ни было условия»*. Во время ответа В.В. Путин несколько раз использовал жест «указующего перста» ладони правой руки, являющийся признаком агрессивности. Также у президента интуитивно сжимались кулаки, что свидетельствует о твердости. Данный жест расшифровывается как сила, принуждение к действию. Президент при помощи данного жеста расставлял акценты, указывал на наиболее важные моменты его речи. В своем выступлении В.В. Путин довольно часто использовал данный жест, демонстрируя свою силу и уверенность, что несомненно воздействова-

ло на слушателя и влияло на эффект восприятия речи. Но чаще всего В.В. Путин пользовался жестом «указующий перст» для эффективного убеждения аудитории в правильности своей позиции, влияния на мнение слушателя.

Следует рассмотреть значение жестов, связанных с прикосновениями к различным частям лица. Чаще всего жест «рука к лицу» предполагает обман или умалчивание информации. Отвечая на вопросы В.В. Путин, иногда использовал этот жест: он потирал ухо, щеку, прикасался к носу, веку глаза, губам. Самый яркий такой жест сопровождался фразой: *«Что же нас-то так боятся? Что они (американцы) такие, как бы не сказать лишнего слова, трусливые, я не знаю?»*

Рассмотрим один из случаев использования манипулятора для маскировки волнения. Например, при характеристике главного кандидата на пост президента В.В. Путин заявил: *«знаю Дмитрия Анатольевича очень давно и просто уверен, ... что он будет успешно работать и на самой высокой должности в стране... Уверен, что это будет хороший Президент, достойный Президент и эффективный руководитель. И, кроме всего прочего, я ему доверяю, просто я ему доверяю. Как я говорил на съезде «Единой России», такому человеку не стыдно и не страшно передать основные рычаги управления страной»*. При произнесении этих слов президент поправляет часы на руке. Тем самым, образуется своеобразный барьер и утверждается состояние безопасности и стабильности.

К одному из жестов убеждения мы также отнесли кивки головой (знак утверждения), являющиеся жестом доверия и согласия со своим слушателем. Активные кивки головой визуально помогают второму президенту более уверенно и убедительно отвечать на вопросы журналистов.

Говоря о позах, следует подчеркнуть, что на пресс-конференции В.В. Путин стремился показать себя максимально открытым и честным человеком, поэтому он старался находиться в открытой позе: корпус он легко наклонял к аудитории, долгое время мог поддерживать прямой зрительный контакт с журналистами. Несмотря на это, как уже отмечалось, он нередко создавал сплетенными пальцами рук барьер между собственным про-

странством и аудиторией, иногда наблюдалась напряженность мышц, что создавало впечатление закрытой позы.

Можно проанализировать неполное соответствие вербального и невербального компонентов и примере, когда В.В. Путин говорил об отношениях с Украиной. Второй президент сообщил: *«...думаю, что если такой конструктив будет при решении других проблем, то развитие между Украиной и Российской Федерацией будет идти только по восходящей»*, поза президента была несколько наклонена вперед, что означает напряжение. Следует отметить, что при озвучивании последних слов, касательно перспектив развития двух стран, В.В. Путин принял позу, которая характерна для человека, приготовившегося к защите: одну руку он положил на стол полностью, а вторую поставил на ладонь. Данное напряженное положение корпуса и рук выдало его волнение по данному вопросу, внутреннюю обеспокоенность.

Интересны наблюдения за мимикой президента: они также могут дать информацию о специфике его политического имиджа. Экспрессия лица, мимика, взгляд несут информацию о состоянии человека, демонстрируют отношение к другому человеку, снабжают обратной связью, комментируют речевое поведение [Основы теории 2005].

К мимике мы отнесли все изменения, которые можно наблюдать на лице В.В. Путина во время конференции. В ходе пресс-конференции В.В. Путин при помощи взглядов, изменений в мимике показывал свое отношение к сказанному. Например, направленный исподлобья взгляд говорит о неодобрении, раздражении и даже гневе. Данный невербальный сигнал сопровождал, к примеру, следующие слова: *«Те обязательства, которые взяла на себя Россия в рамках европейских структур, в том числе ОБСЕ, мы полностью исполняем. И хочу это подчеркнуть, чтобы это знали и представители нашей прессы, и представители европейской прессы»*. Взгляд вниз (на стол) отображает неуверенность в своих ответах. Подобное мимическое выражение говорит либо о необходимости сосредоточения внимания (для выбора нужной фразы), либо о намерении скрыть или исказить часть информации. Средством убеждения является прямой контакт глаз оратора и слушающих. В.В. Путин на протяжении всей

конференции старался поддерживать зрительный контакт с аудиторией, лишь изредка поднимал глаза вверх (или опускал вниз), что делалось, скорее всего, для выбора более удачной формулировки ответа.

Таким образом, можно сделать вывод, что В.В. Путин – человек достаточно скрытный. Он грамотно пользуется невербальными средствами убеждения, знает, когда следует улыбнуться, а когда приподнять брови для выражения удивления или недоумения. Премьер контролирует эмоции, любит намекать сам и умеет отслеживать реакцию своего слушателя, учитывая невербальные сигналы окружающих, сопоставляя их с вербальными средствами общения. Во время общения с журналистами В.В. Путин постоянно наблюдает за невербальными реакциями слушателей, бросая продолжительные взгляды в зал. Своим поведением и жестами он старается внушить жителям России доверие и уверенность в завтрашнем дне, показывая себя сильной, стойкой и выносливой личностью, харизматичной и авторитетной.

Литература

Абаполова С.С. Стратегия самопрезентации в предвыборном дискурсе // Материалы Международной Интернет-конференции. Волгоград, 2008.

Вилсон Г., Макклафлин К. Язык жестов. Путь к успеху. СПб., 2001.

Основы теории коммуникации: учебник / Под ред. проф. М. А. Василюка. М., 2005.

Т.В. Бердникова (Саратов)

Динамика развития значения слова *разум* в словарях различного типа

Лексика – одна из самых подвижных языковых систем. Такая подвижность объясняется тем, что лексемы более других элементов способны быстро входить в лексическую систему и выходить из нее, а также подвержены изменению значений. В

разных языковых ситуациях и контекстах слово может развивать значения, не свойственные ему в узусе. Наглядным примером может служить функционирование слова в художественном тексте, где актуализируются «обертоны смысла», «эстетические значения» (Б.А. Ларин), стилистические значения (Т.Г. Винокур). Значения слова, которые имеют традицию употребления в узусе, фиксируются в словарях.

На сегодняшний момент в отечественной лексикографии разработаны принципы организации словарной статьи, методика отбора материала, составление иллюстраций. Однако далеко не все принципы универсальны и применимы ко всем словарям.

В языке есть ряд слов, которые обозначают явления и понятия абстрактного характера, связанные с ментальными действиями. В «Русском семантическом словаре» отмечено, что в абстрактном имени «понятийное начало не только превалирует, но и полностью вытесняет представление о реальном предмете. <...> Значимая сторона абстрактного имени как языкового знака формируется как результат обобщающей и синтезирующей работы мысли. Абстрактные существительные заключают в своих значениях результат духовного и интеллектуального опыта носителя языка, мыслительной деятельности, направленной на обобщение явлений окружающего мира и человеческого духа – состояний, свойств, качеств, на постижение сущности бытия, осмысление его закономерностей, недоступных непосредственному восприятию» [Русский семантический словарь 2003].

Одним из таких слов является слово *разум*. Мы обратимся к дефинициям и особенностям употребления слова *разум* для того, чтобы проследить динамику развития значения и специфику функционирования слова в узусе.

Понятие разума с древнейших времен считалось одним из основополагающих личности человека. Еще в Священном Писании разум воспринимался как способность к мышлению, к осознанному восприятию действительности, что впоследствии постепенно укреплялось. Так, в словарях современного русского языка слово *разум* толкуется следующим образом:

Разум – 1. Высшая ступень познавательной деятельности человека, способность логически мыслить, осмыслять окружа-

ющую действительность. 2. Способность мыслить, понимать, умственные способности отдельного человека [БАС: 12].

В БАС лексема разум в своем значении имеет элемент 'логичность'. 'Логичность' как составляющий элемент высшей степени мышления – разума – пересекается с понятием ум, и значение слова *разум* близко к значению слова *ум*. Некоторые словари (например, «Толковый словарь русского языка» под редакцией С.И. Ожегова [далее – Словарь С.И. Ожегова]), толкуют *разум* в соотнесении со значением слова *ум*:

Разум – 1. Ум во 2 знач., умственное развитие. 2. Способность человека логически и творчески мыслить, обобщать результаты познания, ум в 1 знач., интеллект в противоположность чувству. (Ср. ум – 1. Такая способность, развития в высокой степени, высокое развитие интеллекта. 2. Способность человека мыслить, основа сознательной, разумной жизни [Ожегов 2008: 784]). По сравнению с БАС в Словаре под редакцией С.И. Ожегова в дефиницию слова *разум*, помимо семы 'логичность', добавляется сема 'творчество', поскольку второе значение предполагает именно творческое мышление.

В Словаре С.И. Ожегова отражается общеязыковое и философское противопоставление *разум* – *чувство*. Эта антитеза актуализируется с развитием науки, и предпочтение отдается именно разуму, а не чувству, которое является научно не обоснованным и весьма субъективным.

Так определяют слово *разум* словари современного русского языка.

В словарях, создание которых относится к XIX веку, слово *разум* имеет элемент значения 'дух'. Так, в «Словаре живого великорусского языка» В.И. Даля *разум* толкуется как «духовная сила»: **разум** – *духовная сила, могущая помнить (постигать, познавать), сулить (соображать, применять, сравнивать) и заключать (решать, выводить следствие); способность верного, последовательного сцепления мыслей, от причины, следствий ее и до цели, конца, особенно в приложении к делу. Разум, смысл. Дух человека двуполовинчат: ум и воля; ум самое общее, а в частном значении самое высокое свойство первой половины духа, способное к отвлеченным понятиям; разум, которому можно*

подчинить: понимание, память, соображение, рассудок, разумность, суждение, заключение и пр., ближе подходит к смыслу, рассудку, применяясь к обиходному и насущному. Малый да юридический не в разуме, сами не понимают, что делают [Даль: электронный ресурс].

Смысловые элементы 'дух' и 'творчество' имеют общую нематериальную природу: сила духа как составляющая личности является причиной процесса творчества. Не случайно с «Русском семантическом словаре» слово *разум* включается в группу «Духовный мир» и в подкласс «Сознание. Разум. Знание. Понимание. Мысль. Образ мыслей» и обозначает понятие, связанное с ментальной деятельностью и способностями человеческого интеллекта.

Изменение значений и развитие «смысловых приращений» у слова активно реализуется в писательской, или авторской лексикографии, которая, по мнению Л.Л. Шестаковой, «развивается в согласии с актуальными направлениями изучения языка. <...> Поэтому новаторские тенденции в организации словарной статьи можно связать, в частности, с попытками воссоздания словарными средствами языковой личности автора, его художественного мира, лежащих в основе этого мира идей и представлений» [Шестакова 2007: 11]. Такие словари, проект которых заложил Б.А. Ларин, называются идеологическими. Идеологический словарь «должен представлять собой серии монографических исследований по семантическим группам слов или отдельным концептуально значимым словам» [Борисова 2009: 3] как отражение мировидения писателя.

Обратимся к «Словарю драматургии М. Горького», который создается Саратовским государственным университетом имени Н.Г. Чернышевского при участии межкафедрального словарного кабинета Санкт-Петербургского государственного университета. На сегодняшний момент в свет вышли два тома и близок к завершению третий. В художественном мире М. Горького слово *разум* имеет концептуальное значение. Разум противопоставляется чувству как понятие, обладающее отрицательной авторской оценкой. Кроме того, чувство выступает как контекстуальный синоним слова дух.

В «Словаре драматургии М. Горького» противопоставлены слова *разум* и *дух*, причем с положительной коннотацией используется слово *дух*, а *разум* – с отрицательной.

Разум – 1. Познавательная деятельность человека, способность логически мыслить. Семиков. – Я вот записал: «Созерцание – это знание без образов, и всегда оно выше **разума**» (С. 61). Павлин. – В тайнах живем, во мраке многочисленных и неразрешимых тайн. Кажется нам, что – светло и свет сей исходит от **разума** нашего, а ведь светло-то лишь для телесного зрения, дух же, может быть, **разумом** только затемняется и даже – угашается (Б. 85 2). 2. Ум, интеллект. Булычов. Они после трубача, решили, что я с ума сошел! – Нет, у меня **разум** в порядке! (Б. 121). Павлин. – **разумом** наделены мы от Бога не для упражнении в бесплодном высокоумии... (Д. 183). > Божий **разум**. Воля Божья. Пропотей. – Люди смятежные, – Выслушайте слово, От чистого сердца, от божьего **разума** сошедшее к вам... (Д. 157).

Таким образом, в семантике слова *разум* содержатся такие элементы, как ‘логичность’, ‘творчество’, ‘дух’, отражающие ментальную деятельность человека и восприятие окружающей действительности.

Литература

Борисова М.Б. Слово – время – писатель (на материале пьесы М. Горького «Мещане») // Словоупотребление и стиль писателя: Межвуз. сб. / Под ред. Д.М. Поцепни. В. 4. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2009. С. 3-18.

Винокур Т.Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. М.: Издательства ЛКИ, 2009.

Даль В.И. Словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс] // www.slovari.ru/

Ларин Б.А. Эстетика слова и язык писателя. Л.: Художественная литература, 1974.

Шестакова Л.Л. Структура и содержание словарной статьи в словарях языка писателя // Известия РАН. Сер. лит-ры и языка. 2007. Т. 66. № 5. С. 3-15.

БАС – Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. М.-Л., 1948–1965.

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 2008.

Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 2003. Т. 3.

Словарь драматургии М. Горького (Рукопись): В 3 т. Саратов, 2010. Т. 3.

А.В. Валентей (Волгоград)

Особенности отражения в тексте словаря отношения к представителям инокультурной среды¹

Язык всегда оставался наиболее яркой идентифицирующей характеристикой этноса. Еще Пифагор советовал «для познания нравов какого ни есть народа» прежде всего изучить его язык. Столь же неоспорима связь языка с культурой, орудием которой он является. Именно язык несет в себе источник всего сущего («В начале было слово»), в том числе и самого человека.

Современная социокультурная ситуация в мире характеризуется расширением взаимосвязи все большего количества стран и народов: в наше время практически невозможно найти этнические общности, не испытывающих воздействие извне [Гареева 2008: 165].

Электронные средства связи, средства массовой информации в условиях, называемых глобализацией, сделали возможным обмен культурными образцами в широчайших масштабах и с огромной скоростью. Однако, открывая огромные возможности для взаимовлияния и взаимного обогащения культур, глобализация может способствовать унификации массового сознания. В

---

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России 2009-2013» (Госконтракт № 02.740.11.0367).

этом аспекте важно рассматривать и другое явление, тесно связанное с термином «глобализация», – «этническая идентификация». Если первое понятие предполагает приведение к единообразию жизни в различных странах, космополитизм и стандартные «модели жизни» человечества, то проблема этнической идентичности связана со стремлением людей сохранить свою самобытность, укрепить национальное самосознание.

Одним из способов достижения этого является обращение к прошлому, историческим корням, поиск первородной основы в традиционном образе жизни, в традиционных символах, праздниках и ритуалах. При этом проводится четкая разграничительная линия между «своими» и «чужими», теми, кто якобы «ответственен» за все существующие в обществе проблемы.

Действительно, национальные и этнические проблемы являются сегодня одними из наиболее острых и болезненных. Неслучайно во всем мире страны стараются защитить свое этническое, национальное, религиозное и культурное своеобразие. Это явление, получившее название «этнического парадокса», стало своеобразной реакцией на тенденции нарастающей унификации духовной и материальной культуры в условиях глобализации.

Таким образом, здесь, несомненно, просматривается двойственная роль глобализации в развитии событий: с одной стороны, под влиянием общемировых процессов трансформируется и модернизируется общество, выстраиваются новые отношения, формируются другие цели и ценности. Население, особенно молодые люди, живо воспринимает и заимствует новые веяния во всех сферах жизнедеятельности, социализируется наравне с другими. С другой стороны, глобализация, приводящая к интенсификации контактов между представителями разных этносов, стала сопровождаться конфликтами, принимающими достаточно острые формы, что можно объяснить также модернизацией общества.

Бурные изменения, вызываемые трансформацией социальной жизни (урбанизация, современная система образования), сопровождаются более медленными изменениями в сфере регуляторов человеческого поведения, приспособляющих его к внешним условиям, в сфере культуры. Ценности и установки, определяющие поведение в условиях традиционных локальных культур, по-

рождают конфликты с реалиями, вызванными современным социальным развитием.

В некоторых государствах стали нарастать внутренние противоречия – реализация права на национально-территориальное самоопределение породила множество конфликтов. Бедность, безработица, ограниченный доступ к ресурсам, социальная неустроенность, низкий уровень грамотности порождают жесткий ответ, принимающий острые конфликтные формы, – от экстремистских действий до террористических актов в отношении представителей других народов.

К тому же нестабильность обстановки в ряде стран, отсутствие в них гарантий безопасности, внутренние и межгосударственные конфликты, бытовой национализм, дискриминация по национальному признаку, вероисповеданию, языку, политическим убеждениям явились главными стимулирующими факторами массового притока вынужденных мигрантов в другие страны, в частности, Россию.

Особую проблему в миграционных процессах на территории страны составляют взаимоотношения доминирующего этноса региона и этнических меньшинств. Достаточным основанием для трений и недоразумений выступает социокультурная чужеродность меньшинств. Иной облик, стиль жизни, тип поведения, религия, язык и традиции часто воспринимаются как угроза.

Особенно ярко экспликация отношения к представителям иной культурной среды прослеживается в средствах массовой информации: газетах, журналах, а также по радио и телевидению.

Материалом нашего исследования стали газеты Волгоградской области: «Комсомольская правда. Волгоград», «Коммерсантъ», «Родной город», «Волгоградская правда», «Аргументы и факты», из которых методом сплошной выборки были выявлены языковые средства номинации субъекта – представителя инокультурной среды, **словоформы и словосочетания, функционирующие в высказывании, равном предложению**. Данные языковые средства, принятые нами за единицу исследования, мы классифицировали следующим образом:

1) квалификация собственно национальности субъекта – в виде отдельной единицы или словосочетания.

2) квалификация субъекта как представителя чужой культуры – описательный оборот, словосочетания, в том числе и развернутые.

3) образная квалификация субъекта иной культурной среды – заголовки газет как особая организация языковых средств выражения.

В первую группу нашей классификации (собственно национальность) входят такие словоформы как *таджики*, *китайцы* и *грузины* и др.

Следует отметить, что вне контекста это стилистически не маркированные единицы, определяющие принадлежность человека к определенной нации. Словарные статьи БАС, МАС и Большого энциклопедического словаря так определяют лексическое значение этих словоформ: 1) *таджики* – ‘народ, основное население Таджикистана (3172 тыс. человек), в Российской Федерации 38,2 тыс. человек (1992). Живут также в Афганистане и Иране. Общая численность 8,28 млн. человек (1992). Язык таджикский’; 2) *китайцы* – ‘нация, основное население Китая, а также лица, относящиеся к этой нации’; 3) *грузины* – ‘народ, основное население Грузии (3,8 млн. человек). В Российской Федерации 130,7 тыс. человек (1995). Общая численность 4,14 млн. человек. Язык грузинский’.

В процессе употребления языковых средств, входящих в первую группу, в текстах региональных газет нами отмечается расширение словарного значения за счет оценочного компонента, который эксплицируется во второй части сложного слова: *таджик-самоубийца*, *китаец-недоучка*, *грузин-мошенник*. Как свидетельствует фактический материал, в большинстве случаев коннотация – отрицательная: «*Таджики-нелегалы* заполонили Волгоградскую область»; «от дешевых подделок *китайцев-подпольников* страдают русские люди». Помимо языковых средств, непосредственно квалифицирующих субъекта, отрицательная коннотация выражается также контекстуальными уточнителями: «заполонили», «страдают русские». В большинстве случаев отрицательно окрашенные контексты зафиксированы по отношению к представителям Средней и Центральной Азии, Китайской Республики и Кавказа. Что касается положительных оценок,

то предпочтение СМИ отдают Германии: *с качеством работы у немцев все в порядке, немецкая аккуратность*. В Большом толково-фразеологическом словаре М.И. Михельсона в значении слова *немец* дается такое определение: ‘аккуратный, любящий точность, порядок’. Во всех же остальных толковых словарях значение слова будет стилистически нейтральным.

Вторая группа нашей классификации включает в себя различные словосочетания, обозначающие субъекта иной культуры, например: *нелегальная миграция, иностранные граждане, прибывшие из дальнего зарубежья, приехавшие из-за рубежа*. Данный ряд языковых единиц коннотативно нейтрален, в текстах газет подобные конструкции являются устойчивыми и не обусловлены контекстом.

Говоря о наемной рабочей силе, СМИ нередко используют слова *гастарбайтеры, мигранты, иностранцы*. Толковый словарь иноязычных слов Л.П. Крысина определяет *гастарбайтера* так: ‘рабочий-иммигрант, обычно пользующийся меньшими правами, чем граждане данной страны’, *мигрант* – ‘тот, кто совершает миграцию’, *иностранец* в словаре Т.Ф. Ефремовой определяется как ‘гражданин, подданный какой-л. страны по отношению к другой стране’.

Таким образом, все значения рассмотренных языковых единиц второй группы принятой нами классификации не расходятся по их стилистической окраске со значениями, данными в словарях.

В качестве отдельной группы мы выделили заголовки газетных статей, построенные по определенным стилистическим приемам, например: *Понаехали, понаоставались; Лишние нужные руки; Мигрантов поставят на место; Мигранты атакуют; Дом Ивану построит Ибрагим; Заграница нам поможет; Посторонние силы; Гастарбайтеры поневоле*. В большинстве случаев, как свидетельствуют примеры, в заголовках выражена отрицательная коннотация. Остановимся на некоторых из них.

В названии «*Понаехали, понаоставались*» первый глагол определяется в словарной статье МАС как ‘постепенно наехать в большом количестве’ с пометой «разговорный», а второй является окказионализмом, целью которого становится усиление действия,

и, следовательно, отрицательной коннотации. В основе конструкции «*Лишние нужные руки*» лежит оксюморон – стилистическая фигура, для которой характерно сочетание несовместимых понятий. При этом отдельные слова в пространстве словаря даны без какой-либо стилистической пометы, а в целом образуют словосочетание, смысл которого заключается в переизбытке мигрантов на территории России. Значение фразы «*Мигрантов поставят на место*» определено нами с помощью фразеологического словаря: «*поставить на место*», то есть, ‘одернуть кого-либо, давая понять ему, что он в действительности стоит, представляет собой, как он не должен поступать’. Таким образом, в данном случае также присутствует отрицательная коннотация.

Итак, как мы можем наблюдать, в большинстве случаев отзывы СМИ о представителях иной культурной среды по своей окраске негативны. Это влияет на отношение к ним читателя, формирует определенные взгляды на проблемы эмиграции в Россию.

Для современной прессы нередко характерно искажение лексического значения слова. Это случается при использовании слов другой религии, нации, страны. До конца не разобравшись в их значении, современные журналисты используют их как синонимы для лексических единиц с противоположным значением. Так получилось, например, со словами *шахид*, *моджахед*, *воин Аллаха*.

Все мы знаем, что терроризм сегодня – постоянный спутник человечества, который относится к числу самых опасных и труднопрогнозируемых явлений современности, приобретающих все более разнообразные формы и угрожающие масштабы. Террористические акты приносят массовые человеческие жертвы, оказывают сильное психологическое давление на большие массы людей, влекут разрушение материальных и духовных ценностей, не поддающихся порой восстановлению, провоцируют войны, недоверие и ненависть между социальными и национальными группами, которые иногда невозможно преодолеть в течение целого поколения. Терроризм как массовое явление – результат деятельности отдельных групп в обществе, которые начинают ставить под сомнение законность и права государства и этим

оправдывают свой переход к террору для достижения собственных целей. Средства массовой информации изобилуют статьями на тему терроризма, в сводках новостей по телевидению ведущие и журналисты рассказывают о новых терактах, новых жертвах. Часто наряду со словосочетанием «террористы-смертники» мы слышим слова *шахид*, *воин Аллаха* или *моджахед*, укрепившиеся в нашем сознании как резко отрицательные, осуждающее тех людей, которых так называют.

Давайте обратимся к текстам словарных статей. «Новый словарь иностранных слов» Е.Н. Захаренко, Л.Н. Комаровой, И.В. Нечаевой один из немногих современных словарей, дающий определение слову *шахид*: ‘1) у мусульман – погибший за веру, пожертвовавший собой за веру; жертва; 2) террорист-смертник, современный камикадзе’. Стоит заметить, что здесь понятия сразу разграничены по вероисповеданию. Фактически, определение этого слова включает в себя значения-антонимы.

В этом же словаре читаем: ‘моджахеды – буквально борцы за веру’. Если в первом определении понятия «террорист-смертник» и «жертвующий собой за религию» разведены, то во втором такого разграничения уже нет. Обратимся к последнему словосочетанию *воин Аллаха*. В «Большом толковом словаре русского языка» под ред. С.А. Кузнецова понятие *воин* дано с пометой «высокое». Само слово определяется как ‘тот, кто несет военную службу, сражается с врагом, воюет; боец, солдат’. То есть, применяя высокий стиль по отношению к террористам, мы тем самым снимаем с них вину за преступление.

Это важно знать при употреблении данных слов, чтобы не допускать смешения понятий, особенно в области межкультурной коммуникации.

Проанализировав тексты словарей и печатные издания г. Волгограда, мы сделали вывод о том, что в системе языковых средств, квалифицирующих субъекта – представителя инокультурной среды, наблюдается расширение словарного значения за счет добавления отрицательной коннотации, в результате в семантике анализируемых единиц эксплицируются незафиксированные в толковых словарях семантические признаки. В качестве перспективы исследования мы планируем расширить круг языковых

единиц, включить в него средства, репрезентирующие действия субъекта – представителя иной культурной среды.

Литература

Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64-72.

Гареева В.Г. Социология, политология, социальная потребность в гармонизации межнациональных коммуникаций в постсоветском пространстве в контексте процессов глобализации // Вестник ВГУ, серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 2.

Головин Б.Н. Вопросы социальной дифференциации языка // Вопросы социальной лингвистики. 1969. № 1. С. 344-347.

Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968.

БАС – Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. М.-Л., 1948-1965.

Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2000.

Большой толково-фразеологический словарь М.И. Михельсона // http://dic.academic.ru/contents.nsf/michelson_old

МАС – Словарь русского языка. В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М., 1999.

Новый словарь иностранных слов: 25000 слов и словосочетаний / Под ред. Е.Н. Захаренко, Л.Н. Комаровой, И.В. Нечаевой. М.: «Азбуковник», 2003.

Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Под ред. Т.Ф. Ефремовой. М.: Рус. яз., 2000.

Словарь иностранных слов / Под ред. И.В. Лехина, С.М. Локшиной, Ф.Н. Петрова (гл. ред.) и Л.С. Шаумяна. 15-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1988.

Толковый словарь иноязычных слов / Под ред. Л.П. Крысина. 2-е изд., доп. М.: Рус. яз., 2000.

Толковый словарь современного русского языка / Под ред. В.В. Лопатина, Л.Е. Лопатиной. М.: Эксмо, 2008.

Фразеологический словарь русского языка: свыше 4000 словарных статей / Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Федоров; под ред. А.И. Молоткова. 5-е изд., стер. СПб.: Вариант, 1994.

Д.В. Виноградов (Санкт-Петербург)

Опыт тематической классификации лексики русского бурлачества

Лексика русского бурлачества, без сомнения, относится к едва ли не самым малоизученным составляющим, складывающимся в единое понятие – русский национальный язык. Многолетнее пренебрежение к «низкой» речевой стихии и неграмотность носителей обусловили крайне ограниченную письменную фиксацию бурлацкой лексики, что, наряду с полным выходом этой лексики из сферы живого употребления, значительно затрудняет не только поиск источников ее фиксации, но и исследовательскую работу, направленную на анализ и, в конечном итоге, на полноценное научное описание лексики русского бурлачества.

Анализ бурлацкой лексики с точки зрения происхождения, выявление ее генетических связей с русскими народными говорами и языками соседних, преимущественно тюркских, народов, отношения лексики бурлачества и общенационального языка – все это вопросы, почти не затронутые наукой, которые требуют специального целенаправленного изучения в дальнейшем. Однако наибольшую трудность представляет собой собственно поиск бурлацкой лексики, ввиду того что она встречается в незначительном количестве малодоступных и малоизвестных источников. См., например [Бурлачество 1851, Бурлаки 1862, Вернадский 1857, Корнилов 1862, Небольсин 1852, Оглоблин 1904] и др. Значительный объем лексики позволит сделать дальнейшие научные обобщения.

Собранная нами на данном этапе работы лексика может быть классифицирована по различным критериям. Однако при рассмотрении и классификации разнородного лексического материала наиболее удобно рассмотрение словарного состава по тематическим группам, так как традиционно в лексикологии важнейшим критерием выделения тематических групп является предметная общность слов, наименование ими идентичного сегмента действительности. Как отмечал Ф.П. Филин, тематические группы «зависят от традиций, навыков и способностей народа классифицировать явления действительности», «строятся на внешних отношениях между понятиями» [Филин 1982: 225].

При наиболее очевидной, тематической, классификации лексики возникает проблема, зачастую неразрешимая, разграничения в рамках отдельных лексических групп собственно профессионального просторечия и профессиональной терминологии (С.Д. Береснев, Л. Брум, Б.Н. Головин, Т.П. Ильяшенко, А.В. Суперанская и др.), в нашем случае – проблема разграничения собственно жаргонной бурлацкой лексики и профессиональной терминологической лексики судоходства. В рамках данной статьи мы не разграничиваем материал, основываясь на его целостной представленности в источниках.

Наибольшее количество собранного материала представляют существительные, которые в своей совокупности объединяются в несколько тематических групп (ТГ). Представим ниже наиболее существенные из них.

Значительную по объему тематическую группу представляют «наименования лиц по роду выполняемых обязанностей». В эту группу можно включить такие слова, как **шишка** ‘передовой бурлак в лямке’, **подшищечный** ‘помощник передового бурлака’, **лоцман (дядя, букатник)** ‘управляющий ходом судна’, **косной** ‘бурлак, чьей обязанностью является ссаривать бичеву (при тяге судна бичевой двое косных всегда идут последними)’, **водолив** ‘старший среди бурлаков, наблюдающий за сохранностью груза и заведующий расходами артели’, **кашевар** ‘один из бурлаков, обычно подросток, чьей обязанностью является приготовление пищи’. В эту же ТГ можно включить и номинацию **бурлацкий работник** ‘судорабочий, нанятый заболевшим бурлаком

для выполнения его обязанностей'. Все бурлаки делились на **коренных**, или **зимних** (так называли бурлаков, нанятых заранее, перед отправкой судна, обычно еще в конце зимы, и сопровождавших его с самого места отправки), и **добавочных** (бурлаки, нанятые на пути вместо заболевших или сбежавших судорабочих).

Слова в этой ТГ позволяют отметить четкое разделение труда в бурлацкой артели (**аравушке**), а также достаточно сложную иерархическую систему в пределах группы.

В отдельную тематическую группу можно выделить «прозвания, или прозвища булаков», что обозначим терминологически как «наименования бурлаков по региональному признаку»: **томойки** 'бурлаки-костромичи', **стародубы** 'бурлаки-владимирцы', **водохлебы** 'бурлаки-нижегородцы', **свиносуды** 'бурлаки, набранные из Елатьмы', **толстоногие** 'бурлаки родом из Пензы', **чехонники** 'бурлаки-саратовцы', **козлятники** 'бурлаки, нанятые в Твери', **кобелятники** 'бурлаки из Ржева'. В бурлаки изредка попадали также отхожие промышленники из Рязани (**макары**) и из Владимирской губернии (**беломуты**). Бурлаки, нанятые из южных губерний, назывались **ягутки**. Происхождение этого наименования Д. Зеленин объяснял следующим образом: «Бурлаки переносили из одних мест в другие... и диалектологические особенности. В старину бурлацкие артели на Волге были едва ли не единственным местом, где непосредственно сталкивались между собою в быту представители двух крупнейших этнографических групп русского народа – северно-великоруссов окальщиков и южно-великоруссов акальщиков. Последние среди волжских бурлаков численно преобладали, и на верхней Волге, например в Рыбинске, бурлаков прежде называли: “ягутки”, т.е. произносящие родительный падеж прилагательных и местоимений по южному: “яго”, а не “ево”» [Зеленин 1947, 3: 397].

Прозвища и наименования бурлаков – наиболее значительная в количественном отношении тематическая группа, однако можно предположить, что она еще далеко не полная. Ср. данные из очерка И.П. Корнилова: «“Много у вас между собою таких прозваний?” – “Да так много, что их не пересчитаешь. У бурла-

ков целые песни сложены из одних приговорок да прозваний!» [Корнилов 1862, 5].

В отдельную тематическую группу выделяются «наименования реалий профессиональной деятельности бурлаков»: **бечева (бичева)** ‘прочная толстая веревка, канат, предназначенный для тяги судна’, **лямка (ляма)** ‘широкий ремень или полоса кожи, которая надевалась на грудь или через плечо бурлака и соединялась с бечевой’, **ушко** ‘петля на конце бечевы, в которое продевали тоньку (хвост)’, **тонька (хвост)** ‘тонкая веревка с железным кольцом на свободном конце, соединенным с бурлацкой лямкой на груди у бурлака’, **бурундук** ‘снасть с блоком на судне, через который пропущена бечева; при помощи бурундука регулируют бечеву’, **чубурок (чапурок, чебурах)** ‘деревянный шар, который, благодаря своей величине, задерживался в “ушке” на конце бечевы’, а также названия различных частей судна и корабельных снастей, например, **конь, кресло** ‘судно’, **кичка** ‘нос судна’, **мурья** ‘помещение под палубой, где в непогоду укрываются бурлаки’, **кошель** ‘нижний край паруса’, **апостольская скатерть** ‘надутый ветром парус’.

Следующая ТГ объединяет слова, называющие различные реалии окружающей среды, актуальные для профессиональной деятельности бурлаков: **бечевник (бичевник)** ‘дорога вдоль берега, специально отведенная для бурлаков, тянущих судно’, **сакма (сахма)** ‘тропа, утоптанная по бечевнику’, **перекат** ‘мелководный участок русла реки; отмель’, **стрежень** ‘часть реки с наибольшей глубиной и самым быстрым течением’ (‘фарватер’ [Корнилов 1862, 8]), **заструга** ‘гребень, край мели’, **ятовь** ‘яма на дне реки’ и т.п. К этой группе можно отнести «наименования ветров» (в зависимости от их интенсивности или направления), как природного явления, имеющего очень важное значение для деятельности бурлаков: **витязной** ‘сильный ветер’, **святой воздух** ‘попутный ветер’, **моряна, приполдень, полуденный** ‘названия южных ветров различной интенсивности’, **горыч, прямой верховой, луговень верховой** ‘наименования северных ветров’.

Отдельную ТГ составляют собственно бурлацкие топонимические наименования: **Разбалуи-Город** ‘Астрахань’ (яркая об-

разность номинации объясняется тем, что в Астрахани, стоящей в устье Волги, путь бурлаков заканчивался), **Рыбна (Рыбная)** ‘Рыбинск’, **Перма** ‘Пермь’.

Показательной в рассмотренном материале оказывается как предметная общность, позволившая нам объединить слова в тематические группы (наименования бурлаков по роду выполняемой деятельности, по региональному признаку; наименования профессиональных реалий, явлений окружающей действительности, актуальных для профессиональной деятельности; профессиональные топонимы), так и собственно лексическое наполнение групп.

Очевидно, что перед нами социолект бурлачества – лексика, употребляемая исследуемой социальной группой и называющая только актуальные для профессиональной сферы понятия, позволяющая даже в таком незначительном объеме дать представление о профессиональной деятельности бурлаков.

Литература

Бурлачество в Астраханской губернии // Вестник императорского русского географического общества. Часть вторая. СПб, 1851. С. 50-53.

Зеленин Д.К. Терминология старого русского бурлачества // А.А. Шахматов. 1864-1920. Сборник статей и материалов / Под ред. С.П. Обнорского. М.-Л., 1947. С. 391-397.

Корнилов И. Волжские бурлаки // Морской сборник. 1862. LX. № 7. С. 3-37.

Вернадский Ив. Исследование о бурлаках // ЖМВД. 1857. XXIII, XXIV.

Бурлаки на Волге, их заработки и значение артели // Морской сборник. 1862. LXIII. № 11. С. 56-64.

Небольсин П. Заметки о волжских бурлаках // ЖМВД. 1852. XXXVII. № 2. С. 187-215.

Оглоблин Н. Ветлужские бурлаки. Из путевых заметок // Русское Судоходство. 1904. № 6. С. 39-60; № 7. С. 48-65.

Филин Ф.П. О лексико-семантических группах // Филин Ф.П. Очерки по теории языкознания. М., 1982.

Р.В. Гайдамашко (Санкт-Петербург)

Опыт создания комплексной словарной статьи в рамках исследования «Лексика финно-угорского происхождения в русских говорах Верхнего Прикамья»

Русская диалектная лексикография на современном этапе развития располагает тем количеством материалов, источников, исследований и, в конце концов, словарей самых разнообразных типов, что становится возможным исследовать лексику отдельных русских говоров комплексно, с привлечением географических, исторических, этимологических характеристик каждого диалектного слова. Параллельно с исследованием лексики финно-угорского происхождения в русских говорах Верхнего Прикамья нами составляются словарные статьи, которые, возможно, будут опубликованы как материалы к словарю. Составляемые словарные статьи носят комплексный характер, что обусловлено, с одной стороны, самим исследованием, сочетающим в себе метод полевого сбора материала, метод сплошной выборки материала из картотеки с последующим сравнительно-сопоставительным, историко-этимологическим и лингвогеографическим анализом, а с другой стороны – тем, что мы, вслед за Ф.П. Сороколетовым, видим в диалектном словаре «наиболее рациональный способ описания диалектных языковых фактов» [История... 2001: 530].

Объектом исследования является неисконная лексика русских говоров Верхнего Прикамья. Под русскими говорами Верхнего Прикамья понимаются предельно все диалектные формы русского национального языка, служащие средством общения жителям бассейна верхнего течения р. Кама, от ее истоков до впадения в нее р. Чусовая. Выбор данного региона обусловлен по крайней мере двумя вескими причинами: 1) русские говоры Верхнего Прикамья берут начало своей истории на Русском Севере, откуда с XIV–XV вв. и позже носителями новгородских, вологодских, архангельских, поморских говоров активно совершалась колонизация Предуралья. Кроме того, что эти люди несли в своей речи субстратно-адстратные следы тесного взаимодей-

ствия с различными финно-угорскими народами (в основном, прибалтийско-финскими и пермскими), они зачастую приходили вместе с коми-зырянскими семьями; 2) переселяющиеся в Верхнее Прикамье встречали там автохтонов, которым приходилось покидать территории (как это сделали удмурты и манси) или быть ассимилированными (что произошло с большинством коми-пермяков к XIX в.). Кроме того, изредка в русских говорах Верхнего Прикамья встречаются лексемы финно-волжского происхождения, что может быть связано с периодическими притоками в прошлом русского населения с ростово-суздальских и владимирских земель. По всем перечисленным причинам лексика исследуемых говоров обнаруживает следы взаимодействия с разнообразными финно-угорскими народами.

Источники материала исследования: 1) в подавляющем большинстве случаев – словари, так или иначе отражающие лексический состав русских говоров Верхнего Прикамья (СРНГ, СРГСУ, СРГСУД, СГСол, АкчС, СПП, СПГ, СРГКПО, СГТП); 2) обширные картотеки публикуемых словарей (КАС, КССП); 3) некоторые исследования и монографии, вводящие в научный оборот не освещенные ранее материалы, например, работы А.К. Матвеева, А.С. Кривощёковой-Гантман, Е.Н. Поляковой и др.; 4) собственные полевые записи (МЭ). Для сравнения исследуемой лексики на общерусском фоне привлекаются многочисленные диалектные словари по различным регионам Русского Севера и в целом по территории вторичного заселения. При этимологизации привлекаются данные этимологических словарей и многочисленных исследований в виде монографий, отдельных статей и заметок.

Таким образом, видим, что в пределах одной словарной статьи предполагается подача разнородного материала, который условно можно разделить на три части: 1) описание лексемы, бытующей в русских говорах Верхнего Прикамья: акцентологические и фонематические варианты; грамматические показатели; семантические пометы; основные значения; все бытующие в говорах оттенки значения и новые значения, развившиеся в результате метонимии; переносные оттенки значения, стоящие в метафорической связи с прямым значением; устойчивые и несвобод-

ные сочетания с данной лексемой; иллюстрации употребления лексемы в диалектной речи; указание года первой письменной фиксации в пермских памятниках XVI–XVIII вв.; при описании географического термина указываются топонимы с данным термином в своем составе; при наличии антропонимов, содержащих основу заголовочного слова, они также указываются; 2) анализ описываемой лексемы на общерусском фоне: указание на генетические говоры, послужившие источником лексемы (за исключением тех заимствований, которые вошли в русские говоры в Верхнем Прикамье, – коми-пермяцких, мансийских, удмуртских); указание на говоры территории вторичного заселения (если при анализе требуется продемонстрировать интердиалектность описываемой лексемы); 3) справка об этимологии лексемы: указание всех предполагаемых финно-угорских этимонов; заметка об их исконности или неисконности. Если в справке не дана исчерпывающая этимология, приводится краткий анализ гипотез относительно происхождения лексемы с последующим выводом.

Разберем подробнее некоторые рабочие моменты составления первой части словарной статьи. Принципы подачи и характеристики диалектной лексики продиктованы в основном «Инструкцией Псковского областного словаря» [Ларин 1961] и «Проектом "Словаря русских народных говоров"» [Филин 1961], хотя мы осознаем глобальное различие во взглядах обоих авторов на то, какого типа должен быть диалектный словарь.

Нами принят алфавитный порядок расположения слов, что соотносится со сложившейся в диалектологии лексикографической традицией.

Орфография заголовка словарной статьи – фонетическая. Существование акцентологических вариантов отражено в наличии нескольких ударений над заголовком. Фонематические варианты показываются в одной словарной статье, а словообразовательные и морфологические – в самостоятельных статьях.

После заголовка следует область грамматических помет. Грамматические пометы приводятся, если по форме слова нельзя или трудно определить, к какому разряду относится толкуемая единица, если требуется указание на неполноту парадигмы или на другие лексико-грамматические особенности. Сняты также

указания, касающиеся формообразования этого слова, если оно вполне укладывается в парадигму соответствующего типа склонения литературного языка. Но в необходимых случаях у изменяемых частей речи указываются грамматические формы: 1) имена существительные приводятся в им. п. ед. ч. (если ед. ч. неупотребительно, то в им. п. мн. ч.) с окончанием формы род. п.; 2) имена прилагательные полные в им. п. ед. ч. муж. р. с окончаниями ж. р. и ср. р.; 3) глаголы в инфинитиве с указанием вида и переходности. Неизменяемых частей речи среди исследуемой лексики нами пока не обнаружено, однако мы не исключаем возможность бытования в русских говорах Верхнего Прикамья наречий или междометий финно-угорского происхождения.

К семантическим пометам относятся: 1) те, которые ставятся при словах и сочетаниях, выделяемых говорящими по своей экспрессивности: *бран.* (бранное, для слов и выражений с ярко выраженной эмоцией негодования), *шутл.* (шутливое, о выражении лёгкой, дружеской насмешки), *дет.* (детское, о словах и выражениях, применяемых взрослыми только в разговоре с детьми); 2) *Перен.* – при значениях слов и сочетаний, стоящих в метафорической связи с прямым значением.

Основные значения выделяются арабскими цифрами, а оттенки этих значений – двумя отвесными чертами. Расположение основных значений по номерам должно быть подчинено принципу семантической филиации: от более конкретного – к производному, осложненному, более абстрактному [Ларин 1961: 668]. Переносные значения слова определяются после прямых. Несвободные, терминологические сочетания даются после знака ромба (◊).

Как показывает практика, при определении значений диалектного слова зачастую невозможно только синонимическое толкование или перевод литературным словом, в особенности, это касается значений имен существительных. Географические термины требуют развернутого толкования, а наименования местных растений, грибов, птиц, рыб, равно как и этнографизмов, – толкования в энциклопедическом ключе. В целом мы придерживаемся принципов семантической характеристики диалектного слова, оговоренной в [Филин 1961: 144-149; Ларин 1961: 665-670;

Сороколетов, Кузнецова 1987: 198-218; Кузнецова, Сороколетов 1997].

Давно и неоднократно отмечаемая исследователями полисемия диалектного слова, в особенности неисконного, также осложняет лексикографическую работу. Чаще, чем у остальных, метонимическое расширение наблюдается у лексики тематической группы «Ландшафт». Например, у интердиалектного слова *кули'га* выделяется не менее 15 основных значений. Иногда историческое взаимодействие разных, но близких по звучанию слов приводит к частичной омонимии, а затем к развитию на этой основе новых значений: показателен пример с лексемами *ла'бда* 'крутой отвесный берег реки' (через неустановленное посредство из ненецкого) и *ла'вда* 'топкое место; трясина' (из коми), взаимодействие которых обусловило появление лексемы *лобза'* 'топкое, болотистое место на берегу реки'.

После каждого семантического определения приводятся контексты заглавного слова для пополнения и подтверждения семантических и грамматических указаний.

Все лексико-семантические варианты и иллюстрации их употребления снабжаются пометами, раскрывающими ареал распространения внутри исследуемого региона.

Если подобная информация имеется в СПП, то в словарной статье приводится дата первого письменного употребления лексемы. Диалектная лексика редко попадала в тексты средневековых памятников (по замечанию составителя СПП, диалектизмы заняли 2% словника [Полякова 2009: 214]), однако подобная информация порой становится решающей в пользу заимствования на Русском Севере, а не в Верхнем Прикамье. К тому же данный пункт вполне обоснован при исследовании нами исторической глубины слова.

Топонимические материалы в качестве иллюстрации значения слова приводятся за знаком треугольника (Δ) с указанием объекта наименования и места его употребления. Там же приводятся бытовавшие и бытующие на территории современного Пермского края антропонимы (по материалам СИП и СПФ), образованные от данной основы или самостоятельно заимствованные из диалектов финно-угорских языков. Ономастические дан-

ные приводятся, чтобы, во-первых, продемонстрировать производность основы, а во-вторых, привлечь к исследованию пермские онимы неисконного происхождения, которые до сей поры были объектом пристального внимания лишь в отдельных работах А.С. Кривощёковой-Гантман и Е.Н. Поляковой.

Если среди рассматриваемой лексики обнаружены синонимы, то толкуется только один из них. При остальных компонентах синонимического ряда применяется отсылочное толкование, которое вводится знаком равенства. Сочетанием "См. Слово" словообразовательные варианты связаны со словарной статьей, где толкуется, описывается и этимологизируется производящая лексема.

Ниже приведен пример того, как в разных словарных статьях подаются многочисленные производные (к сожалению, примеры даны без многих иллюстраций, подробной этимологии и анализа на общерусском фоне, что значительно укрупнило бы список источников):

Ара́ва, ж. '= *Ара́вина*'. Арава – яма на лугах, топкое место (Юсьва) [СГТП: 21]. См. *Ара́вина*.

Ара́вина, ж. 'Сырое, топкое место, яма' Там места заболоченные и аравины часто встречаются. Аравина в лесу и в болоте, топкое место, яма зыбкая... Аравина бывает на покосах, на лугах. Там одна осока растёт, будто как яма (Юсьва) [СГТП: 21]; (Вильгорт, Черд.) [МЭ]. См. *Ара́вина*.

Ара́и, мн. 1. 'Низменный сырой луг' Араи около веретии были, всё время была вода. Когда бродили, по этих пор [по грудь] было, когда смочное лето. А когда несмочное, то косили. Хвощ или пихтик косили (Чашкино Сол.); Раньше поля не косили, арай косили, там сыро, кочки, сохнет плохо (Новая Каменка Ил.); Арай – раньше до затопления были луга, на них болотина и кочкарник, косили там (Лябово Доб.); Смолоду всё скотину держала. В войну и арай выручали (Старая Губ.); 2. 'Сырое, болотистое место' Арай – болотистое место. Раньше оно огорожено было, чтоб скот не потонул (Комары Вер.); Луга, на них арай – болотина и кочкарник (Добрянка); Километрах в трёх от нас место возле ручья и воды, называют арай (Буб Сив.); 3. 'Яма, вымытая на полях весенним половодьем' Старая яма, она обвалилась, араями

ещё зовём (Селянка Чус.); На бывшем покосе Жимолоске бежала в большую воду ричка, водой вымывало землю, говорили – арай (Паль Ос.); 4. 'Гальки на берегу у уреза воды' Арай у нас – гальки, которые всё тащит в эту Бодажиху [реку] (Дыбки Ныт.) [СГТП: 21]; 5. 'Сырые ложбины по берегам реки Камы, перемежающиеся суходолами' Они наводняются весенней водой и поростают обыкновенно ольхой, ивами, берёзами (Перм., Доб., Сол., Чёрм.) [СРНГ 1: 266-267]. ΔТоп.: луг **Арай** (Филатово Ил.) [СГТП: 21]. См. **Ара́й**.

Ара́ина, ж. 1. '=Ара́и 1' Внизу, в араинах, на три покоса накосить можно (Пермь); Араина – сырое место, там резучие травы, где бывает ранний покос (Плеханово Кун.); 2. '=Ара́и 2' Есть место болотистое маленько, раньше была вода, так говорят: там араина – кустарник, кочки (Буб Сив.); Вот какая утопель, вот какая араина (Пожва Юс.); 3. '=Ара́и 5' В араинах-то скоси тоже траву (Ныроб Черд.); Пойдёшь в посад – араину не увидишь: надо идти дальше' (Егва Куд.) [СГТП: 21-22]; 4. '=Ара́и 3' Бывают на лугах араины. Среди луга вдруг какая-то такая яма, и там растут деревья, и там вода (Рябинино Черд.) [ССП]; 5. '=Ара́й' (Перм., Сол., Ох.) [СРНГ 1: 266]; 6. 'Омут в реке' Араина омут называется, где вода кружится в тихом месте (Акчим Краснов.) [СГТП: 21-22]. См. **Ара́й**.

Ара́й, м. 1. 'Сырое болотистое место' Арай – его тожно, тут клюква растёт. Она не така бовото, а така: наверху-то мок, и она качацца (Кудымкар); У Иньвы арай – болотистое место (Архангельское Юс.); На болотистом месте кустарник, лес – за Сосуновым – называют арай (Буб Сив.); На арае клюква вкуснее (Большое Сидорово Куд.); Арай, где собирают клюкву (Ласьва Краснок.) [СГТП: 22]; 2. 'Сырой заливной луг' (Сол., Ох., Перм.); 3. 'Невысыхающая часть заливного луга' (Сол., Ох.); 4. 'Заросшее озеро на лугах' (Ох.) [СРНГ 1: 266-267]; 5. 'Топкое место на болоте' Топко на болотине, арай, утонуть можно (Юрл.) [СРГКПО: 50]. ΔТоп.: бывш. д. **Арай** (Вер.), бывш. выс. **Арай** (Перм.), поле **Орай** (Карагай) [СГТП: 22], луга Большой **Арай**, Средний **Арай**, Малый **Арай** на р. **Арай** (Черепанова, Сусай Черд.), луг **Арай** (Покча Черд.) [МЭ]. Из п.-фин., ср. фин., кар. *aro* 'мелководный залив, заросший хвощами' [ЭСРЯ 1: 82].

Ара́йный, ая, ое. ♂ *Ара́йное место* 'Сырое место в лесу' (Доб., Перм., Ус., Чёрм.) [СРНГ 1:267]. См. *Ара́й*.

Ара́льный, ая, ое. '=Ара́йный' (Доб.) [СРНГ 1: 267]. См. *Ара́йный*.

Что касается подачи лингвогеографической и собственно этимологической информации соответственно во второй и третьей частях словарной статьи, в этом отношении мы ориентируемся на единственные в своем роде лексикографические шедевры М.Р. Фасмера (ЭСРЯ) и А.Е. Аникина (ЭСРДС, РЭС). Словари последнего автора являются, кроме преемственных по отношению к ЭСРЯ, прекрасным примером этимологических словарей русского языка с включением диалектизмов (объект ЭСРДС – исключительно диалектная лексика) и внимательной проработкой материалов письменных памятников. Высокое качество лингвогеографической и этимологической характеристик русского диалектного слова продемонстрировано также в МСФУСЗ, жаль только, что подобные капитальные проекты (как и РЭС) обречены выпускаться чересчур долго.

Литература

История русской лексикографии / Отв. ред. Ф.П. Сороколетов. СПб: Наука, 2001. 610 с.

Кузнецова О.Д., Сороколетов Ф.П. Семантическая характеристика слов в диалектном словаре // Проблемы лексикографии: Сб. ст. / Под ред. А.С. Герда, В.Н. Сергеева. СПб: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1997. С. 28-40.

Ларин Б.А. Инструкция Псковского областного словаря (1961) // Ларин Б.А. Филологическое наследие: Сб. статей. СПб: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2003. С. 660-674.

Полякова Е.Н. Лингвокультурное пространство Верхнего и Среднего Прикамья: Материалы для самостоятельной работы: учеб. пособие. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2009. 260 с.

Сороколетов Ф.П., Кузнецова О.Д. Очерки по русской диалектной лексикографии. Л.: Наука, 1987. 231 с.

Филин Ф.П. Проект «Словаря русских народных говоров». М.; Л.: Наука, 1961. 199 с.

АкчС – Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь) / Под ред. Ф.Л. Скитовой. Вып. 1-5-. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1984-2003.

КАС – Картотека Словаря говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимского словаря), хранится на кафедре общего и славянского Пермского университета.

КССП – Картотека Словаря русских говоров севера Пермского края, хранится на кафедре общего и славянского языкознания Пермского государственного университета.

МСФУСЗ – Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера / Под ред. А.К. Матвеева. Вып. 1. А–И. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. 142 с.

МЭ – Материалы диалектологических экспедиций автора.

РЭС – *Аникин А.Е.* Русский этимологический словарь. Вып. 1-3-. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2007-2009-.

СГСол – *Беляева О.П.* Словарь говоров Соликамского района Пермской области. Пермь: Изд-во Перм. пед. ин-та, 1973. 706 с.

СГТП – *Полякова Е.Н.* Словарь географических терминов в русской речи Пермского края. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2007. 420 с.

СИП – *Полякова Е.Н.* Словарь имён жителей Пермского края XVII–XVIII веков. Пермь: Издательский дом Бывальцева, 2007. 464 с.

СПГ – Словарь пермских говоров / Под ред. А.Н. Борисовой, К.Н. Прокошевой. Вып. 1-2. Пермь: Книжный мир, 2000-2002.

СПП – Словарь пермских памятников XVI – начала XVIII века / Сост. Е.Н. Полякова. Вып. 1–6. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1993-2001.

СПФ – *Полякова Е.Н.* Словарь пермских фамилий. Пермь: Книжный мир, 2005. 464 с.

СРГКПО – Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа / Под ред. И.А. Подюкова. Пермь: ПОНИЦАА, 2006. 272 с.

СРГСУ – Словарь русских говоров Среднего Урала / Под ред. А.К. Матвеева. Т. 1-7. Свердловск: Ср.-Урал. кн. изд-во, Изд-во Урал. ун-та, 1969-1989.

СРГСУД – Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнения / Под ред. А.К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1996. 580 с.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. Вып. 1-43-. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965-2010-.

ЭСРДС – *Аникин А.Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. 2-е изд., испр. и доп. М.; Новосибирск: Наука, 2000. 768 с.

ЭСРЯ – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка / Под ред. Б.А. Ларина. Перевод с нем. и предисловие О.Н. Трубачёва. Т. I-IV. М.: Прогресс, 1964-1973.

С.А. Ганичева (Вологда)

Структурно-семантические особенности зоофонов в лингвогеографическом аспекте

Диалектные зоофоны – глаголы, обозначающие звуки животных – уже становились объектом картографирования в славянской лингвогеографии. Тем не менее, посвященных им карт немного. В Диалектологическом атласе русского языка (ДАРЯ) лексические и фонетические различия соответствующих глаголов отражены на картах «Глагол *ржать* (о лошади) и его соответствия», «Глагол *мычать* (о корове) и синонимичные ему глаголы», «Глагол *блеять* (об овце) и его соответствия», «Глагол *лаять* (о собаке) и его соответствия».

Программа Лексического атласа русских народных говоров (ЛАРНГ) направлена на углубленное изучение тематических групп диалектной лексики. Она предусматривает составление более 20 карт, посвященных зоофонам, две из которых уже включены в Пробный выпуск Лексического атласа (№ 210 «Издавать

громкие, характерные для дикого кабана звуки» и № 211 «Издавать громкие, характерные для лисы звуки», составитель Т.И. Вендина). Таким образом, актуальным направлением исследования представляется обращение к специфике диалектных зоофонов в контексте составления лингвогеографических карт. В соответствии с этим, мы рассмотрим в статье некоторые структурно-семантические особенности такой подгруппы зоофонов как орнитофоны (глаголы, обозначающие звуки птиц). Материалом для наблюдений нам послужили глаголы из картотеки ЛАРНГ (вопросы № 281 «Петь (о жаворонке)», № 285 «Кричать (о журавле)», № 292 «Издавать звуки, характерные для синицы», № 311 «Издавать звуки, характерные для сороки»; по материалам трех последних вопросов нами были подготовлены проекты карт).

Орнитофоны являются средством репрезентации в языке орнитозвукосферы, то есть совокупности звуковых сигналов, издаваемых птицами. Орнитозвукосфера входит в зоозвукосферу – совокупность звуков, издаваемых животными, которая в свою очередь входит в биозвукосферу – совокупность естественных звуковых сигналов и природных шумов. Биозвукосфера является частью звукосферы как всей совокупности звуков, окружающих человека [Курашкина 2007: 7-8]. Звукосфера репрезентируется в языке с помощью разных языковых средств: звукоподражательных слов, существительных со звукоизобразительными корнями, описательных конструкций, лексико-фонетических мнемоник и глаголов звучания [Курашкина 2007: 18]. Среди непроемных глаголов звучания можно выделить четыре группы: антропофоны (глаголы, называющие издаваемые человеком звуки), глаголы озвученного движения или механической фонации, глаголы природной фонации и зоофоны. Последние делятся на глаголы, обозначающие звуки животных, глаголы-орнитофоны и глаголы, обозначающие звуки насекомых и других живых существ [Ивлиева 2008: 35-39].

Особенности орнитофонов во многом обусловлены отношением этих глаголов к группе зоофонов. Их состав характеризуется следующими дифференциальными семами: 'издавать крик' (*те'нькать* – о синицах), 'издавать громкие низкие звуки' (*рыча'ть* – о громких угрожающих звуках), 'издавать громкие отры-

вистые низкие звуки' (*ла'ять*), 'издавать громкие протяжные звуки' (*выть* – о продолжительном протяжном крике, стоне), 'издавать негромкие высокие звуки' (*ворча'ть, урча'ть* – о негромких низких звуках, выражающих недовольство, угрозу) [Ивлиева 2008: 38]. В наших материалах встретились глаголы с дифференциальной семой 'издавать крик' (*те'нькать, зе'нькать, те'лькать, цви'ркать* и др. – о синице; *курлы'кать, ку'ркать, глу'кать* и др. – о журавле; *стрекота'ть, цокота'ть, щеко-та'ть, соро'чить* и др. – о сороке), 'издавать громкие звуки' (возможно, *крича'ть* – о журавле, сороке, синице; *треща'ть* – о сороке и др.), 'издавать негромкие звуки' (*пища'ть, звене'ть* и др. – о синице). При отборе материала для картографирования, как правило, принимаются во внимание глаголы, не имеющие дополнительных сем типа 'громкость', 'негромкость' и др. В том случае, если появление дополнительной семы в глаголе можно объяснить постоянными особенностями крика той или иной птицы, а сам глагол широко распространен, видимо, его целесообразно картографировать (например, *треща'ть* – о сороке).

Как отмечает И.В. Ивлиева [Ивлиева 2008: 49], для зоофонов в большей степени, чем для других групп глаголов звучания, свойственна связь с характерными звуками того или иного живого существа (*чуфы'кать* – о тетереве; *стрекота'ть* – о сороках, кузнечиках). Эта связь всегда в том или ином виде отражается в их толковании. Глаголов с широкой денотативной отнесенностью (*кричать, орать*) среди зоофонов немного. Однако, говоря об орнитофонах, необходимо отметить, что глаголы, обозначающие звуки певчих птиц, обычно невидоспецифичны. Голоса этих птиц передаются при помощи слов общего характера, например, «*звенеть, петь, свистеть, щебетать* можно сказать о любой мелкой птице» [Курашкина 2009: 807]. При обозначении голосов неворобьинообразных птиц, не имеющих песни как таковой, количество видоспецифичных глаголов увеличивается: *гогота'ть, шише'ть* (о гусе), *воркова'ть* (о горлице) [Курашкина 2009: 807-808]. Эта особенность орнитофонов заметна при сопоставлении глаголов, обозначающих звуки сороки и журавля с глаголами, обозначающими звуки синицы и жаворонка. Среди первых практически нет слов с широким денотативным значением кроме *крича'ть*. Од-

нако в отношении синицы часто фиксируются глаголы общего характера: *пища́ть*, *звене́ть*, *свисте́ть*, *свиста́ть*, а в картеке вопроса «Петь (о жаворонке)» преобладает соответствующий глагол очень широкой семантики *петь*. Невидоспецифичные глаголы желательно отводить от картографирования. Однако если среди глаголов, относящихся к певчим птицам, значительно преобладают глаголы широкой семантики, употребление которых может быть вызвано постоянной особенностью фонации (например, мелодичностью, как в случае с жаворонком), их можно картографировать.

Как и прочие глаголы звучания, зоофоны способны употребляться в метафорическом значении. Например, *ревет* можно сказать не только о звере, но и о человеке и о явлении природы [Ивлиева 2008: 50]. В нашем материале встречались глаголы в переносном значении, например, *пла́кать* (о звуках журавля). Подобные слова отводились от картографирования. В контекстах на карточках нередко зафиксирован типичный для зоофонов перенос по модели «звук животного – речь (смех) человека»: *Сидят бабы-то, да стрекочат, как сороки*.

В говорах синонимичные глаголы-орнитофоны часто имеют сходное, но не одинаковое звучание. Так, о синице могут сказать: *те́нькает*, *те́лькает*, *зе́нькает*, *зи́нькает*, *цви́нькает*, *цви́ркает*, *цвири́нькает*, *дзге́нькает*, *чири́кает*, *чи́вкает*, *чили́кает* и т.д. Подобное разнообразие обусловлено принадлежностью большинства орнитофонов к звукоизобразительным глаголам, для которых «характерна вариативность гласных и согласных корня, акцентных характеристик» [Азарх 1974: 113]. Экстралингвистическими причинами такого варьирования являются слабые имитаторские способности человека, субъективизм восприятия голосов птиц, диалектное варьирование голосов целого вида птиц, индивидуальное варьирование вокализаций отдельной особи [Курашкина 2009: 808]. Фонематический состав корня, видимо, может зависеть от типа вокализации птицы, которому подражает человек: короткий сигнал или длинная, сложная песня [Курашкина 2009: 806]. Также варьирование звукоизобразительных глаголов может быть следствием регулярными фоне-

тических чередований в говорах или отголоском прежних фонетических процессов [Азарх 1974: 106].

Различия в глаголах, обусловленные регулярной диалектной фонетикой, нерелевантны для лексической карты. Поэтому мы объединяли при картографировании орнитофоны *цокота'ть* и *сокота'ть*, *стрекота'ть* и *стрикота'ть*, *щекота'ть* и *шокота'ть* (о сороке), *те'нькать* и *ти'нькать*, *чили'кать* и *цыцыли'кать* (о синице). Возможно, регулярные диалектные соответствия существуют также между словами *щекота'ть*, *чекота'ть* и *цокота'ть* (о сороке). Но эти орнитофоны есть и в литературном языке, в котором имеют разные значения, поэтому, видимо, их целесообразно разделять при картографировании.

Звук -з- в *пе'ньгать* и *те'ньгать* (о синице), вероятно, является отголоском древней прогрессивной ассимиляции -к- по звонкости после сонорного, подкреплявшейся влиянием заимствований из прибалтийско-финских языков, о которой писала Ю.С. Азарх [Азарх 1974: 107-111] (ср.: *те'нькать* и *пи'нькать*). Однако глаголы *пи'ньгать* и *те'ньгать* зафиксированы только три раза, поэтому на карте мену -к- // -з- отражать нецелесообразно. Глаголы-орнитофоны отражают и другие чередования, не всегда столь древние по происхождению (список возможных чередований см. [Азарх 1974: 107-125]). В нашем материале это -л'- // -в'-: *кли'кать* – *кви'кать* (о журавле), *чили'кать* – *чиви'кать* (о синице); у // ы: *кур'кать* – *кы'ркать*, *курлы'кать* – *кырлы'кать* (о журавле); ы // а: *кы'ркать* – *ка'ркать* (о журавле); глухой согласный – звонкий согласный: *курлы'кать* – *гурлы'кать* (о журавле), *те'нькать* – *ди'нькать*, *се'нькать* – *зе'нькать* (о синице); твердый согласный – мягкий согласный: *курлы'кать* – *курли'кать* (о журавле), *тре'нькать* – *тре'нкать*, *те'нькать* – *те'нкать* (о синице); н' (н) // л' (л): *курлы'кать* – *курны'кать* (о журавле), *те'нькать* – *ти'лькать* (о синице). Вероятно, можно добавить к этим чередованиям р' // л': *чири'кать* – *чили'кать* (о синице). В ряде орнитофонов как дополнительное средство выразительности используется редупликация: *чичи'кать*, *чача'кать* (о сороке), *тете'кать*, *те-те'нькать* (о синице). Той же цели служат наращения: н' (*чили'нькать*, ср.: *чили'кать*), р' (*цвири'нькать*, ср.: *цви'нькать*).

В целом, широкое фонематическое варьирование орнитофонов создает трудности при их отображении на карте. Многие глаголы по звучанию представляют собой переходные случаи, а в целом образуют что-то вроде континуума, который необходимо каким-либо образом расчленить, чтобы картографировать. Вероятно, целесообразно максимально отражать фонематические особенности, объединяя только глаголы, у которых различия в звучании связаны с регулярной диалектной фонетикой, или глаголы с фонематическими различиями, один из которых встретился незначительное количество раз.

Обратимся к словообразовательной структуре орнитофонов. Ю.С. Азарх [Азарх 1974: 125-130] выделила пять словообразовательных моделей глаголов, обозначающих крики животных. Наиболее древними по происхождению являются глаголы на *-ать* (*бле'ять, ла'ять*). Продуктивную в современном языке модель составляют глаголы на *-ка-ть*, образующиеся от звукоподражаний (*те'нькать* – о синице, *глу'кать* – о журавле). Глаголы на *-ота-ть / -ета-ть*, как правило, соотносятся с существительными (*стрекота'ть* – *стрекот*). Они обозначают, в основном, громкие прерывистые звуки. Глаголы на *-к(х)т-ать*, видимо, образовались вследствие контаминации моделей на *-ка-ть* и *-ота-ть*. Глаголы на *-айда-ть / -анда-ть* (*ня'вандать, ра'вандать* – о кошке, *ку'рандатель* – о лягушке) являются заимствованиями из финского и карельского языков.

В материалах наших вопросов, посвященных журавлю и синице, встретились преимущественно глаголы на *-к-а-ть*: *те'нькать* (о синице), *глу'кать* (о журавле) (за исключением глаголов типа *звене'ть, крича'ть* и др., отведенных от картографирования). Бо'льшим разнообразием отличаются глаголы со значением 'кричать (о сороке)'. Среди них много слов на *-к-от-а-ть / -к-т-а-ть*, таких как *стрекота'ть, цокота'ть, щекота'ть, щекта'ть, чекота'ть*. Очень распространен непроезводный глагол *треща'ть* с суффиксом *-а-*. Кроме того, встретился отсубстантивный глагол *соро'чить* с суффиксом *-и-*, образующий островной ареал на территории Ивановской, Владимирской и Тульской областей.

Видимо, целесообразно отражать на карте словообразовательные различия глаголов в том случае, если разные словообразовательные модели встречаются в словах с одинаковыми корнями. Ни в одном из наших вопросов этого не было, поэтому карты составлены чисто лексические, подобно картам в ДАРЯ и Пробном выпуске ЛАРНГ. В одном случае отражен результат морфологического процесса: изменение основы инфинитива в глаголе *курлы'кать* в *курлыч-* (*курлы'чить*) под влиянием форм настоящего времени (*курлы'чет*). Глагол *курлы'чить* образует ареал в центральной части европейской территории России.

Подведем итоги. Особенности орнитофонов во многом определяются их принадлежностью к звукоизобразительной лексике, в частности, к глаголам-зоофонам. Для орнитофонов характерен определенный набор дифференциальных сем, преобладание видоспецифичных глаголов, возможность метафорического употребления. Синонимичные орнитофоны в говорах часто имеют сходное, но не одинаковое звучание, что определяется рядом лингвистических и экстралингвистических причин. Орнитофоны образуются по моделям, общим для всех глаголов, обозначающих крики животных. Все структурно-семантические особенности орнитофонов определяют специфику картографирования этой тематической группы диалектной лексики.

Литература

Азарх Ю.С. О сводных картах слов одной лексико-семантической группы (на материале русских диалектных глаголов, обозначающих крики животных) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1972. М., 1974. С. 104-139.

Диалектологический атлас русского языка (центр Европейской части России): карты. Вып. 3: Лексика. Минск, 1997.

Ивлиева И.В. Русские глагольные модификации (опыт составления словаря). М., 2008.

Курашкина Н.А. Звукообозначения как репрезентация звукофемы в языке (на материале английских, французских и русских антропо- и орнитофонов): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Уфа, 2007.

Курашкина Н.А. Особенности языкового отражения вокализации птиц (на материале английских, французских и русских антропо- и орнитофонов) // Вестник Башкирского университета. 2009. Т. 14. № 3. С. 806-808.

Общеславянский лингвистический атлас. Сер. Лексико-словообразовательная. Вып. 1. Животный мир / Гл. ред. Р.И. Аванесов. М., 1988.

Общеславянский лингвистический атлас. Сер. Лексико-словообразовательная. Вып. 2. Животноводство / Под ред. Я. Басары и др. Warszawa, 2000.

Шаброва Е.Н. Морфемика диалектного глагола. СПб., 2003.

Т.Д. Демидова (Курск)

Преломление общенародного языка в индивидуальном лексиконе курского писателя-миниатюриста В.П. Деткова

В конце XX – начале XXI вв. лексикография получила новый вектор направления исследования, цель которого – словарное описание лексических особенностей индивидуального стиля художника слова. Не остались в стороне и курские ученые, которые в рамках научно-исследовательской лаборатории «Курское слово» работают над составлением словарей писателей и поэтов родного края. На сегодняшний день подготовлены словники художественного языка Е.И. Носова, К.Д. Воробьева и А.П. Гайдара. В поле зрения нашего исследования оказались тексты 173 миниатюр курского писателя Владимира Павловича Деткова (23.06.1937 – 04.09.2009) [Детков 1992]. Это один из тех немногих писателей, который успешно работал как с традиционной прозой – рассказами, повестями, так и с малой – миниатюрами, очерками, новеллой. В каком-то смысле, это признание мастерства автора, его неповторимость. По мнению Е.И. Носова, миниатюры В. Деткова состоят из одухотворенных раздумий и откровений. Их поэтическая ткань и плоть сознательно уплотнены кропотливой работой над словом, над мыслью, над трепетной сутью самой поэзии [Носов 1984: 4].

Жанр миниатюры позволяет наиболее полно постичь мировоззрение автора, сконцентрированное в нескольких строках. Сам В. Детков сравнивал свои миниатюры с подписями к фотографиям, где на ткань зрительного восприятия накладывается словесный рисунок. Писателя интересует суть, скрываемая обыденностью.

Словарь языка отдельного автора создается, как и толковый словарь, на основе текстов. Однако, во втором случае, лексико-семантическое поле строится на основе вариантов слов, выделенных из иерархии текстов различных авторов. Иначе развивается первое направление: автор сам задает параметры слова, которые, в зависимости от степени значимости, фиксируются / не фиксируются создателями таких словарей. Авторская лексикография призвана выяснить степень преломления общенародного языка в индивидуальном творчестве. Именно здесь возникает сложность. Практически невозможно дать точную дефиницию слова писателя. Попытки извлечь из контекста точное значение авторского слова во многих случаях объективно остаются нереализованными [Голованевский 2004: 16].

Авторы антологии «Русская авторская лексикография XIX – XX веков» [РАЛ 2003] предлагают трехмерное представление дефиниции слова: 1) идеи «лексикографической параметризации языка»; 2) идеи «языковой личности и ее структурной организации»; 3) идеи противопоставления «говорящий / слушающий».

Рассмотрим наиболее полно второй принцип из представленного перечня, ведь именно языковая личность задает измерение трехмерного понятийного пространства, в котором строится типология авторских словарей. Это понятие имеет две сущности. Во-первых, под **языковой личностью** понимается любой носитель языка, охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов с точки зрения использования в них системных средств данного языка для отражения видения им окружающей действительности (картины мира) и для достижения определенных целей в этом мире. Во-вторых, **языковая личность** – это инструмент лингвистического анализа, комплекс приемов, позволяющий описать языковую способность индивида и соединить

системное представление его языка с функциональным анализом произведенных им текстов.

Мотивы обращения к «языковой личности» при решении вопросов авторской лексикографии вполне прозрачны: на автора, тексты которого подвергаются лексикографической обработке, резонно распространить те же самые характеристики, которые используются обычно при изучении среднего носителя языка.

Таким образом, второе измерение пространства авторских словарей, а именно – языковая личность, снабжает нас конкретным набором параметров, т.е. единиц и отношений, структурирующих данный феномен.

Исследование в рамках выбранной методики потребовало составление словника лирических прозаических миниатюр курского писателя В.П. Деткова. Основная функция словника – дать наиболее полные сведения о языковой картине писателя-миниатюриста. Известно, что при подготовке любого словаря перед исследователем прежде всего встает вопрос об отборе слов: какие включать, а какие оставить за его пределами. Спектр лексики любого автора уникален, и только благодаря анализу каждой лексемы, им употребленной, можно составить целостную картину языкового мира, именно поэтому мы руководствовались методикой сплошного анализа текстов писателя, в результате чего в словник были включены такие единицы, которые часто остаются за пределами словаря: служебные слова и имена собственные. Используя программу автоматизированного составления словника NewSlow, мы создали электронную базу данных, затем последовательно фиксировали начальную форму всех лексических единиц, встречающихся в миниатюрах В.П. Деткова.

Квантитативный анализ лирических миниатюр В.П. Деткова привел к следующим результатам. Объем словаря писателя составляют 5552 единицы. Общее число словоупотреблений – 17805. На базе алфавитного нами был создан частотный словник, исследование которого привело к следующим результатам. Верхние позиции в рейтинговом расположении словоупотреблений по убыванию заняли служебные части речи, самыми частотными из которых стали: *и* (849 словоупотреблений; далее в скобках будем

указывать количество словоупотреблений), *в/во* (475), *не* (342), *на* (338), *с/со* (226), *а* (165) и т.д.

Лексическое ядро вычленяется на основании частотности единиц в пределах исследуемого материала. Предполагают, что тезаурус любого языка по степени интенсивности использования лексических единиц состоит из двух неравных блоков, граница которых проходит после первых ста слов верхнего ранга. Мы будем опираться на эту точку зрения, однако с некоторыми ограничениями: из ядерной лексики мы исключаем служебные слова, потому что они не являются опорными в представлении мировоззрения автора, а используются в качестве связующего звена в речевой коммуникации и не несут семантической нагрузки. Исследования доказывают, что сто наиболее частых слов охватывают около 40% любого текста [Климас 2005: 20].

В ходе исследования лирических миниатюр В.П. Деткова было выявлено самое частотное слово среди знаменательных частей речи – это местоимение *он* (521). Оно наряду с другими: *я* (145), *мы* (65), *ты* (47), *вы* (20) – входит в группу личных местоимений. Заметим, что противопоставление *он / я* достаточно ярко выражено в количественном соотношении. В.П. Детков – наблюдатель, в каком-то смысле художник, рисующий картину социальной жизни, сам при этом не участвующий или играющий второстепенную роль в ней, поэтому, вероятно, доминирует третье лицо местоимения.

В первые 100 знаменательных лексем вошли также местоимения других разрядов: притяжательные: *его* (37), *мой* (41), *наш* (18), *свой* (141), *твой* (15); определительные: *весь* (132), *другой* (13), *каждый* (29), *самый* (74); указательные: *такой* (33), *этот* (51); вопросительно-относительные: *который* (19), *кто* (25); возвратное: *себя* (82).

Миниатюра у Деткова – это небольшая зарисовка, слайд, фокусирующий внимание на определенном жизненном эпизоде, именно поэтому автор часто отказывается от конкретики, точности, предоставляя возможность читателю на секунду оказаться свидетелем со стороны. Группа частотных глаголов *быть* (93), *идти* (23), *остановиться* (13), *пойти* (16), *стать* (39), *стоять* (24) характеризует нахождение / перемещение в пространстве

объекта. Автор предлагает статичную модель современной жизни, действие в которых порой сводится к нулю, однако иногда писатель разрушает ее фиксированность с помощью глаголов активного движения. Субъекты и объекты перемещаются, выполняют социальные функции, участвуют в вербальной и невербальной коммуникации. Доказательством последнего является группа глаголов: *говорить* (19), *сказать* (15), *смотреть* (21).

Действительно, речевая деятельность – неотъемлемая часть человеческой жизни, она присутствует во всех сферах, во всех слоях, то есть, везде, где есть человек. Именно *человек* – главный объект пристального внимания В.П. Деткова. 16 лексем из 49 частотных существительных используются автором для номинации людей и их характеристики. Группа существительных, маркированная общим словом «человек», неоднородна, внутри нее можно выделить следующие подгруппы: **общие наименования:** *человек* (49), *люди* (20); **наименования межличностных отношений:** *друг* (28); **название частей тела, органов, внутренних составляющих и сопутствующих наименований:** *глаз* (50), *голова* (22), *голос* (43), *душа* (39), *лицо* (19), *нога* (17), *рука* (66), *сердце* (20); **слова с гендерной доминантой:** *девушка* (14), *женщина* (48), *мама* (18), *мужчина* (18), *парень* (27).

Форма, заложенная в жанровом своеобразии миниатюры, диктует ограниченность во времени, вероятно, поэтому в группу наиболее частотных лексем вошли и слова со значением ‘временной отрезок’: *время* (21), *день* (27), *минута* (17), *утро* (23).

Все это позволяет дополнить картину жизни, внести тот самый штриховой лирический компонент, который не является самоцелью миниатюры, но позволяет наиболее полно раскрыть изображаемое явление. Этому подчинен и выбор частотных лексем других знаменательных частей речи, представленных **числительными** двух основных разрядов: (1) **количественные:** *два* (24), *один* (65) и (2) **порядковые:** *первый* (31); **прилагательными:** *большой* (29), *вольный* (13), *добрый* (21), *живой* (16), *легкий* (15), *новый* (17), *светлый* (19) – и **наречиями:** *всегда* (20), *долго* (17), *рядом* (17), *сейчас* (13), *снова* (15), *совсем* (13).

Таким образом, большую часть первых десяти ранговых позиций среди знаменательных частей речи заняли местоимения,

что объясняется их основной функцией – заменой других частей речи. Остальные места распределены среди существительных и глаголов, которые, как правило, являются центром ремы в тексте.

Однако вкус автора и его литературные склонности отражают именно единичные наименования. Автор стремится писать в своей манере, говорить своим голосом, выразить себя и свое понимание объективной действительности [Гаспарян 2004: 50]. И если доминантная лексика в большей степени характеризует менталитет целого этноса, то единичная максимально индивидуализирована, специфична.

Выделим несколько моментов в характеристике единичных словоупотреблений. Во-первых, распределение лексики на группы по частям речи позволяет установить некоторые закономерности. Периферийный блок практически не содержит служебных слов, все они заняли верхние позиции частотного словаря. Незнаменательные единицы – повторяющиеся связующие звенья в речевой коммуникации, именно поэтому их количество предельно мало на периферии.

Во-вторых, при анализе было выделено 1147 существительных, 980 глаголов, 558 прилагательных, 279 наречий, 254 причастия, 210 деепричастий. Отражение социальной жизни сквозь призму языковой личности, а также жанровая форма текста (акцент на эпос, а не на лирику) порождают именно такое соотношение частей речи. Внутри выделенных объединений особый интерес представляют следующие группы:

Структурные типы слов. Анализ алфавитного словника лирических миниатюр В.П. Деткова выявил особенности авторского вкуса, проявляющегося в выборе структурных типов лексем. Среди групп, объединенных единым словообразовательным элементом, можно выделить следующие:

1. *Лексемы с префиксами без-/бес-* (16/16), *не-* (11), *недо-* (6). Первые две приставки вносят в семантику лексем элементы 'отсутствия чего-либо': *безвременно, бездетный, бездымный, безжизненный* и др. Элемент отсутствия всегда конкретизируется: *предмет (И оно, бескрышное и безопорное, отошло вместе с куском известки и опрокинулось (Ласточкино гнездо, 389), явление (На лесной вырубке, залитой солнцем, – теплынь, безветрие*

(Яблоко на снегу, 405) или **необходимое комфортное состояние** (*Имена и слова, к сожалению, беззащитны перед злом* (Встреча на рассвете, 401); *Годы лежало семя **недвижимой** точкой жизни, тая в себе и начало ее, и конец* (Грамматика жизни, 382). Концентрация семантических элементов в пределах одного слова позволяет отказаться от громоздких описательных конструкций; эта вынужденная мера связана с жанровым своеобразием произведений.

Особый интерес представляет префикс *недо-*. *Недо-* – это сложная приставка, указывающая на неполноту, недостаточность действия или качества, например: *недобить, недовыпуск, недоразвитый*. Приставка *недо-*, хотя и сложная, но слитная, нерасчленимая: она выражает двойное значение, одновременно посылая действие вперед, до конца, до упора – и отбрасывая назад. Вопреки кажущейся простоте, приставка *недо-* содержит в себе некий оксюморон. Она состоит из двух элементов: приставки *до-*, обозначающей достижение цели, доведение действия до конца (*доесть, доехать*) и частицы «не-», которая отрицает то, что «до» обозначает (*недоесть, недоехать...*). «*Недо*» указывает на предел действия и одновременно на отступление от этого предела; цель обозначена в модусе ее недостижения. Лингвистический вкус чувствителен именно к этому люфту между намеченным результатом действия и его реальным воплощением, которое всегда немного не добирает до цели.

Среди единичных употреблений в миниатюрах В.П. Деткова присутствуют шесть лексем с префиксом *недо-*: *недоговорить, недосказанный, недослушать, недосмотреть, недоумевая, недоучеть*. В своей семантике все слова так или иначе содержат предел, о котором говорилось выше: *Шуришит и нашептывает милым голосом о цветах среди зимы, о сказке **недосказанной*** (Снег, 327).

2. Лексемы с инициальной **три-** / **трех-** (7): *трехметровка, триединство, триждыбеда, трехлетний, трижды, тринадцатый, триста: Три девушки – слепые и невзрачные до уродства, идут центральной улицей, держась друг за дружку как единая **триждыбеда*** (Триждыбеда, 402). *И встает оно [Солнце] перед нами в святом **триединстве**: цвет, звук, запах* (Солнце, 360).

Как видим, все слова этой группы, независимо от частеречной принадлежности, имеют числовую сему, причем известно, что число три имеет сакральное значение. Идея триединства составляет основу многих древних философских и религиозных учений. С тройкой связывают трехмерность пространства: длина – ширина – высота; трехфазность вещества: твердое тело – жидкость – пар; триединство времени: прошлое – настоящее – будущее; человека (тело, душа и дух), а также рождение, жизнь и смерть; начало, середина и конец; три фазы Луны; триединство Мира; во многих религиях верхний Мир – это небо, средний – земля, нижний – вода.

Вероятно, В.П. Детков, выбирая в качестве важной составляющей семантики слова число три, автоматически помещает образную систему миниатюры в определенное ментальное пространство, где происходит ее дешифровка с помощью базовых культурных концептов самого читателя.

3. *Сложные и составные слова.* Эта группа наиболее точно отражает вкус автора, ведь именно здесь свобода языковой игры миниатюриста достигает наивысшей точки.

Сложные лексемы в миниатюрах В.П. Деткова выстраивают субъективно-абстрактную картину действия. Выбор зависит от авторских ощущений, которых может быть **мало-**: *малознакомый, малолюдный* или **много-**: *многоголосье, многодневный, многообразие, многоэтажье, многоэтажный*; некоторая группа лексем содержит **числовую сему**: *второклассница, четырехсотметровка*; на **пересечении вертикального и горизонтального восприятия** расположен следующий круг лексем: *глубокомыслие, длинноволосый, длинноклювый*; **степень прозрачности** изображаемой действительности: *ясновидный, яснопогодье*; **колоративные прилагательные**, передающие сложную цветовую гамму: *бледно-желтый, молочно-белый, оранжево-красный, темно-бурый, темно-глянцевый*.

Классифицируем составные лексемы с точки зрения тематики и способа образования: 1) лексемы, образованные при помощи **повтора**: *большой-большой, печальный-печальный* характеризуют градационное представление о состоянии объекта; 2) составные лексемы, образованные на основе **синонимического**

сближения, передают степень сближения и субъективной оценки: *гад-предатель, друзья-подруги*; визуальную, акустическую и термическую оценку: *глыба-гора, шум-грохот, пыл-жар*; повторяющееся изменение нахождения в пространстве: *закружить-завертеть, спешить-торопиться*; номинацию лица: *летчики-самолетчики*; состояние: *горе-беда*; 3) лексемы **суммарной семантики**: лексемы, образованные на основе антонимичных отношений: *больше-меньше, радость-печаль*; нумеративные слова: *три-четыре, восемь-девять*; слова, обозначающие погодные явления: *град-дождь*; слова с акустическим элементом в семантике: *петушино-собачий, искра-звук*; слова, содержащие метафорическую или метонимическую оценку: *ветвь-рука, заклепочник-этикеточный*; 4) лексемы, созданные по модели **«определяемое + определяющее»**: *братья-раздорники, дождь-косохлест, дождь-подстега, коллега-ровесник, ливень-однотучник, работа-забота, тело-пружина, фонарь-невидимка, щуренок-глупыш*.

Таким образом, составленный нами алфавитно-частотный словарь позволяет увидеть особенности миниатюр В.П. Деткова, проанализировать распределение и соотношение доминантной и периферийной лексики.

Квантитативный анализ первой сотни знаменательных слов привел к следующим результатам: образная система миниатюр В.П. Деткова предметно разнообразна (*рука, солнце, дело, день* и т.д.), но при этом процессуально частотна (*идти, смотреть, говорить, жить, остановиться* и т.д.). Имена прилагательные, выбранные автором в качестве опорных, изначально содержат положительную коннотацию (*большой, добрый, светлый, живой, легкий* и т.д.). Единичная лексика максимально отражает авторское мировоззрение и его причастность к определенному культурному этносу. В целом первоначально выявленная многоплановость словаря миниатюр позволяет говорить о неоднослойности мировоззренческой картины мира художника-миниатюриста В.П. Деткова.

Литература

Гаспарян С.К. К вопросу об изучении индивидуального стиля автора // Филологические науки. 2004. № 4. С. 50–57.

Голованевский А.Л. Индивидуальный словарь автора и поэтический текст // Рациональное и эмоциональное в языке и речи: Средства художественной образности и их стилистическое использование в тексте. М.: МГОУ, 2004. С. 16–20.

Детков В.П. Три повести о любви. Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1992.

Климас И.С. Фольклорная лексикология: своеобразие объекта, состав единиц, специфика лексикологических категорий: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Орел: Орлов. гос. ун-т, 2005.

Носов Е. Слова, творящие праздник / В.П. Детков // Свет мой светлый: Миниатюры, рассказы, повесть. М.: Современник, 1984.

РАЛ – Русская авторская лексикография XIX – XX веков: Антология / Отв. ред. Ю.Н. Караулов. М.: Азбуковник, 2003.

Е.С. Дудко (Санкт-Петербург)

**Аспекты словарного комментирования хронологически
отмеченной лексики из произведений детской
литературы XX века**

Проблема восприятия текстов художественной литературы сегодня представляет особый интерес в связи с бурными социолингвистическими и социокультурными процессами, происходящими в конце XX – начале XXI века и вносящими значительные изменения в лексикон современной языковой личности, в его количественные и качественные показатели. Переход лексики из активного словаря в пассивный – один из наиболее заметных процессов в русском языке рубежа веков, обусловленный выходом из употребления значительных лексических пластов, связанных с обозначением реалий советской эпохи.

Приведем фрагмент текста.

Ребята-октябрята были самым дружным народом в отряде. Держались они всегда стайкой: петь так петь, играть так играть. Даже реву задавали они и то не поодиночке, а сразу целым хором, как это было на днях, когда их не взяли на экскурсию в го-

ры. К полудню Натка увела их на поляну, к сосновой роще, потому что звеньевой *октябрят* Роза Ковалева была в этот день помощником дежурного по лагерю. Едва только Натка опустилась на траву, как *октябрята* с криком бросились занимать места поближе и быстро раскинулись вокруг нее веселой босоногой звездочкой (А. Гайдар. Военная тайна).

Выделенная лексема встречается также в произведениях для детей В. Осеевой, В. Драгунского. Для современного ребенка это слово может вызвать затруднение при восприятии текста и, следовательно, потребует определенного комментария. Подобных хронологически отмеченных единиц в произведениях детских писателей советской эпохи достаточно много, что сделало актуальной проблему их лексикографического описания.

Но создавать отдельный комментарий к каждому детскому произведению советских писателей достаточно сложно, тем более что многие хронологически отмеченные единицы повторяются в различных текстах. Рациональным представляется создание комментария к отдельным текстовым фрагментам (постраничного или затекстового), а также создание отдельного сводного словарика, включающего комментарии к потенциально трудным для понимания словам и словосочетаниям из текстов произведений детской литературы.

Исследования лексикона современника констатируют наличие лакун, пустот в тезаурусе современного человека, связанных с уходом в прошлое советской эпохи. «Словарь и энциклопедия ликвидируют лакуны, заделывают дыры, рассеивают туман в индивидуальных тезаурусах», создают «основы взаимопонимания в рамках единой культуры, единого мировосприятия, единого языка» [Денисов 1993: 70]. Актуальным является задача создания словаря, ориентированного именно на функционирование хронологически отмеченной лексики в текстах детских писателей и представляющего описание хронологически отмеченной лексики через призму ее восприятия современным носителем языка.

Существующие словари и справочники, репрезентирующие хронологически отмеченную лексику советской эпохи, а также популярные и художественные произведения Б. Сарнова, Н. Ле-

биной, Д. Гранина и др., выполненные в жанре комментария, дают основание для осуществления такого словарного проекта, задача которого – снять лексические трудности, возникающие при чтении произведений русских детских классических произведений, расширить и углубить языковую и историко-культурную компетенцию современного читателя, как школьника, так и взрослого (воспитателя, учителя, родителя).

При составлении словаря необходимо отталкиваться от возраста адресата. Дать адекватное, полное, понятное толкование неизвестным или малоизвестным понятиям достаточно сложно. Поэтому значимым представляется дифференцированный подход к комментарию: необходимо различать комментарии для детей и комментарии для учителей (родителей), поскольку для молодого учителя, выпускника последнего десятилетия, многие слова могут также представлять трудности в процессе их восприятия. Конечно, сомнительно, что сам школьник будет обращаться к словарю в процессе чтения произведения. Поэтому словарь скорее всего будет адресован более старшему поколению, представители которого смогут, опираясь на материалы словаря, в доступной форме объяснить детям непонятное слово, а также дать дополнительную информацию по поводу той или иной реалии. Материалы такого словаря могут оказаться полезными и редакторам, которые на их основании смогут создать доступный для юного читателя постраничный или затекстовый комментарий к хронологически отмеченным единицам в соответствующих изданиях произведений советских детских писателей.

За основу для словаря хронологически отмеченной лексики советского периода, представленной в произведениях для детей, можно взять модель, по которой построен «Словарь редких и забытых слов (из произведений русских классиков от Александра Сумарокова до Александра Блока)» В.П. Сомова (1996). Для создания словаря актуальна также модель словаря О.П. Ермаковой «Жизнь российского города в лексике 30-х – 40-х годов XX века: краткий толковый словарь ушедших и уходящих слов и значений» (2008), составленного по тематическому принципу.

Очевидно, что в словаре необходимо будет сочетать лингвистическую и энциклопедическую информацию. Дефиниции,

данные в толковых словарях, не всегда могут помочь в семантизации того или иного значения, так как относительно целостная картина жизни общества в определенный период складывается не из отдельных слов, а из совокупности лексических единиц, отражающих разные стороны этой жизни. Поэтому необходимо дать энциклопедические сведения об ушедших реалиях, а не только объяснить ушедшие из языка слова, которые обозначали эти реалии [Ермакова 2008], привлечь широкий культурный контекст [Фрумкина 2006], фоновые знания, в том числе, о персоналиях описываемой в текстах детской литературы эпохи.

В словаре необходимо описывать периферию значения слова, актуализированную в текстах детской литературы. «Периферийные компоненты лексического значения обеспечивают «тонкость словоупотребления», создают подтекст в художественном тексте, приводят в действие механизм ассоциирования, сообщают экспрессивность словоупотреблению» [Стернин 1988: 112] и не всегда осознаются и адекватно воспринимаются читателем. В отличие от ядерных сем, описываемых на основе полного компонентного анализа, периферийные семы выявляются часто только при анализе конкретных текстов и на основе этого анализа, поэтому необходимо обращение к более широкому контексту.

В учебном историческом словаре оптимальным, по мнению О.П. Ермаковой, является расположение материала по лексико-семантическим группам с учетом синонимических отношений и вариантности [Ермакова 2008], при этом необходимо также уделять внимание однотипным с лингвистической точки зрения толкованиям слов, принадлежащих к одной тематической группе (*керогаз, примус, керосинка; пионер, комсомолец, октябренок, коммунист, партия*). Однотипные толкования семантически близкой лексики будут способствовать более легкому восприятию указанных лексем, формированию языкового сознания школьника, закреплению системных языковых связей.

Объяснение смысла некоторых слов невозможно без обращения к описанию функции соответствующих предметов, особенно это касается объяснения лексического значения слов, обозначающих реалии материальной культуры определенной эпохи. «Широкая конкретизация» имеет особое значение в

силу конкретно-образной специфики детского языкового мышления. Наблюдение над функционально-процессуальным проявлением понятий, конкретизация толкования, указывающая на назначение понятия, будет способствовать его усвоению языковой личностью [Богуславская, Купина 1975].

Большое значение при объяснении слова имеет иллюстративный материал (дополнительные контексты), границы которого должны определяться с учетом лексического минимума, то есть необходимого и достаточного для выявления значения слова лексического окружения. Иллюстративный материал также должен быть доступным, понятным по содержанию, в нем должны быть эксплицированы основные виды лексической сочетаемости толкуемого слова, особенно те из них, которые предположительно усвоены детьми в недостаточной степени.

В словаре целесообразно использовать невербальные средства – иллюстрации (картинки), которые «не только отсылают к соответствующим объектам, но и во многих случаях воспроизводят коммуникативную ситуацию, в которой могут употребляться приводимые языковые выражения» [Вышкин 1988: 23]. Визуальные средства способствуют максимизации мотивированности лексических единиц, установлению связи означаемого и означающего, нейтрализации шумов, обеспечивают углубленное восприятие и понимание текста [Белоглазова 2004]. Большую помощь использование иллюстраций может оказать при объяснении реалий быта ушедшей эпохи.

Текстовый фонд советской детской литературы XX века создает базу для составления учебного словаря хронологически отмеченной лексики советской эпохи. Границы словника определяются активностью, актуальностью и употребительностью хронологически отмеченных единиц в текстах советской детской литературы: целесообразно описывать только те единицы, которые эксплицированы в читаемых сегодня произведениях детских писателей XX века. Тематически в словник должны войти лексические группы, составляющие базу советской языковой картины мира (поскольку именно она важна для понимания произведений): категории жизни человека и общества, понятия культуры,

экономики, политики, быта (тематические группы *пионерская организация, домашний быт, праздники* и т.д.).

Приведем материал пробной словарной статьи.

ОКТЯБРЁНОК, -нка, м. Ребенок младшего школьного возраста, готовящийся вступить в пионеры [СО].

В советское время: член детской организации, предшествующей пионерской (графическая помета – уход в пассив) [СС].

Младшие школьники 7–10 лет, объединенные в группах при пионерских дружинах. Первые группы октябрят были созданы в 1923–1924 гг. В эти группы объединялись дети – ровесники Октябрьской революции (отсюда название – октябрята).

Октябрята – это школьники первых-третьих классов. В канун годовщины Великой Октябрьской революции всем первоклассникам вручают значки – октябрятские звездочки, которые представляют собой пятиконечную звезду с портретом В.И. Ленина в детстве.

В классе создается октябрятская группа, которая существует до третьего класса, до образования пионерского отряда. Ребята обещают выполнять правила октябрят: хорошо учиться, любит труд, уважать старших. Октябрятская группа делится на октябрятские звездочки – в каждой звездочке 5–6 октябрят, которые выбирают командира своей звездочки. Октябрятская группа имеет свой красный флажок.

Октябрятские группы создаются при пионерской дружине школы и работают под ее руководством. У каждой октябрятской группы есть свой коллективный вожатый – пионерский отряд. Пионеры помогают октябряткам хорошо учиться, разучивают с ними игры, песни, устраивают для них утренники, и самое главное – готовят октябрят к вступлению в пионеры [Денисова 1983].

Школьник допионерского возраста. Надо сказать, что в этом возрасте октябрятками считались все (...). Октябрята должны были носить на груди звездочку. Ее покупали (она было из металла), а если не было на это денег, родители могли сделать из картона и обтянуть красной бумагой или тканью [Ермакова 2008].

Это почти как пионеры, только совсем маленькие. Первоклашки, второклашки, третьеклашки. Первым делом им задают выучить стишок: «Когда был Ленин маленький, с кудрявой головой...» А потом им дают октябрятский значок с фотографией Володи Ульянова – он там и вправду кудрявый, не то что потом. И всем велят учиться также хорошо, как он. А потом говорят, что когда Володю Ульянова из гимназии выгнали, то он ни чуточки не расстроился и даже не заплакал, а очень правильно сказал: «Учиться никогда не поздно!» Когда мы были октябрятами, мы старались быть как маленький Ленин [Нусинова 2006: 121].

Еще раз подчеркнем, что адресатом предлагаемого словаря будет, конечно, не младший школьник, а учитель, воспитатель, родители, которые смогут использовать его материалы в соответствии с конкретными коммуникативными, дидактическими или воспитательными задачами. Вопрос о форме представления комментариев, адресованных детям, – другая задача, требующая особого лингвометодического решения.

Литература

Белоглазова Е.В. Психолингвистические основания специфики детской литературы // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. Вып. 2. Екатеринбург, 2004.

Богуславская Н.Е., Купина Н.А. Значение слова в восприятии младших школьников и принципы составления учебного словаря. Свердловск, 1975.

Вышкин Е.Г. Роль наглядности в учебном словаре // Актуальные проблемы учебной лексикографии. Материалы общесоюзной конференции. М., 1988.

Денисов П.Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. М., 1993.

Денисова М.А. Народное образование в СССР. Лингвострановедческий словарь. М., 1983.

Нусинова Н.И. Приключения Джерика: [автобиогр. повесть: для семейного чтения]. М., 2006.

Стернин И.А. Ядро и периферия значения слова как объект описания в учебном словаре // Актуальные проблемы учебной лексикографии. Материалы общесоюзной конференции. М., 1988.

Фрумкина Р.М. Психоллингвистика. М., 2006.

Ермакова О.П. Жизнь российского города в лексике 30-х – 40-х годов XX века: краткий толковый словарь ушедших и уходящих слов и значений. Калуга, 2008.

СО – *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1997.

Сомов В.П. Словарь редких и забытых слов. М., 1996.

СС – Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Под ред. Г.Н. Складчиковой. СПб., 1998.

К.В. Елифанова (Владимир)

**Описание диалектной лексики:
опыт «Владимирского областного словаря»**

Статья посвящена описанию лексики говоров Владимирской области по семантическим группам «Ландшафт» и «Животный мир».

Исследованный лексический материал собран в населенных пунктах Владимирской области со сложившимся исконным населением, где количество переселенцев минимально. В качестве информаторов выбирались представители старшего поколения, исконные жители населенных пунктов, с минимальным образованием (не более 5 классов). Сбор материалов осуществлялся методом направленной беседы с использованием программы, разработанной Институтом лингвистических исследований РАН.

Лексический материал разделен на общенародные слова, просторечные слова и диалектные слова. Цель нашего дальнейшего изучения представляют лексические единицы, являющиеся диалектными.

Избранный нами принцип классификации лексических единиц О.И. Блиновой предусматривает последовательное разграничение разных слов и вариантов одного и того же слова. Предпочтение этой классификации отдается потому, что и языковое сознание носителей диалекта также разграничивает разные слова и модификации одного и того же слова.

Вариантные диалектные различия основаны на противопоставлении вариантных образований одного и того же слова. Они делятся на две группы в зависимости от того, что лежит в основе противопоставления вариантов слова: семантическое тождество или тождество материальное, звуковое.

На основе фонетического тождества при некотором различии в значении противопоставляются лексико-семантические варианты, которые представлены в словарной статье толкованиями языковой единицы:

БЕРЕЖИ'НА, ы, ж. 1. Редкий лес вдоль берега. *Мы собирали ягоды в березине* (Ковр., Малыгино). 2. Трава, растущая по берегу. *Березина тутока мягка* (Мур., Лесниково). 3. Сено, снятое на берегу. *Березину-то долго сушили* (Ковр., Клязьминский городок). 4. Пойменный луг, прилегающий к реке. *Мы ходили на березину* (Гусь-Хруст., Лесниково). *Они на березине стояли* (Ковр., Большие Всегодичи).

БОЧА'Т, а, м. 1. Небольшое болото. *Лягушки облюбовали небольшой бочаг* (Ковр., Малыгино). 2. Впадина, заполненная водой. *Бочаги бывают после дождя* (Гусь-Хруст., Лесниково). 3. Глубокое место в реке. *Ко бочагу то не плавай* (Мур., Лесниково). *Не попади в бочаг* (Ковр., Большие Всегодичи).

На основе семантического тождества при некотором различии в фонетической или морфологической характеристиках противопоставляются разнодиалектные фоно-морфологические варианты слова, которые представлены фонетическими и морфологическими вариантными образованиями.

Противопоставленные фонетические варианты слов бывают, как известно, двух видов: акцентологические, различающиеся местом ударения, и фонематические, различающиеся качеством отдельных фонем, количеством их или порядком следования фонем.

Примеры акцентологических различий:

ЛЕ'ДЕНЕЦ, нца, м., **ЛЕДЕНЕ'Ц**, нца, м. Мелкий рыхлый лёд. *Леденец, кода мороз* (Гусь-Хруст., Лесниково). *Как-то леденец рано вышел* (Мур., Лесниково);

ИЛО'ВИНА, ы, ж., **ИЛОВИ'НА**, ы, ж. Почва с примесью ила, илистая почва. *Край берега был в иловине* (Ковр., Малыги-

но). *Иловина вдоль речки иногда встречается.* (Гусь-Хруст., Лесниково).

Примеры фонематических различий:

ГА'ЛОЕ БОЛОТО, ср. Безлесное, лишённое кустарника болото, болотистое место. *Пусто на галом болоте-то* (Мелен., Тургенево);

ГО'ЛОЕ БОЛОТО, ср. Безлесное, лишённое кустарника болото, болотистое место. *На голлом болоте совершенно ничего не росло* (Ковр., Малыгино). *Голое болото сразу то и не увидеть* (Мур., Лесниково).

Противопоставленные морфологические варианты слов известны двух видов: грамматические, различающиеся грамматическими характеристиками, и лексико-морфологические, различающиеся аффиксами.

Грамматически варианты противопоставления специфичны для каждой части речи. У имен существительных грамматически варианты образования слова противопоставляются по родовому значению:

ЛУГОВИ'Н, а, м. Дёрн, дерновая, покрытая, заросшая дёрном (о почве). *Гряды были обложены луговином* (Ковр., Малыгино),

ЛУГОВИ'НА, ы, ж. Дёрн, дерновая, покрытая, заросшая дёрном (о почве). *Надо б луговину убрать* (Ковр., Клязьминский городок);

МОХОВИ'К, а, м. Моховое болото. *Моховик всегда мягок* (Мур., Лесниково),

МОХОВИ'ЩЕ, а, ср. Моховое болото. *На моховище члыши, белые стоят* (Ковр., Клязьминский городок), *Где мох один – это моховище* (Ковр., Большие Всегодичи);

по форме числа:

ВЕРХ, а, м., **ВЕРХИ'**, ов, мн.ч. Начало, исток реки, ручья. *Вверху лёд уж откололся* (Ковр., Большие Всегодичи), *Верхи реки находились на юго-западе* (Ковр., Малыгино), *Мы дошли до верхов и спустились* (Собин., Степаньково).

Противопоставленные лексико-морфологические варианты слова также специфичны для каждой части речи, что связано со спецификой набора аффиксов и структурно-семантических моде-

лей, свойственных каждой части речи. Так, например, у существительных значительно преобладают над другими вариантами варианты суффиксального типа:

БОРОВИ'НА, ы, ж. Возвышенное, покрытое лесом место. *У нас лесник там на боровине живёт* (Ковр., Большие Всегодичи),

БОРО'ВИНКА, и, ж. Покрытое лесом место. *В боровинку бывало по грибы ходили* (Мур., Лесниково). *В боровинке то берёзки растут* (Гусь-Хруст., Бабино),

ТРА'ВЕНЬ, я, м. Заросшее травой, травянистое болото. *Ходила по грибы да в травень угодила*. (Мур., Лесниково),

ТРА'ВНИК, а, м. Заросшее травой, травянистое болото. *Есть у нас травник в соседнем лесу* (Ковр., Клязьминский городок).

Диалектную речь от разговорной литературной речи отличает то, что последняя существует рядом с письменной формой литературного языка. Отточенность семантической структуры слова в письменной форме литературного языка, большая степень дифференцированности значений достигается, прежде всего благодаря фиксации слова. Это сказывается и на разговорной разновидности литературного языка. Диалекты же, не письменной формы, содержат слова, единственной сферы фиксации которых является память носителей диалекта. Отсутствие письменного образа слова диалекта обуславливает неустойчивость его звуковой оболочки, что под воздействием произносительных норм говора, быстрого темпа речи и некоторых других факторов приводит к возникновению большого количества вариантов слова.

Собственно лексические диалектные различия основаны на противопоставлении разных слов-лексем, имеющих или тождественную семантику при отсутствии общности в звуковой оболочке, или тождественную звуковую оболочку при отсутствии общности в семантике.

Собственно лексические различия первого рода (противопоставления на основе семантического тождества) составляют слова, являющиеся лексическими дублетами (абсолютными синонимами): «Лексические дублеты – слова, неодинаково звуча-

щие, но тождественные по смыслу. Сосуществование одинаковых по значению, но материально различных языковых единиц особенно активно проявляется в лексике, как наиболее проницаемом и подвижном уровне языка. Выступая в диалектной речи в функционально тождественных условиях эти слова-дублиеты выражают лишь одну значимую единицу языка» [Коготкова 1979: 106]. Лексическая дублетность в современном говоре значительно выше, чем в литературном языке, и в речевой практике носителей говора дублетные единицы составляют существенное номинативное и эмоционально-экспрессивное звено.

Например: **ВЕРТУ'ШКИ**, шеек, *мн.ч.* Водоворот. *Берегись вертушек* (Собин., Степаньково). **ЗАКРУ'ТЕНЬ**, я, *м.* Водоворот. *В закрутене то и тонут* (Ковр., Клязьминский городок). **КРУЖО'К**, а, *м.* Водоворот. *Удочку затянуло в кружок* (Ковр., Малыгино).

Необходимость отразить явление лексической дублетности в словарной статье позволяет выстроить ее следующим образом:

ВЕРТУ'ШКИ, шеек, *мн.ч.* Водоворот. *Берегись вертушек* (Собин., Степаньково). ♦ **ЗАКРУ'ТЕНЬ**, **КРУЖО'К**.

Собственно лексические различия второго рода (противопоставления на основе материального тождества) составляют слова-лексемы, являющиеся разнодиалектными омонимами:

ВЕРХ¹, а, *м.* Небо. *Верх-то – это небо* (Гусь-Хруст., Лесниково).

ВЕРХ², а, *м.* Возвышенность, возвышенное место. *Наверху травы-то мелки* (Мур., Лесниково). *Оттуда сверху видно хорошо* (Ковр., Большие Всегодичи).

ВЕРХ³, а, *м.*, **ВЕРХИ'**, ов, *мн.ч.* Начало, исток реки, ручья. *Вверху лёд уж откололся* (Ковр., Большие Всегодичи). *Верхи реки находились на юго-западе* (Ковр., Малыгино), *Мы дошли до верхов и спустились* (Собин., Степаньково).

Анализ диалектных лексических различий с учетом решения проблем «отдельности слова» и «тождества слова» имеет свои преимущества. Результаты такого анализа, например, позволяют наглядно и убедительно на материале лексических различий показать единство диалектного языка: собственно лексические

диалектные различия, основанные на противопоставлении разных слов-лексем, теряются в массе вариантных различий, основанных на противопоставлении вариантных образований одного и того же слова.

Строгое разграничение противопоставлений разных слов и вариантов одного и того же слова позволяет отразить в схеме связь омонимии и синонимии с основными видами варьирования слова: фоно-морфологическим и лексико-семантическим. В распаде лексико-семантической вариантности слова пополняется класс омонимов диалектного языка; в случае же распада фоно-морфологической вариантности слова пополняется класс синонимов диалектного языка.

Литература

- Блинова О.И.* Введение в современную региональную лексикологию. Томск, 1975.
- Блинова О.И.* Русская диалектология: Лексика. Томск, 1984.
- Канунова Р.С.* Говоры Владимирской области: Лексика. Владимир, 2004.
- Коготкова Т.С.* Русская диалектная лексикология. М., 1979.
- Русская диалектология / Под ред. Л.Л. Касаткина. М., 1989.
- Филин Ф.П.* Проект Словаря русских народных говоров. М.-Л., 1961.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1955.
- Иванова А.Ф.* Словарь говоров Подмосковья. М., 1969.
- Канунова Р.С.* Владимирский областной словарь. Владимир, 1999.
- МАС – Словарь русского языка: В 4 т. Под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М., 1981-1988.
- Мельниченко Г.Г.* Краткий ярославский областной словарь. Ярославль, 1961.
- Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф.П. Филина, Ф.П. Сороколетова. М.; Л., СПб., 1965-2010-. Вып. 1-43-.
- Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. 3-е изд. М., 1996.

**Образ времени трудовой деятельности в диалектной
языковой картине мира (на материале глагольной лексики
Словаря вологодских говоров)**

Процесс трудовой деятельности протекает во времени и немислим вне этой категории, поэтому нам представляется важным исследование комплекса проблем, связанных с временем трудовой деятельности. Ядром функционально-семантической категории темпоральности являются, как отмечают исследователи, глагольные категории времени [Бондарко, Буланин 1967]. Однако следует заметить, что объективное время отражается в языке не только в системе временных форм глагола, но и за пределами этой системы. Это положение является вполне справедливым и в отношении диалектов. Такое комплексное выражение категории темпоральности мы и попробуем показать на материале трудовой лексики Словаря вологодских говоров (далее – СВГ). Этот подход поможет рассмотреть специфику освоения и вербализации окружающего мира, что, собственно, и составляет часть диалектной языковой картины мира (далее – ДЯКМ). Любопытно пронаблюдать то, как трудовая деятельность протекает во времени и как это оценивается севернорусским крестьянином. Изучение оценки в антропоцентрической парадигме, которая установилась в языкознании [Воркачев 2001], занимает особое место в современной науке.

Время, как отмечают исследователи, – это очень важная ментальная категория для диалектоносителя [Белякова 2005]. Эта категория является «антропоцентрической», и отношение к ней всегда субъективно и эмоционально окрашено. Обращение к этой проблеме, особенно в рамках антропоцентрической и этнокультурной парадигмы знаний и интереса к диалектам, представляется нам чрезвычайно актуальным.

Вербализация понятий, связанных со временем, очень важна для жителя деревни, поэтому, на наш взгляд, возможна частичная реконструкция темпорального образа мира внутри диалектной картины мира. Строго ограниченный круг работ, подчи-

ненность трудовой деятельности определенному ритму заставляет крестьян ответственно относиться к времени. Для исследования мы отобрали глаголы с интегральной семой темпоральности и, в то же время, имеющие связь с трудовой деятельностью.

Анализируя глаголы, представленные в СВГ, мы можем выделить три фазы процесса труда в связи с временем, соответствующие понятиям ‘начинать трудовую деятельность’, ‘делать перерыв в процессе трудовой деятельности’, ‘заканчивать трудовую деятельность’.

Рассмотрим первую группу лексем, соответствующих понятию ‘начинать трудовую деятельность’. Следует отметить, что это самая обширная и разнообразная группа. Скорее всего, это связано с особым отношением диалектоносителя к началу трудовой деятельности. Два глагола имеют значение ‘начать какое-либо действие, дело’: *доняться, занять*. Глагол *занять* можно сопоставить с общерусским словом *заняться* ‘начать что-либо делать, приступить к какому-либо занятию’ [Ожегов]. Но возможности сочетаемости диалектного слова шире, так как она, в отличие от собственно литературного слова является свободной. Например: *Заняли руками косить*. Исходя из этого примера, мы видим, что для диалектоносителя важно сделать акцент именно на фазе действия, т.е. непосредственно на временных рамках процесса труда, а не на объекте. Таким образом, в данном случае важен лексический показатель времени.

Внутри этой группы слов можно выделить действия, различающиеся по виду деятельности, например, *закашиваться* – ‘начинать косьбу’. В данном случае для крестьянина важна уже не только фаза процесса труда, но и конкретная деятельность, которую он выполняет. Диалектоноситель именуется самые важные для него процессы трудовой деятельности: косить (*закашиваться*), пахать (*заорать*), окучивать картофель (*забугрить, загребать*). Приставка *за-* придает глаголам значение ‘начать действие, названное мотивирующим глаголом’. Она, собственно, и является выразителем значения начала процесса труда, т.е. показателем времени. Это подтверждают иллюстрации, зафиксированные СВГ: *Он без хозяйки ходил закашиваться* – видимо, диалектоноситель только начинал, пробовал косить, ведь, как прави-

ло, на косьбу, пахоту ходят всей семьей. Любопытно в таком случае рассмотреть второе значение глагола *закашиваться* ‘занимать определенный участок для покоса’ – это подтверждает предположение о начале трудового процесса.

Обратимся ко второй группе с названием ‘делать перерыв в работе’. Перерыв в работе оценивается крестьянином неоднозначно. С одной стороны, он необходим, чтобы последующая деятельность была эффективна, и в этом проявляется рациональный подход диалектоносителя к труду. С другой стороны – человек предчувствует, что после перерыва возвращаться к процессу труда будет тяжело.

В качестве примера рассмотрим глагол *залоговать* ‘делать кратковременный перерыв в работе для отдыха’. В этом слове, как можно предположить, активизируется сема ‘лежать’. Для крестьянина важно отдохнуть, прежде всего удобно устроившись, но отдых при этом должен быть только кратковременным. Сравним вслед за В.И. Далем: слово *залога* в архангельских говорах обозначает ‘отдых, привал’, *залегать* ‘заваливаться, лечь’ [Даль].

Обратимся к группе глаголов с общим значением ‘конец процесса труда’. Конец работы – это важный этап процесса трудовой деятельности, поскольку крестьянину необходимо довести начатое дело до конца. Эта группа наименований неоднородна, в ней можно выделить две подгруппы: а) слова со значением ‘доделать любую работу (не дифференцируя вид деятельности)’: *допазгать, доладить, долажать, докрятать*; б) слова со значением ‘завершить определенный вид работы’: *дотыкать* (‘заканчивать ткать’), *дорохлить* (‘закончить рыхлить землю’), *дообряжаться* (‘закончить работу по хозяйству’), *высенокосить* (‘закончить косить’). Как видим, для крестьянина важна не только фаза труда, но и его вид. Таким образом, на основании проанализированных фактов можно предположить, что особо важными видами трудовой деятельности диалектоноситель считает работу в поле (косьбу, пахоту), а также работу по дому. Категория времени в данном случае выражается при помощи приставки *до-*, которая имеет значение ‘действие, названное мотивирующим глаголом, довести до конца или до какого-либо предела’.

Таким образом, время – это важнейшая категория в жизни крестьянина, которая нашла свое отражение в его языке. Время в диалекте выражается при помощи лексических показателей времени, в структуре предложений, а также в элементах контекста, отражающего временные отношения во внеязыковой ситуации.

В связи с процессом трудовой деятельности время воспринимается как ценность. Крестьянин осознает необходимость рационального использования времени, порицает пустую трату времени. Медленная, неумелая работа вызывает отрицательные оценки, поскольку тоже приводит к неоправданной трате времени и сил. Помимо глаголов, маркирующих временные фазы трудовой деятельности, в СВГ зафиксированы слова, обозначающие медлительность работника. Медлительность приводит к потере времени, а это отрицательно оценивается жителем деревни. Рассмотрим два глагола: *валандаться*, *варзаться* со значением ‘медленно и бестолково делать что-либо, теряя время’. В данном случае активизируются семы ‘неуспешно’, ‘небрежно’. Глагол *вытяпать* имеет значение ‘сделать что-либо небрежно, грубо’. Небрежность в работе, равно как и медлительность, воспринимаются негативно, так как это и потеря времени, и потеря сил, необходимых для труда. Нужно отметить еще и важность для крестьянина законченности процесса труда. Таким образом, идеал для севернорусского крестьянина – это быстро и качественно выполненная работа.

Интересен и тот факт, что слово *валандаться* многозначно. Первое значение – ‘медленно и бестолково делать что-либо, теряя время’, а второе значение, развившееся на базе основного, – ‘бездельничать’. Таким образом, как представляется, ‘терять время’, ‘некачественно выполнять работу’ и ‘бездельничать’ в сознании диалектоносителя – это один нерасчлененный комплекс значений, это ‘нерациональное использование времени, сил и средств’. Следовательно, соответствующее поведение выходит за пределы нормы и воспринимается крестьянами негативно.

Таким образом, время в ДЯКМ севернорусского крестьянина представлено как неотъемлемая составляющая трудового процесса.

Литература

Белякова С.М. Образ времени в диалектной картине мира. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2005.

Бондарко А.В., Буланин Л.Л. Русский глагол. Л., 1967.

Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1. С. 64-72.

Русская грамматика: В 2 т. М.: Наука, 1980.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Русский язык, 1978.

Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Л.И. Скворцова. М.: Издательский дом «ОНИКС», 2003.

Словарь вологодских говоров / Под ред. Т.Г. Паникаровской, Л.Ю. Зориной. Вып. 1-12. Вологда: ВГПИ / ВГПУ, 1983-2007.

О.С. Ильина (Санкт-Петербург)

Высшие учебные заведения в зеркале словарей

Лексические номинации, представляющие высшие учебные заведения, формируют динамичную группу. Согласно данным словарей, к высшим учебным заведениям относятся университеты, институты, академии, консерватории, некоторые колледжи. Однако для носителей русского языка слово **колледж** актуально прежде всего в значении 'среднее специальное учебное заведение'. Об этом, в частности, свидетельствуют данные «Русского ассоциативного словаря».

Представляют интерес диахронические и синхронические изменения, которые произошли в составе значений указанных слов под влиянием экстралингвистических факторов. Этимологические истоки лексем важны для понимания их сегодняшних ценностных характеристик. Подробную информацию о динамике данных культурно значимых лексических единиц можно узнать из словарей, которые позволяют установить строгую иерархию

отношений в пространстве высшего образования, восстановить в нем глубинные связи между единицами.

Остановимся на рассмотрении лексем **академия**, **университет** и **институт** в толковых, этимологических и исторических словарях.

Слово **академия** в русском языке дважды заимствованное. В «Этимологическом словаре русского языка» Г.П. Цыганенко отмечено, что в древнерусский период это слово было заимствовано из греческого языка в форме **акадимия** (произносилось с *и* после *д* и с ударением на конце), а затем в XVII веке через польский из латинского: *academia* > **академия**. Первоисточником является греческое слово *Akadēmeia* – ‘название находившейся близ Афин рощи, посвященной мифологическому герою Академу’. В этой роще преподавал свою философию Платон. Как известно, он основал там школу (платоновская академия), в которой собирались люди, чтобы в свободной форме обмениваться знаниями, упражняться в распространении наук и художеств. Поэтому неслучайно в наше время академиями чаще всего называют высшие научные или художественные учреждения (существует, например, устойчивая номинация *Академия художеств*). Таким образом, **академия** – первоначально ‘философская школа, основанная Платоном’.

В «Словаре русского языка XI–XVII веков» слово **академия** представлено в древнерусской форме **акадимия** в значении ‘ученое общество; ученое и учебное заведение’. В «Словаре русского языка XVIII века» отмечено уже шесть значений лексемы **академия**, в том числе первоначальное. Примечательно, что в первых трех толкованиях появляется формулировка ‘высшее’: (1) ‘высшее учебное заведение; высшая школа, университет’; (2) ‘высшее научно-исследовательское учреждение; сообщество ученых’, а также ‘учреждение, объединяющее видных писателей и ученых в целях развития словесных наук’; (3) ‘высшее научное и учебное заведение по различным отраслям искусства и искусства’. Это говорит о том, что понятие **академия** приобретает более высокий статус в жизни общества. В XVIII веке данное слово стало означать не только ‘ученое общество’, ‘объединение писателей и ученых’, но и ‘высшее научно-исследовательское учре-

ждение’, не просто ‘учебное заведение’, но ‘высшее учебное заведение’. Таким образом, обучение в академии стало предполагать получение образования повышенного типа (в первом толковании академия даже приравнивается к университету). Кроме того, за словом **академия** признается право быть использованным для обозначения учебного и научного заведения определенной направленности (словесные науки, отрасли художества и искусства). Неслучайно в «Словаре Академии Российской» (далее САР) лексема **академия** толкуется как ‘общество людей, упражняющихся в **распространении наук или художеств**’. У рассматриваемого слова также появляются такие значения, как ‘школа для обучения верховой езде, танцам, фехтованию и т. п.’ и ‘картежный дом; дом, где ведутся большие игры’. Как известно, в конце XVIII века наблюдался особенно сильный приток заимствованных слов из французского языка. В данном случае иноязычное слово (фр. académie) заимствовалось вместе с понятием. Однако для современного словоупотребления данные значения не характерны. Также у лексемы **академия** развивается метонимическое значение ‘здание, предназначенное для академии’ (ср. вторую часть толкования в САР: ‘самое то место, в котором они, собираясь, сообщают друг другу свои мысли об изобретениях’).

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даль отмечает следующие значения слова **академия**: ‘высшее ученое или учебное братство и самое заведение; общество ученых или художников, соединенных под этим названием на пользу науки; такое же учебное заведение, для подготовленных образованием молодых людей’. Представленные дефиниции во многом перекликаются с отмеченными ранее. В последнем значении акцент делается на том, что в академиях обучаются люди, уже имеющие какое-либо образование (базовое). Принципиально важно, что в рамках данной словарной статьи В.И. Даль пытается развести понятия **университет** и **академия**: «В университете равно преподаются все науки; в академиях более частно, одна отрасль их». В наше время академии также ориентированы на углубленное изучение одной отрасли. Об этом свидетельствуют конкретные номинации вузов: *Санкт-Петербургская государственная академия ветеринарной медицины, Санкт-*

Петербургская государственная академия театрального искусства, Академия русского балета им. А.Я. Вагановой, Санкт-Петербургская государственная лесотехническая академия им. С.М. Кирова, Санкт-Петербургская государственная химико-фармацевтическая академия и др.

Материалы «Словаря современного русского литературного языка» (далее БАС), «Словаря русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой (далее МАС), «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова (далее СУ), «Толкового словаря русского языка» С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой (далее СОШ) позволяют сделать вывод о том, что в современном русском языке наименование **академия** может употребляться как для обозначения высшего научного учреждения, задачей которого является развитие наук и искусств (первое значение), так и для обозначения высшего учебного заведения (второе значение). При этом такое учебное заведение специализируется в определенной области знания. Как известно, БАС (он выходил с 1948 по 1965 года) был призван отразить всю предшествующую историю русского языка, русской культуры, русской жизни. В подборе иллюстративного материала, в системе толкований, в пометах нашла отражение идеологизация словаря. Так, в качестве иллюстраций к первому значению слова **академия** приводятся конкретные номинации, которые обусловлены идеологией советской эпохи, а также политизированные цитаты: *Академия Наук Союза ССР, или Всесоюзная Академия Наук; Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук им. В.И. Ленина; «Академия Наук Союза ССР является высшим научным учреждением СССР, объединяющим наиболее выдающихся ученых страны. Устав Акад. Наук СССР»* (ср. в СУ: *коммунистическая академия*). В качестве иллюстраций ко второму значению в БАС приводятся следующие речения: *академия военная, военно-медицинская, военно-морская, военно-политическая, лесотехническая* и др. Академиями чаще всего называли именно военные вузы. Так, например, в Санкт-Петербурге существуют *Военная академия тыла и транспорта, Военно-медицинская академия, Военно-космическая академия им. А.Ф. Можайского, Военно-морская академия им. Н.Г. Кузнецова* и др. Иногда в названии военных вузов используется формули-

ровка «высшее училище». Например, *Санкт-Петербургское высшее военное училище радиоэлектроники*. Также ко второму значению приводятся несколько цитат, представляющих разные периоды в развитии языка. Последняя цитата требует отдельного комментария: «*В суровые, героические годы гражданской войны создала партия агитационные курсы, которые выросли в Военно-политическую академию, мощную, большевистскую кузницу квалифицированных кадров политработников Красной армии*. Киров, Статьи и речи 1934». В советское время создавались специальные высшие учебные заведения, готовившие идеологических работников. В частности, в годы гражданской войны возникла Военно-политическая академия.

Университет представляется наиболее традиционным высшим учебным заведением. Сема «высшее» присутствует в материалах всех рассмотренных лексикографических изданий. Само слово восходит к латинскому *universitas* – ‘нечто цельное, совокупность, объединение’ (ср. *universus* – ‘весь’, ‘целый’, ‘общий’, ‘всеобщий’). Этот буквальный перевод точно и полно передает смысл идеи университета. Именно совокупность как объединение разных элементов (факультетов, разных областей знаний, дисциплин, совокупность профессоров и студентов, совокупность образования, науки и культуры и пр.) определяет основное содержание данного понятия. Этимологические словари (М. Фасмера; П.Я. Черных; Н.М. Шанского, Т.А. Бобровой) сообщают, что в русский язык слово **университет** проникло через западноевропейские языки (французский, немецкий, английский) в эпоху Петра I, реформы которого сопровождались сильным расширением международных связей. Однако в широкое употребление оно вошло несколько позже в связи с открытием в 1755 году Московского университета. Первоначально университет в России понимался как научно-учебный центр, оказывающий влияние на распространение просвещения и развитие науки.

В САР находим следующее толкование данного слова: ‘высшее училище, в коем обучающимся преподают наставления в богословии, правоведстве, врачевстве, любомудрии и прочих словесных науках’. Если в университетах людей обучали, им преподавали словесные науки, то есть можно говорить о субъек-

тах обучения и о субъектах преподавания, то в академиях люди в свободной форме сообщали друг другу «свои мысли об изобретениях», делились знаниями (по САР).

В словаре В.И. Даля лексема **университет** толкуется как ‘высшая школа, учебное заведение первой степени, по всем отраслям науки’. Если в САР наблюдается ориентация на специфику учебного заведения (словесные науки в широком смысле), то в словаре В.И. Даля – на универсальный характер учебного заведения. Слова «училище» и «школа» имеют здесь значение просто «учебное заведение», а наименования «высшее училище», «высшая школа» – «высшее учебное заведение». Интересно, что в наше время гипероним «высшая школа» иногда используется в названиях вузов. Например, *Высшая школа экономики, Высшая школа приватизации и предпринимательства* и др. Возможно, это лексическая калька (High School>Высшая школа). Более того, в Санкт-Петербургском государственном университете данный гипероним использован в названии факультета – *высшая школа менеджмента*.

В СУ представлено одно значение слова **университет** – ‘высшее учебное заведение с факультетами по различным, обычно не техническим, специальностям’. В БАС, МАС и СОШ фиксируется уже два значения слова **университет**. Первое – ‘высшее учебное заведение и научное учреждение с отделениями (факультетами) по различным общественным и естественным наукам’, а также ‘здание, занимаемое таким учреждением’. Таким образом, подчеркивается наличие в структуре данного вуза факультетов различного профиля. В самом толковании указывается, что университет осуществляет научную работу (‘научное учреждение’). Кроме того, у лексемы развивается метонимическое значение.

Круг значений данной лексемы расширяется. В советское время формируется новое значение слова **университет** (второе), которое отражает характерное для советской эпохи массовое распространение знаний: ‘название учебного учреждения по повышению общеобразовательных и политических знаний’. Оно подкрепляется цитатой: «*Закончив перевод, начну посещать вечерний университет марксизма-ленинизма*. Павлен. Неопубл. рассказ». Совершенно очевидно, что для современного языкового

сознания подобные словоупотребления не характерны. «Специфика современной языковой эпохи заключается в <...> разрушении советских стереотипов мышления, в отказе от установлений тоталитарного режима» [Земская 2000: 90].

Последнее десятилетие, ознаменованное кардинальными переменами в жизни общества, оказалось периодом глубоких изменений и в лексике русского языка, отразивших существенные перемены в языковом сознании. Поэтому закономерным является обращение к «Толковому словарю русского языка конца XX века. Языковые изменения», созданному коллективом авторов под редакцией Г.Н. Складневской. В нем указано принципиально новое значение слова **университет** (соответствующий графический знак в словарной статье позволяет утверждать, что это первая словарная фиксация): 'высшее учебное заведение, на разных факультетах которого преподаются предметы, касающиеся одной отрасли знаний (например, экономики, инженерии и т.п.). *Педагогический у. Электротехнический у.*'. Традиционно на разных факультетах университетов преподаются предметы, касающиеся разных областей знаний. В последнее время университетами все чаще стали называть высшие учебные заведения, на разных факультетах которых преподаются предметы, связанные с определенной отраслью знаний, т.е. в какой-то степени специализированные вузы. Так, например, в Санкт-Петербурге существуют *Университет аэрокосмического приборостроения, Университет технологии и дизайна, Университет путей сообщения, Университет сервиса и экономики* и др. Факультеты Санкт-Петербургского государственного университета гражданской авиации полностью соответствуют направленности вуза: летной эксплуатации, авиаперевозок и аэропортов, экономики и управления транспортными системами, авиационного менеджмента, командный, инженерно-технический и др.

Слово **институт**, как отмечено в «Этимологическом словаре русского языка» Г.П. Цыганенко, происходит от латинского *institutum* «установление», «учреждение», производного от глагола *instituere* «устанавливать». Переносное значение данного глагола «наставлять, обучать». В русском языке слово **институт** отмечается с XVIII века. В «Словаре русского языка XVIII века»

соответствующий знак указывает, что слово новое. В данном источнике приводятся два значения рассматриваемого слова, характерных для описываемой в этом издании эпохи: (1) 'общественное установление, учреждение; совокупность правовых норм'; (2) 'ученое общество, научное учреждение (в Зап. Европе)'. Значение 'совокупность норм права' актуально и для настоящего времени. Оно отмечается в СОШ, в «Толковом словаре русского языка конца XX века» под редакцией Г.Н. Складневской, причем в последнем слово **институт** относится к лексике, претерпевшей в описываемый период (1985–1997 гг.) некоторые изменения. Сегодня актуализируется значение, связанное с разного рода общественными нормами (в политике, в праве). Например, *институт президентства, институт гражданства*.

В словаре В.И. Даля лексема **институт** трактуется как 'воспитательное, учебное или ученое заведение или учреждение'. В данном толковании впервые появляются семы 'воспитательное', 'учебное'. Таким образом, институт с течением времени получает статус учебного заведения, но пока акцент делается на нравственной направленности. Действительно, в 1764 году в России, в Петербурге, был основан Смольный институт, который сначала назывался «Воспитательным обществом благородных девиц» (при Смольном монастыре). Это было закрытое среднее учебное заведение. В нем большое внимание уделялось именно нравственному воспитанию. Это значение в словаре В.И. Даля не зафиксировано, но в статью включено слово **институтка** с основным значением 'воспитанница такого заведения'. Таким образом, постепенно в русском языке укоренилось не только прямое значение латинского слова («учреждение»), но и переносное («наставлять, обучать»), которое и передает смысл идеи института – обучение.

В СУ фиксируется три значения слова **институт**. Первым дается значение, особенно актуальное для советского времени: 'общественное установление, распорядок, узаконенный какими-н. нормами', которое сопровождается пометами *право, офици.* Второе – 'название некоторых высших учебных заведений и научных учреждений'. Появляется формулировка «высшее». И

наконец, третье – ‘привилегированное средне-учебное закрытое заведение (дореволюц.)’.

Если в СУ и МАС значения ‘высшее учебное заведение’ и ‘научно-исследовательское учреждение’ у слова **институт** объединены, то в БАС и СОШ они разводятся (в отличие от слова **университет**). Институт как высшее учебное заведение выполняет прежде всего образовательную функцию. Согласно материалам БАС рассматриваемая лексема также развивает свое метонимическое значение: ‘здание, помещение института’.

Институт постепенно стал входить в систему высшего образования. Но обучение в нем не предполагает подготовку по широкому комплексу специальностей. Об этом свидетельствуют названия многих современных институтов (наблюдается их явная специализация): *Санкт-Петербургский государственный институт машиностроения, Санкт-Петербургский торгово-экономический институт, Санкт-Петербургский институт экономики и управления, Санкт-Петербургский академический институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина* и др. В Германии, например, институт – это маленькое подразделение университета, его часть. В ряде случаев и в современной России **институт** является синонимом факультета (например, в РГПУ им. А.И. Герцена *институт детства, институт естествознания, институт народов Севера* и др.).

Заметим, что если в советское время большая часть высших учебных заведений имела статус института, то сейчас большинство вузов – университеты. Институт стоит рангом ниже, чем университет, так как в нем меньше факультетов, образовательных программ, меньше специалистов. Во многом из-за этого большее число абитуриентов хотят поступить именно в университеты, где готовят специалистов в самых различных областях знаний. Как следствие – руководство институтов стремится повысить свой статус, т.е. стать университетом. Информацию об этом находим в «Толковом словаре русского языка конца XX века» под редакцией Г.Н. Складневской, где в статье **университет** отмечено, что с начала 90-х годов некоторые институты получили статус университетов.

Таким образом, лексикографические источники позволили обнаружить определенную иерархию высших учебных заведений. Университет представляет собой учебно-научное учреждение и дает разностороннее образование. В академии изучается та или иная область науки. Институт, по всей видимости, стоит несколько ниже: он не является учебно-научным учреждением, а выполняет прежде всего образовательную функцию, готовя специалистов определенного профиля. Кроме того, проанализированные материалы показали однотипность семантического развития данных слов в русском языке – от более общего, абстрактного к более конкретному.

Литература

Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). 2-е изд. М.: Языки русской культуры, 2000.

БАС – Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. М.-Л., 1948-1965.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М.: Рус. яз., 1998.

МАС – Словарь русского языка / Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз., полиграфресурсы, 1999.

САР – Словарь Академии Российской 1789–1794. В 6 т. М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2001.

СОШ – *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1997.

Словарь русского языка XI–XVII вв. / Гл. ред. С.Г. Бархударов (вып. 1–6), Ф.П. Филин (вып. 7–10), Д.Н. Шмелев (вып. 11–14); Ред. Г.А. Богатова. М.: Наука, 1975–1998.

Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1-13. Л., СПб.: Наука, 1984-2003.

СУ – Толковый словарь русского языка. В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1939.

Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Под ред. Г.Н. Складневской. СПб.: Фолио-Пресс, 1998.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. СПб.: Изд-во «Азбука», Изд. Центр «Терра», 1996.

Цыганенко Г.П. Этимологический словарь русского языка. Киев: Ряданська школа, 1970.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М.: Рус. яз., 1999.

Шанский Н.М., Боброва Т.А. Этимологический словарь русского языка. М.: Прозерпина, 1994.

Н.А. Кичикова (Элиста)

К проблеме структуры словарной статьи в топонимических словарях (перспективы составления Топонимического словаря Республики Калмыкии)

Топонимия Республики Калмыкии изучена недостаточно: как показывает обзор литературы, исследователи сосредотачивали свое внимание либо на топонимических проблемах в историко-географических или краеведческих исследованиях,¹ либо на

---

¹ Борджанова Т.Г. Калмыцкие топонимические и этнонимические названия в путевых заметках калмыцкого просветителя Номто Очирова // Ономастика Поволжья. Тезисы докладов VIII междунар. конф. Волгоград, 8-11 сент. 1998. С. 156-158; Борисенко И.В. Из истории немецкой топонимии в Калмыкии // Колония Сарепта и немцы Поволжья в истории России. Волгоград, 1995. С. 14; Борисенко И.В. Топонимия Калмыкии по материалам Всесоюзной переписи 1939 г. // Ономастика Поволжья. Тезисы докладов VIII междунар. конф. Волгоград, 8-11 сент. 1998. С. 38-40; Борисенко И.В. Времен минувших отраженье. Краеведческие заметки о Калмыкии / И.В. Борисенко. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990; Борисенко И.В. Топонимия Ергеней: дореволюционный период // Ономастика Калмыкии. Элиста, 1983. С. 35-51; Есенова Т.С. Особенности современной топонимии Калмыкии // Ономастика Поволжья. Тезисы докладов VIII междунар. конф. Волгоград, 1998. С. 36-38; Монраев М.У. Новое в топонимике Калмыкии // Вестник

характеристике топонимов калмыцкого происхождения.¹ Недостатком первого подхода к топонимии является фрагментарность, почти случайность выбора объекта и его дисперсность, а также не вполне профессиональный уровень этимологических объяснений, недостатком второго – то, что из орбиты топонимического исследования выпадают некалмыцкие топонимы, составляющие важный компонент ономастического пространства современной Калмыкии, а также и то, что основное внимание топонимистов сосредотачивается на калмыцких топонимах, локализуемых ныне на тех территориях, которые не входят в состав Калмыкии (это Астраханская область,² Ставропольский край³; некоторое количество калмыцких топонимов выявляется в Ростовской области).

КИГИ РАН. Вып. 18. Элиста, 2003. С. 63-71; Монраев М.У. О восстановлении калмыцких географических названий // Репрессированные народы: упразднение национальной государственности и проблемы реабилитации. Тезисы докладов и сообщений ученых на III Российской научно-практической конференции 26-27 декабря. Элиста, 1993. С. 186-187; Сельвина Р.Л. К проблеме восстановления исторических названий на территории Калмыкии // Репрессированные народы: упразднение их национальной государственности и проблемы реабилитации. Элиста, 1993. С. 189-191.

¹ Голубева И.Н. Калмыцкие этнопонимы // Этническая топонимика: Сб. статей. М., 1987. С. 125-129; Очир-Гаряев В.Э. Калмыцкая топонимия Поволжья // Ономастика Поволжья. Волгоград, 1989. С. 112-114; Очир-Гаряев В.Э. Калмыцкие названия колодцев // Ономастика Поволжья. Труды IV Поволжской конференции по Ономастике. Саранск, 1976. С. 266-268; Сангаджиев П.Д., Монраев М.У. О возникновении поселка Лагань и происхождении его названия // Исследования по исторической географии Калмыцкой АССР. Элиста: Республиканская типография, 1981. С. 72-78.

² Беспалый Е.И., Ларенок П.А. Калмыцкие топонимы в низовьях Дона // Ономастика Калмыкии. Элиста, 1983. С. 142-147; Горелик Д.Е. К изучению топонимии Нижнего Поволжья // Ономастика Поволжья. Материалы 3-й Поволжской конференции по ономастике. Горький, 1971. С. 295 – 299; Хонинов В.Н. Калмыцкие топонимы Астраханской области (Семантика и структура). Дис. ... канд. филол. наук, М. 2005.

³ Цеденова Д.А. К исследованию калмыцких топонимов Ставропольского края // Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру. Пятигорск, 2004. С. 16-17.

Монографические издания по топонимии Калмыкии на сегодняшний день буквально единичны.¹

Сказанное обозначает в качестве научной задачи инвентаризацию топонимов современной Калмыкии, представляющих разные разряды, как традиционно описываемые в топонимике (оронимы, гидронимы, ойконимы), так и специфические для территории – названия колодцев, названия месторождений полезных ископаемых, названия частных хозяйств, так называемых «точек», служащих организующими центрами скотоводства и т.д. Топонимы, принадлежащие к разным разрядам, имеют разные источники: если перечень ойконимов или названий улиц городов и поселков нетрудно обнаружить в справочниках, то гидронимы и оронимы по большей части выбираются из различных картографических источников.

Существующие топонимические словари по различным регионам России весьма неоднородны и по объему, и по характеристике материала. Видимо, несовершенство разработанности самого понятия Топонимического словаря в определенной мере препятствовало тому, что даже фундаментальные и систематические исследования по региональной топонимии не именовались словарями и не выделялись из разряда посвященных топонимике монографий (например, труды М.Н. Мельхеева, А.М. Малолетко, М.Ф. Розена и др.).

Свод топонимов Калмыкии в идеале должен представлять собой Топонимический словарь региона. Структура словарной статьи такого словаря и является предметом обсуждения в данной работе.

Словарная статья Топонимического словаря, как мы полагаем, в идеале – при наличии возможностей – должна включать следующие компоненты:

– Заголовок статьи – собственно топоним с указанием на место ударения, при наличии вариантов – с характеристикой этих вариантов: Элиста́, уходящее и использующееся в не территории

---

¹ Монраев М.У. О чем говорят имена. Элиста, 1992; Монраев М.У. Ономастика Калмыкии. Учебно-методическая разработка для учителей. Элиста, 1995.

Элиста (с ударением на втором слоге), профессиональное (в речи работников авиатранспорта) Элиста (с ударением на первом слоге);

– обиходные наименования объекта, если таковые имеются в узусе;

– указание на характер объекта;

– указание на локализацию объекта: для гидронимов и оронимов – с указанием района и с привязкой к определенным ориентирам (к северу от..., к западу от... и т.п.), для ойконимов – с указанием района;

– время наиболее ранней фиксации топонима (известно с такого-то времени, впервые зафиксировано в таких-то источниках, таким-то автором или на таких-то картах); для ойконимов – год основания населенного пункта, если сведения о нем обнаруживаются в литературе;

– более ранние наименования того же объекта или временные наименования того же объекта, бывшие результатом кампаний по переименованию географических объектов по причинам идеологического характера или в целях устранения названий с калмыцкой языковой основой в период 1944-1958 гг.;

– наиболее убедительная версия, относящаяся к этимологии топонима;

– иные версии объяснения происхождения топонима с указанием источников и авторов имеющихся в науке объяснений;

– упоминания данного топонима в исторической, географической, краеведческой литературе, сообщающей какие-либо значимые сведения об объекте;

– основная научная литература, посвященная данному объекту и его названию.

Образцовой разработкой словарной статьи топонимического словаря мы считаем статьи «Словаря-справочника географических названий на побережье СССР» (М., ГУНИО, 1985). Однако учесть опыт этого словаря в полной мере невозможно, поскольку мы, как и те, кто работает над топонимическими словарями других регионов, часто не располагаем указаниями на ранние фиксации, не всегда возможно дать правдоподобные этимологии, то есть не всегда возможно заполнить все позиции формата словар-

ной статьи. Тем не менее необходимо стремиться к максимальному насыщению статей топонимического словаря необходимой информацией, равно как и к единообразию оформления статей топонимического исследования, что, собственно, отличает топонимический словарь от сочинений и исследований иных жанров.

Е.В. Климова (Вологда)

Наименования дождей в вологодских говорах

Идея внутренней формы языка, превращающей его в «зеркало мира», сформулирована В. Гумбольдтом [Гумбольдт 2000: 178]. В этнолингвистике XX-XXI вв. она получает интенсивное развитие в изучении языковой картины мира и отдельных ее фрагментов. В плане идей этого глубокого мыслителя чрезвычайно интересно обращение к метеорологической лексике русских народных говоров.

Люди всегда интересовались погодой, поскольку от ее состояния зависят условия их быта, самочувствие и трудовая деятельность. Такая зависимость сохраняется и в наши дни, поэтому интерес к состоянию погоды, как текущей, так и предстоящей, у современного человека остается. Постоянный интерес человека к погоде не проходит бесследно, он находит отражение в языках и диалектах многих народов. Язык и его диалекты отражают накопленный человечеством опыт общения с природой, наблюдательность человека и оставшуюся с доисторических времен у некоторых людей склонность к суевериям.

Метеолексика – один из наиболее употребительных пластов диалектных слов, представленных в народных говорах. Такая лексика в сознании носителей диалекта тесно связана с их практической и духовной жизнью. Она формируется в говорах как отражение особенностей климатических условий того или иного региона под влиянием особенностей труда и быта носителей диалектов.

Метеорологическая лексика в составе любого языка или диалекта регулярна, устойчива, стабильна, в силу экстралингви-

стических факторов характеризуется меньшей открытостью и проницаемостью [Суспицына 2000: 4]. Именно поэтому названный пласт лексики закономерно вызывает особый интерес у исследователей [Вендина, Москалева, Суспицына и др.]. Работы по изучению метеолексики уже проводились и на кафедре русского языка Вологодского государственного педагогического университета. Так, С.А. Лихомановой была написана выпускная квалификационная работа «Обозначение понятия ‘дождь’ в вологодских говорах (аксиологический аспект)» [Лихоманова 2006]. Тем не менее описание диалектной метеолексики еще далеко от завершения.

Предметом рассмотрения в данной статье являются наименования дождей в говорах вологодской группы севернорусского наречия. Источниками материала послужили Словарь вологодских говоров (далее – СВГ) и собственные полевые наблюдения автора в деревнях Максимково Шекснинского района и Шипичное Грязовецкого района. Как удалось установить, диалектные названия дождей представлены в вологодских говорах целым рядом лексем. Покажем это, характеризуя семантику и территорию распространения зафиксированных наименований.

Наименования кратковременного дождя

Данная группа представлена лексемой – *дождец*.

Дождец: *Да, дождец бы не помешал*. Ник. Перм. [СВГ 2: 33]. Слово приводится в СРНГ в значении ‘дождь; небольшой дождик’ (Пск., Смол.) [СРНГ 8: 91]. Очевидно, что слово образовано путем присоединения суффикса *-ец* к основе слова дождь (суффиксация на базе производящей основы). Суффикс образует существительное со значением явления, характеризующегося признаком или действием, названным словом, от которого оно образовано.

Наименования затяжного дождя

Данная группа представлена шестью лексемами – *дождёвье*, *дождевица*, *дожжовица*, *заливушка*, *заливушка*, *окладничок*.

Лексемы *дождевица* и *дожжовица* имеют широкое распространение в вологодских говорах: *Дожжёвица уже целый мисяц идет*. Сок. Васил. *Сегодня вёдро, хорошо. А вот дож-*

жовица дак по недиле бывает. К-Г. Бяк. *Сейгод все лето дожжовича.* К-Г. Смольян. *У нас только заливым мочит. А худо коуда дожжовица-то бывает.* К-Г. Плоск. *Пузыри на воде к дожжовице.* Ник. Выс. Слово зафиксировано также в говорах Бабушкинского, Верховажского, Грязовецкого и Шекснинского районов [СВГ 2: 33].

С тем же значением употребляется лексема *дождёвье*: *Когда дожди идут, так это дождёвье.* Хар. Никул. [СВГ 2: 33]. В Архангельской области известен ее фонематический вариант – *дожжовье* – ‘затяжной дождь на несколько дней’ [СРНГ 8: 92].

Для именованя затяжного дождя в вологодских говорах также используются лексемы *заливушка* и *залиушко*: *На улице заливушка, все размокло.* Межд. Иван. *В такую залиушку хорошо спать. Люблю, когда дождь по крыше стучит.* Кир. Ферап. *Сегодня был дожж, залиушко. Сильно льет. Сено-то ведь гнет.* Кир. Ферап. [СВГ 2: 150]. Отметим, что в СРНГ анализируемые лексемы не встречаются, что, возможно, говорит об их узком ареале, распространении лишь на территории вологодских говоров. Данные лексемы образованы путем присоединения суффикса *-ушк*, который выступает в уменьшительно-уничижительном значении. Существительные *заливушка* и *залиушко* имеют значение, мотивированное глаголом *заливать*.

Лексема *окладничок* используется в вологодских говорах для именованя продолжительного, затяжного дождя, во время которого все небо обложено тучами: *Окладницёк будёт, дак какой сенокос. Теперь токо окладницья и не хватало.* Сямж. Монаст. [СВГ 6: 60]. Не зафиксированная в диалектных словарях лексема имеет узкий ареал и бытует лишь на территории распространения вологодских говоров.

Наименования сезонных дождей

В данной группе выделяются наименования летних дождей, которые можно разделить еще на три подгруппы: наименования грибного дождя (*рыжник, рыжничек*), наименования дождя, идущего во время сенокоса (*сеногной*), наименования дождя, идущего при солнце (*краснодождь*).

Лексемы *рыжник* и *рыжничек* характеризуют теплый летний дождь, после которого растут грибы: *Недавно прошел рыжник, опеть грибов наростет.* У-К. Устье. *Хорошо бы рыжичника-то.* У-К. Устье. [СВГ 4: 105]. По данным СРНГ, лексема *рыжник* известна в тверских говорах, но там слово употребляется совсем в ином значении [СРНГ 35: 306].

Вологодским говорам известна лексема *сеножной* – ‘мелкий продолжительный дождь во время сенокоса’: *Мелкий доши моросит неделю, все сырое делается, это и есь сеножной.* Сямж. Грид. *Сеножной как что? Доши такой зовут. Сено-то не посушишь. Доши, а потом тепло, пар, дак какое сено посушишь.* Сямж. Монаст. *Мало корма скотине заготовили, все лето или сеножной.* Межд. Стар. Слово зафиксировано также в говорах Бабушкинского, Великоустюжского, Кичгородецкого, Кирилловского, Тотемского и Харовского районов [СВГ 9: 174]. Толкование лексемы встречается в словаре В.И. Даля: *сеножной* – ‘дожди, мокрая погода во время покоса’ [Даль 4: 380]. По данным СРНГ, в интересующем нас значении слово имеет широкую географию: Тобол., Тюмен., Курган., Новосиб., Алт., Горно-Алт., Том., Кемер., Краснояр., Бурят. АССР., Иркут., Амур., Хабаров., Свердл. Перм. Горьк., Яросл., Арх., КАССР, Олон. [СРНГ 27: 170]. Анализируемая лексема образована, на наш взгляд, путем соединения слова *сено* и основы слова *гноить*.

Краснодождь – ‘дождь при солнце, слепой дождь’: *В краснодождь-от и радуга бывает.* Сок. Фефил. *Если краснодождь сегодня, то и завтра будет дождь.* Сок. Васил. [СВГ 3: 166]. Лексема зафиксирована только на территории распространения вологодских говоров. Очевидно, что слово образовалось путем сложения основ слова *красный* и слова *дождь*.

Наименования дождя с дополнительными осадками

Паморока – ‘дождь с градом’: *Откуда им памороки-то принесло? Все жито прибьет.* Сямж. Март. [СВГ 7: 5]. В СРНГ отмечено наличие анализируемой лексемы в вологодских говорах со значением ‘пасмурная погода, иногда с мелким дождем, мокрым снегом’ [СРНГ 25: 185]. В толковом словаре В.И. Даля лексема имеет значение ‘пасмурная пого-

да, мрачная и мокрая; паморочный день' [Даль, 2507]. Мы предполагаем, что это слово образовано от *морок* с помощью так называемого «первообразного», древнейшего префикса *па-*, имеющего значение неполноты чего-либо. *Паморока* – это не просто дождь, а дождь с градом [Интернет-портал «Грамота.ру»].

Выбор населением анализируемого явления действительности в качестве объекта номинации говорит о его значимости для жизнедеятельности жителей Вологодской области. Результаты наших наблюдений показывают, что количество наименований для тех явлений, которые представляют для человека практическую ценность или антиценность, весьма велико. Помимо слов, известных литературному языку, в речевой практике сельскими жителями используются многочисленные диалектные слова. Они служат средством передачи практической информации, относящейся к жизни и быту людей в конкретной местности. В приведенных выше примерах можно отчетливо видеть отношение крестьян к самому именуемому явлению природы, а также к его влиянию на быт и деятельность сельских жителей.

Литература

Вендина Т.И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М., 1998.

Гумбольдт В. Избранные работы по языкознанию. М.: 2000.

Демидова К.И. Языковая картина мира и аспекты ее изучения. Екатеринбург, 2007.

Лихоманова С.А. Обозначение понятия 'дождь' в вологодских говорах (аксиологический аспект) / ВКР. Науч. рук. доц. Е. П. Андреева. Вологда: ВГПУ, 2006.

Москалёва А.Г. Наименования осадков в ярославских говорах // Русское слово: литературный язык и народные говоры: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Г.Г. Мельниченко. Ярославль, 2008. С. 177-181.

Суслицына И.Н. Метеорологическая лексика в говорах Русского Севера. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000.

БАС – Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. М.: Л., 1948-1965.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М., 1978 (в работе использовался электронный вариант словаря).

МАС – Словарь русского языка. В 4 т. М., 1985-1988.

СВГ – Словарь вологодских говоров / Под ред. Т.Г. Паникаровской и Л.Ю. Зориной. Вып. 1-12. Вологда, 1983-2007.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1-43-. М.; Л.; СПб., 1965-2010-.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. М., 1964.

Интернет-портал «Грамота.ру».

А.Ю. Ключевская (Санкт-Петербург)

Концептуальное поле «Агрессия» в лексикографическом представлении

В современной науке о языке существуют терминологические разночтения относительно понятий «концепт» и «**концептуальное поле**», обусловленные разностью научных подходов и относительной новизной этих терминов. Концепт постепенно обрастает слоями дополнительных признаков, увеличивающих его объем и насыщающих его содержание.

Актуальным для настоящего исследования является термин «**концептуальное поле**». В настоящее время в лингвистике нет единого понимания сущности концептуального поля, поэтому на данный момент не существует четкого определения этого термина. По мнению И.А. Стернина, концептуальное поле включает в себя несколько концептуальных слоев-сегментов, которые отражают развитие концепта и его связи с другими концептами [Во-

ронова, Стернин 1999]. «**Концептуальное поле**» включает в себя все виды ассоциативных связей ядра концепта, дериваты лексем, его обозначающей, все виды синонимической и антонимической связей, все возможные упоминания в художественной литературе, СМИ, то есть, все лексемы – вербализаторы ментальных единиц, так или иначе связанных с лексемой – именем концепта. Вслед за М.В. Пименной **концептуальное поле** осмысливается нами как содержательная категория, зафиксированная в языковых единицах картины мира [Пименова 2008: 294-295]. Его структура сформирована благодаря нескольким важным признакам: «1) *мотивирующим признакам* слова, которые непосредственно связаны с историей слова и жизнью его в языке; 2) *образным признакам*, актуализирующимся через ту или иную сочетаемость; 3) *понятийным признакам*, создающим так или иначе семантическое поле; 4) *ценностным признакам*, которые, безусловно, скрыто или явно отражают ментальные характеристики этноса; 5) *функциональным и символическим признакам*, раскрывающим сакральный характер того или иного концепта» [Там же: 294-295].

Таким образом, можно утверждать, что **концептуальное поле** системно организовано и включается в языковую картину мира как обособленный, структурированный фрагмент.

По точному замечанию В.В. Морковкина, лексикография «представляет основной канал, через посредство которого лингвистика обнаруживает и обнарудует результаты своей деятельности» [Морковкин 1987: 33].

В наши дни лексикографическое издание становится не только лингвистическим трудом, но и книгой, предоставляющей читателю разнообразную информацию о мире.

«Статус лексикографического издания как разновидности текста позволяет включить его в объектную область одного из ведущих направлений в современной лингвистике – антропоцентрической лингвистики» [Каламбет 2006: 79].

Исследователи отмечают, что «<...> анализ словарей позволяет получить объективное представление об организации лексикона человека, о совокупности знаний, хранящихся в его памяти» [Козырев, Черняк 2004: 7], следовательно, невозможно ис-

следовать фрагмент концептосферы, не прибегнув к помощи словарей. Изучение лексикографического материала в лингвистике признается одним из основных способов изучения концепта и **концептуального поля**. Словарные материалы различных лексикографических изданий нескольких эпох позволяют проследить, как в связи с изменениями общественного сознания изменяется и **концептуальное поле**.

Анализ словарного отражения и воплощения концепта как ядра **концептуального поля** необходим, поскольку система словарных дефиниций, представленных в разных типах словарей, помогает исследователю концептов проложить путь к сущности их ментального содержания, специфике наивной картины мира. Важность привлечения данных лексикографии отмечается многими исследователями концептов. В частности, Ю.Д. Апресян утверждает, что «для современного лингвокультурологического исследования чрезвычайно важно обращение к данным лексикографической науки, так как семантика языковой единицы отражена, прежде всего, в лексикографических источниках» [Апресян 1995: 56]. На подготовительном этапе важным шагом является анализ информации о ключевой лексеме, именующей **концептуальное поле** и представленной в толковых и ассоциативных словарях, а также в словарях других типов.

Лексикографические издания репрезентируют концепт и **концептуальное поле** в статичном виде, но дают полный диапазон лексико-грамматического материала нескольких эпох.

Словари помогают увидеть семантическую и деривационную продуктивность репрезентантов концепта в полном объеме, показывают существование поливербальных средств репрезентации **концептуального поля**.

Толковые словари позволяют получить самое широкое представление о слове. «Являясь центральным типом словарей, толковые словари в значительной степени выполняют функции других (аспектных) лексикографических изданий» [Козырев, Черняк 2004: 52]. Таким образом, моделирование **концептуального поля «Агрессия»** невозможно без обращения к толковым словарям. Ядром **концептуального поля «Агрессия»** является собственно концепт «Агрессия». Для настоящего исследования

необходимым является обращение к словарным репрезентантам, которые являются для концепта «Агрессия» ключевыми. Именуется концепт слово «агрессия». Очевидно, что в первую очередь следует выявить значения слова «агрессия», зафиксированные в академических толковых словарях.

В «Словаре современного русского литературного языка» у слова *агрессия* выделено одно значение: *нападение, захват чужой территории*. Ядерными семами являются *нападение, захват*.

МАС также отмечает только одно значение: *нападение одного государства на другое с целью захвата территории, уничтожения или ограничения его независимости и насильственного подчинения его населения захватчику*. Можно выделить основные семы *нападение, захват, уничтожение, насилие*.

В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова представлена следующая дефиниция:

Агрессия (латин. aggressio) (полит.). Наступление, нападение, агрессивное отношение к чему-н.

Помета «политическое» отражает функционирование слова в сфере политики, взаимодействия государств. Важно, что изначально концепт «Агрессия» обслуживал только дипломатический и политический дискурсы, а затем стал использоваться и в сфере межличностного общения.

В «Большом толковом словаре русского языка» (далее – БТС) фиксируется второе значение слова *агрессия*, приводится такая словарная статья:

1. Вооруженное нападение государства или нескольких государств на какое-л. государство с целью захвата его территории, уничтожения или ограничения его независимости, изменения его политического или общественного строя и т. п. 2. О словах и действиях, выражающих неприязнь, враждебность.
Центральные семы: *нападение, захват, уничтожение, неприязнь, враждебность*.

В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (далее – СОШ) лексема *агрессия* имеет такое толкование:

1. Незаконное с точки зрения международного права применение вооруженной силы одним государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства. 2. перен. Открытая неприязнь, вызывающая враждебность`.

К ядру поля репрезентантов концепта «агрессия» будут относиться такие лексемы, как *насилие, вражда, неприязнь, конфликтность*.

В словаре Ожегова представлены словарные статьи:

Вражда. Отношения и действия, проникнутые неприязнью, ненавистью`.

Насилие. 1. Применяемые физические силы к кому-н. 2. Принудительное воздействие на кого-н., нарушение личной неприкосновенности`.

Неприязнь. Недоброжелательность, недружелюбие`.

Так как «построение и изучение деривационного поля ключевого слова позволяет также выявить когнитивные признаки исследуемого концепта» [Попова, Стернин 2007: 182], обратимся к анализу дериватов выделенного ключевого слова «агрессия». Для выявления содержательных элементов концепта важны деривационные связи слова-вербализатора концепта, поэтому необходимо рассмотреть, как в толковых словарях отражены значения однокоренных слов к *агрессия – агрессор, агрессивный, агрессивность*. Так как номинативное поле концепта включает «однокоренные слова, единицы разных частей речи, словообразовательно связанные с основными лексическими средствами вербализации концепта» [Попова, Стернин 2007: 69], необходимо исследовать все составляющие номинативного поля концепта «Агрессия», представленные в толковых словарях русского языка.

В БАС зафиксированы следующие словарные статьи:

Агрессор. Нов. Нападающий с целью захвата, порабощения; государство, осуществляющее агрессию`.

Агрессивность. Захватническая политика государств`.

В «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова представлено одно значение слова *агрессор: тот, кто осуществляет агрессию, нападающая сторона, захватчик`*, а также два лексических значения слова *агрессивный:*

*1. к Агрессия. 2. Склонный к нападению (о человеке, животном)
|| Враждебный, неприязненный, наступательный`.*

Словарь Ушакова предлагает толкования:

*`Агрессивность (книжн.). Отвлеч. сущ. к агрессивный.
Агрессивность намерений`.*

*`Агрессивный (от латин. Aggressio – нападение) (книжн.).
Враждебный, наступательный, стремящийся к захвату, к завла-
дению. Агрессивная политика`.*

*`Агрессор (латин. aggressor) (полит.). Виновник агрессии;
тот, кто нападает; нападающая сторона`.*

Следует отметить, что в одних толковых словарях лексема *агрессия* определяется лишь как нападение одного государства на другое. В других лексикографических изданиях появляется второе значение – *`открытая неприязнь; слова и действия, выражающие неприязнь`.* В словаре Ушакова представлено одно значение – *`наступление, нападение, агрессивное отношение к чему-н.`.* Для настоящего исследования важным является именно второе значение, являющееся основным вербализатором изучаемого концепта. Толкование слова «агрессия» как *открытой неприязни, агрессивного отношения к чему-н.* коррелирует с психологической трактовкой понятия «агрессия». Р. Мэй дает следующее определение агрессии как явления: «Агрессия есть действие, которое вторгается на территорию другого, чтобы совершить переустройство власти. <...> Причиной, по которой агрессия столь ужасает людей, является то, что она влечет за собой возможность применения силы. Сила в агрессии может унести наши жизни в физическом, интеллектуальном или духовном смысле» [Мэй 2001: 187-188].

На основе анализа дефиниций лексических значений лексемы *агрессия*, представленных в толковых словарях, а также анализа словообразовательных дериватов, выделено поле сем настоящей лексемы. Все эти семы описывают образ агрессии в ментальном пространстве носителей русского языка.

Семы *нападение, захват, наступление, уничтожение, ограничение, изменение, применение силы* характеризуют агрессию как действие, направленное против «чужого». Актуализирует

наличие противостояния «свой-чужой» сема *чужой* (захват **чужой территории**).

Семы *неприязнь, враждебность* указывают на экспликацию эмоционального компонента концепта «агрессия» и вписывают описываемый концепт во фрагмент концептосферы, именуемый «Эмоциональное состояние человека».

Семантическое поле концепта «Агрессия» включает «не только компоненты, непосредственно обозначающие агрессивные действия и состояния, но и те, которые обозначают потенциальную возможность возникновения агрессии, готовность к проявлению агрессивности» [Дасько 2004: 197].

Как концепты образуют целостную систему с определенными связями между ними, так и значения одних слов связаны со значениями многих других слов. Поэтому представляется, что исследование словарных статей поможет выявить связь базового имени концепта с лексемами, которые также могут являться словами-репрезентантами исследуемого концептуального поля или же смежных концептуальных полей.

Средства речевой объективации концепта «Агрессия» достаточно разнообразны: система языка дает возможность варьировать способы выражения, например, используя синонимы.

«Словарь синонимов русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой предлагает следующие словарные статьи:

Агрессивный, захватнический, завоевательный.

Имеющий целью завоевание, захват чужих земель. Слова агрессивный и захватнический содержат отрицательную оценку, слово агрессивный широко употр. реже и преимущ. с целью более резко подчеркнуть основное содержание слова; слово завоевательный было более употребительным в XIX в.

Неприязнь, нерасположение, антипатия.

Недоброжелательное отношение к кому-л. Неприязнь – недоброжелательное отношение к кому-л., граничащее с враждебностью; нерасположение указывает на меньшую степень недоброжелательности; антипатия – чувство глубокой неприязни, произвольного внутреннего нерасположения, отвержения к кому-л. Эти слова характерны для литературно-книжной речи.

В «Словаре синонимов русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой отсутствует главный вербализатор концепта «Агрессия», но показаны периферийные репрезентанты, не менее важные для интерпретации исследуемого фрагмента концептосферы. Обращение к словарям синонимов показывает, как формируется более широкое концептуальное поле, в центре которого находится основной репрезентант концепта, а на периферии – дериваты, однокоренные слова и синонимы.

Семантическая структура слова, именуемого изучаемый концепт, наиболее структурировано отражена в 3-м томе «Русского семантического словаря». Семантический словарь является лексикографическим изданием, в котором в многоступенчатых классах (схемах) слов представлена система современной русской общеупотребительной лексики.

В лексическом множестве «*Отвращение, презрение, злоба, неприязнь*» в лексико-семантическом ряду «*Недоброе, недружелюбное отношение*» отмечено второе переносное значение слова «агрессия» и указаны его синонимы:

Агрессия 2. перен. *Открытая неприязнь, вызывающее враждебное отношение к кому-н.*

Неприязнь, неприязненность. Явная недоброжелательность. Чувство неприязни.

Недоброжелательность. Нерасположение, неприязнь к кому-н.

Нерасположение. Недоброжелательное отношение, антипатия.

Антипатия. Чувство нерасположения к тому, кто чем-то не нравится, неприятен.

В лексическом множестве «*Злоба, гнев, рассерженность*» обнаруживается следующая дефиниция:

Агрессивность. Открытая неприязненность, вызывающая враждебность.

Материалы «Русского семантического словаря» позволяют найти максимальное количество вербализаторов концепта «агрессия» и с большей точностью описать исследуемый нами фрагмент концептосферы.

Концептуальное поле как многослойная структура интегрирует разные представления о фрагменте действительности. Несомненно также, что **концептуальное поле** богаче по содержанию, чем репрезентирующие его лексические средства; каждое из них раскрывают только определенную часть **концептуального поля**. Лишь совокупность лексических средств может более или менее полно передать содержание **концептуального поля**.

Литература

Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. I. М., 1995.

Воронова Т.А., Стернин. И.А. Концепт «толерантность» в русском сознании // Языковая структура и социальная среда: Межвузовский сборник научных трудов студентов. Воронеж, 2000. Режим доступа: <http://tpl1999.narod.ru/WebStud1/SbornikSt1-1.htm>

Дасько А.А. Агрессия: штрихи к языковой картине мира // Агрессия в языке и речи. М., 2004.

Каламбет Е.В. Лексикографический текст как объект исследования антропоцентрической лингвистики // III Международные Бодуэновские чтения: И.А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания (Казань, 23-25 мая 2006 г.): труды и материалы: в 2 т. Т. 1. Казань, 2006.

Козырев В.А., Черняк В.Д. Русская лексикография. М., 2004.

Морковкин В.В. Об объеме и содержании понятия «теоретическая лексикография» // Вопросы языкознания. 1987. № 6.

Мэй Р. Сила и невинность. М., 2001.

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М., 2007.

БАС – Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. Т. 1. М.; Л., 1948.

БТС – Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 2000.

МАС – Словарь русского языка. В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Т. 1. М., 1981.

СОШ – *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 2001.

Русский семантический словарь. Том III: Имена существительные с абстрактным значением: Бытие. Материя, пространство, время. Связи, отношения, зависимости. Духовный мир. Состояние природы, человека. Общество. М., 2003.

Словарь синонимов русского языка. В 2 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. Т. 1. М., 2003.

Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1994.

Н.С. Котяева (Санкт-Петербург)

О функционировании иноязычной лексики в русской комедии второй половины XVIII века

Вопрос о лексических заимствованиях в русском языке второй половины XVIII века является одной из важнейших проблем исторической лексикологии. В данную эпоху уже заимствована терминология точных наук, технических отраслей, морского дела, и теперь на первый план выдвигается лексическое обогащение сфер, связанных с общественными процессами, литературой, культурой, искусством, с зарождением нового дворянского быта.

Происходят важнейшие изменения в источниках заимствования, и, как справедливо утверждает учеными [Биржакова, Войнова, Кутина 1972: 176], по-прежнему главное место принадлежит западноевропейскому языковому влиянию – французский и немецкий языки являются главными источниками заимствований и языками – посредниками. Влияние же других языков хотя и продолжается, но значительно ослабевает. И это не случайно. Язык великих просветителей – Вольтера, Дидро, Руссо – в то время являлся наиболее богатым, стилистически развитым и выразительным языком Европы, а знание французского языка для русского дворянства считалось признаком высокой культуры и образованности, необходимым условием контакта с европейской цивилизацией.

Новая русская комедия, становление которой приходится на начало второй половины XVIII века, хорошо отражала живой разговорный язык данной эпохи, его социальное расслоение. Однако, изучая шедевры русской комедиографии, поражаешься, что внимание к произведениям русской литературы XVIII века – интереснейшего во всех отношениях столетия – неоправданно ослабело. И нельзя не согласиться с высказыванием А. Зорина в статье «Забытая словесность памятного века» [Зорин 2001: 5], что «...литература XVIII века сейчас находится в мертвой зоне читательского внимания».

Между тем язык массовой комедии тех лет дает нам представление о реальной языковой ситуации в России, становлении норм русского языка, о сложных и противоречивых процессах, сопровождающих заимствование и освоение иностранных слов.

Предметом нашего рассмотрения послужила иноязычная лексика в комедиях А.П. Сумарокова «Тресотиниус», «Рогоносец по воображению», «Пустая ссора», Д.И. Фонвизина «Бригадир», «Недоросль», В.И. Лукина «Мот, любовь исправленный», Е.Р. Дашковой «Тоисиоков», М.А. Матинского «Санкт-Петербургский гостиный двор», А.А. Аблесимова «Мельник – колдун, обманщик и сват», В.В. Капниста «Ябеда», Я.Б. Княжниной «Хвастун», «Чудаки», Н.П. Николева «Самолюбивый стихотворец», Н.Р. Судовщикова «Неслыханное диво, или честный секретарь».

Многообразие материала предполагает необходимость дифференцированного подхода к различным группам заимствованных слов при его систематизации, установлении общих принципов и условий функционирования в структуре драматического действия. На наш взгляд, семантика и своеобразие иноязычных слов ярче всего проявляется в лексико-семантических группах, которые мы попытались выделить. Как показал анализ, центральное место в пьесах занимают слова, связанные по значению со сферой «человек», – многообразной и разноплановой. Это слова, обозначающие людей по полу, социальному происхождению (мадам, дама, мамзель, монсьор, граф, барон, фон – дворянин, кавалер в значении «мужчина» и др.), по роду деятельности, профессии, воинским чинам (нотариус, канцелярист, секретарь,

регистратор, полицеймейстер, квартальный, генерал, командир, офицер, сержант, капрал, солдат, рекрут, лакей, камердинер, егерь, галантерейщик, аббе и др.), по особенностям характера и поведения (петиметр, галантон, кокетка, буффон, гаер, шут и др.), особенностям взаимоотношений с другими людьми (патрон, квит, кавалер и др.).

Много слов, относящихся к конкретно-бытовой сфере, передающей черты нового дворянского быта (провиант, продукты, кофе, презент, галантерея, квартира, кабинет, туалет, мебель, комод, каркас, пружина, шпага, фузея, пуля, картечь и др.). Среди них – названия продуктов, помещений, мебели, оружие.

В связи с распространением поединков между мужчинами появляется слово «дуэль», увлечение дворян магией и азартными играми дало слова «хиромантия, карты, рулетка, лабет»; встречаются также слова «секта, бал, театр, комедия в значении 'театр'».

В драматических диалогах разных авторов мы встретили слово «мода» и лексику, относящуюся к этой сфере. Это слова – названия различных предметов модной одежды, частей туалета, причесок, аксессуаров, украшений и тканей (камзол, сертук, рейтузы, парик, букли, вержет, папильоты, лорнет, позументы, газ, атлас, аграманты, флоринты и др.), а также наименования модных цветов (пьюсовый, кофейный).

Заметное место среди иноязычной лексики принадлежит словам, так или иначе связанным со сферой «человек», которые обозначают его состояние, чувства, характер выполняемых действий, физиологические потребности (аппетит, амур, кураж, казус, темп, резонт, интрига, экономия, коррекция, секрет, мораль, фатальный и др.). Многие из них носят отвлеченный характер, употребляются в экспрессивных сочетаниях типа «лицом такой фатальный».

Отметим группу слов, относящихся к административной, экономической и научной сферам (инструкция, штраф, паспорт, штатный, вексель, процент, акцион, академия), а также семантически разнообразную глагольную лексику, отражающую в некоторых случаях свойственное разговорной речи произношение (арестовать, рапортовать, решпектовать, экспликовать, парировать, этаблировать, дискюрировать, иксузовать и др.), много-

численные наречия (фундаментально, резонабельно, партикулярно, аргументально, политично).

Инновациями для данной эпохи можно считать формулы речевого этикета – галантные обороты вежливости, обращения, являющиеся результатом западноевропейского влияния, особенно широко употреблявшиеся в стихотворных комедиях:

Крутон

Пардон, француз! Пардон!

Модстрих

Что выйдет из себя, затопает ногой,

Кто скажет «*мон ами*» вместо «*друг ты мой*».

[Николев 1964: 151].

Характерно, что многие из иностранных слов уже начинают адаптироваться на русской почве, употребляясь с типично русскими суффиксами, даже разговорными (презентец, капиталец, шпажища, картежник), приобретая диалектное произношение (хокус, сехлетарь, отлепортовать, енарал), сочетаясь и рифмуясь со старославянской (вельми в моде) и просторечной лексикой (не отвильяться финтами; черту – паспорту). Особую выразительность комедийному диалогу придает употребление иностранных слов в новых переносных значениях. В этом отношении показательны примеры из пьес Николева Н.П. и Княжнина Я.Б.: «Амура-то ему нельзя переварить; К любви аппетит престрашный возбудить; Какие пули льет! – т. е. обманывает; А наш такой формат! – т. е. порядок; Имейте на примете, что хитрость лишь одна пружина в этом свете!»; ...в хрюхрюшках командир...» – Н.П. Николев.

В силу своей иносистемности заимствованная лексика обладала большим зарядом экспрессии, выполняла разнообразные стилистические функции в структуре диалога комедии, «...основным оружием и сатирической стрелой которой был яд, составлявший ударную силу русской комедиографии данной эпохи» [Янковский 1964: 18].

Так, существовавшая в русском обществе XVIII века галломания служила объектом сатирического изображения в комедиях. Во многих пьесах подвергается осмеянию пародийный язык петиметров и кокеток, употребляющих в большом количестве

иностранные слова и обороты, как, например, в комедии Сумарокова А.П. «Пустая ссора», с. 345:

Деламида: Вы так мне *флатируете*...

Дюлиж: Вы мне не поверите, что я вас *адорирую*.

Деламида: Я етова сударь не *меритирую*.

Можно привести примеры, когда иноязычная лексика в устах таких персонажей служит отправной точкой диалога-ссоры:

Модстрих

Монсьор ошибся в том...

Надмен

И он еще меня *монсьором* называет

И русские слова с французскими свивает,

Как будто бы и я такой же скот, как он!

[Николев 1964: 88].

На протяжении всей пьесы речь комического персонажа Модстриха – петиметра – уснащена иностранными словами, не имеющими перевода (Какой *афронт*! Как это *дроль*!).

Появление иноязычной лексики в это время, справедливо утверждает Сорокин Ю.С. [Сорокин 1965: 44], было связано также «со стремлением отделить старые формы жизни и восприятие мира от новых, с новыми светскими формами просвещения, с новыми тенденциями в речевом употреблении». Поэтому в репликах комедийных персонажей находим иноязычную лексику, раскрывающую черты нового дворянского быта, безусловно, и как дань речевой моде XVIII века. Даже персонажи из низшего сословия – Провор и Подрядчик в комедии Судовщикова Н.Р. [Судовщиков 1964: 188] широко употребляют иностранные слова в разных действиях: «Не думаешь ли, брат, свернуться здесь на *балах*? Скажите, нужда здесь в каких *материялах*? Нет, видно, *финтами* опять не отвиляться...».

Помимо указанных функций иноязычные слова могут служить одним из средств речевой индивидуализации образа – передавать эмоциональное состояние героя в определенных сценах:

Надмен

О день прескаредный! Минуты нет свободной!

То враль, то грубиян, то *петиметр* негодный!

Ба, ты зачем изволил, *фон*, приобрести?..

[Николев 1964: 101].

Некоторые реплики – объяснения в любви, содержащие иноязычную лексику, звучат весьма комично из-за необычной сочетаемости слов в одном стихотворном ряду:

Крючкострой

Милена, жизнь моя! Души *полицеймейстер*,

Клянусь управою, что я тебя люблю,

Нет сил *экспликовать*, что я от ней терплю.

[Судовщиков 1964: 249].

Средством речевой индивидуализации драматического персонажа является также широко употребляемая в комедиях «ломаная» русская речь иностранцев, звучащая с определенным акцентом (см. пьесы Д.И. Фонвизина, Е.Р. Дашковой, Н.Р. Судовщикова и др.). Она воссоздается, как правило, фонетическими или грамматическими явлениями родного языка героя – французского или немецкого, как в данном случае:

Вральман: Матушка моя! Што тепе натопно? Сынок, какоф есть, да тал пох старовье: или сынок премудрой, как сказать, Аристотелис, да в могилу... Ему потрепно снять, как шить ф сфете. Я знаю сфет наизусть. Я сам терта калашь [Фонвизин 1971: 109-110].

Таким образом, в пьесах второй половины XVIII века широко употребляется иноязычная лексика различных лексико-семантических групп, выполняющая в структуре драматического диалога разнообразные стилистические функции, передающая авторское своеобразие, значительно обогащающая национальный русский язык.

Многие заимствованные слова начинают проявлять тенденцию к преодолению семантической неопределенности, развивают новые переносные значения, адаптируются на русской почве, развивая богатые словообразовательные и сочетаемостные возможности.

Дальнейшие исследования иноязычной лексики и особенностей ее функционирования в комедиях второй половины XVIII века позволят обнаружить новые интересные факты.

Литература

Белица Т.И. Толковый словарь французских заимствований в русском языке. Серия 7. Новосибирск, 2007.

Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века: языковые контакты и заимствования. Л.: Наука, 1972.

Зорин А. Забытая словесность памятного века // Русская литература XVIII века / Под ред. М.Л. Гаспарова, Д.С. Лихачева и др. М.: Слово / Slovo, 2001.

Николев Н.П. Самолюбивый стихотворец // Стихотворная комедия конца XVIII – нач. XIX в. М.-Л., 1964. С. 70-177.

Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка (30-е - 90-е годы XIX в). М.-Л.: Наука, 1965.

Судовщиков Н.Р. Неслыханное диво, или честный секретарь // Стихотворная комедия конца XVIII – нач. XIX в. М.-Л., 1964. С. 178-273.

Сумароков А.П. Полное собрание всех сочинений, в стихах и прозе. Ч. 5. М., 1787. С. 345-346.

Фонвизин Д.И. Комедии. Л., 1971.

Янковский М.О. Стихотворная комедия конца XVIII – нач. XIX в.: вступительная статья // Стихотворная комедия конца XVIII – нач. XIX в. М.-Л., 1964.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Тт. 1-4: Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева / Под ред. и с предисл. Б.А. Ларина. 2-е изд. стер. М.: Прогресс, 1986.

А.Б. Крылова, О.Ю. Никифоров (Вологда)

Поисковая система «Диалектного словаря строения слов»

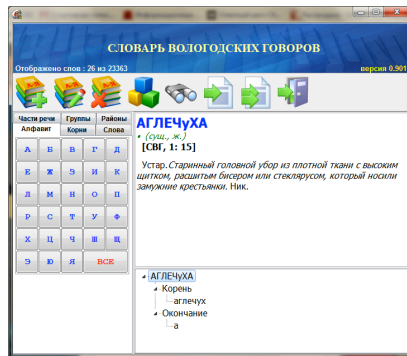
В 2007 году на кафедре русского языка Вологодского государственного педагогического университета началась работа над созданием «Электронного диалектного словаря строения слов вологодских говоров» [Шаброва 2007: 240]. Проект, выполняемый группой исследователей под руководством Е.Н. Ильиной

(Шабровой), с одной стороны, продолжает серию лексикографических работ по русской диалектологии, в которых описываются территориально ограниченные слова. Это и региональные толковые словари (Даль, АОС, ПССГ, СВГ, СРНГ и др.), в которых представлены лексические значения и территория фиксации слов, и немногочисленные словари, в которых рассматривается морфемная и словообразовательная структура диалектного слова (МС, Опыт). С другой стороны, развивает традиции создания электронных словарей и баз данных, набирающих популярность в настоящее время (МАС, СОШ, «Ариадна» и др.), подготовленные и выполненные на материале литературного языка [Пацкин, 2002]. Уникальность проекта «Диалектного словаря строения слов» состоит в том, что, во-первых, создается словарь, описывающий структуру территориально ограниченной лексики, во-вторых, материал представлен в электронном виде. Несомненным достоинством электронных словарей является удобство поиска информации. Цель данной статьи – описать поисковые возможности актуальной версии «Диалектного словаря строения слов».

Поиск – это базовая функция любого электронного словаря. Результатом поискового запроса будет подмножество слов, удовлетворяющих условиям запроса пользователя. В данной версии «Диалектного словаря строения слов вологодских говоров» реализованы следующие виды поиска:

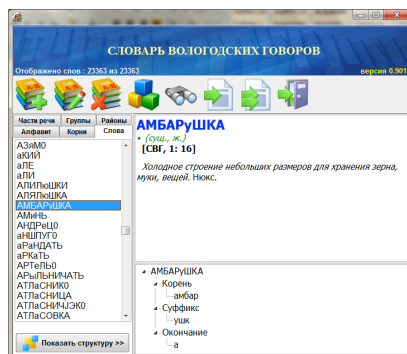
- алфавитный поиск;
- поиск по точному вхождению;
- поиск по частям речи;
- поиск по территории фиксации;
- поиск по структуре;
- поиск по корням;
- поиск по корневым группам.

Алфавитный поиск предполагает формирование поискового запроса по первой букве слова. Нажатие на кнопку с буквой (рис. 1) инициирует выполнение процедуры формирования списка слов, которые начинаются с соответствующей буквы.

Рис.1. «Алфавитный поиск»

Поиск по точному вхождению используют тогда, когда известно слово, которое ищет пользователь. Отдельной интерфейсной запросной формы для данного вида поиска не реализовано, а выполняется он при нажатии последовательности клавиш после фокусировки на списке слов. Курсор списка автоматически позиционируется на слове (рис. 2), обладающем максимальной релевантностью к последовательности вводимых с клавиатуры букв.

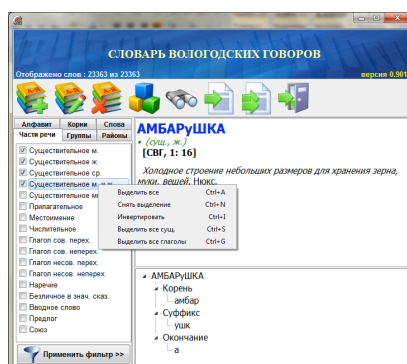

Рис. 2. «Поиск по точному вхождению»

Поиск по частям речи. Словарная статья, помимо семантических характеристик слова, содержит и морфологические характеристики (часть речи, а также грамматические пометы внутри

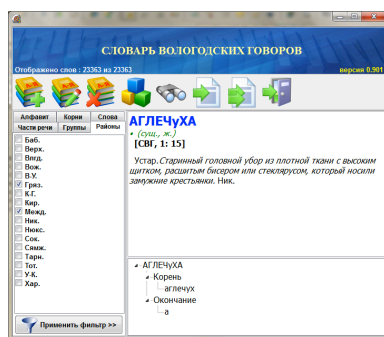

части речи). Данный вид поиска позволяет при формировании условий запроса задавать части речи (рис. 3).

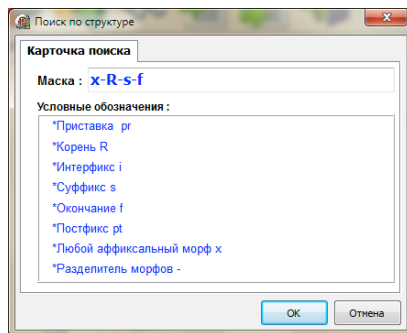
Рис. 3. «Поиск по частям речи»

Поиск по территории фиксации. Список формируется из слов, для которых в качестве территории фиксации, указан отмеченный пользователем район (рис. 4).

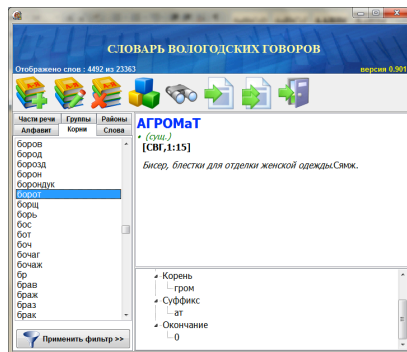
Рис.4. «Поиск по территории фиксации»

Поиск по структуре – ключевой тип запроса в данном электронном словаре. С помощью специальной формы можно задать структуру целевых слов (рис. 5). В строке запроса можно указать типы и последовательности морфов.

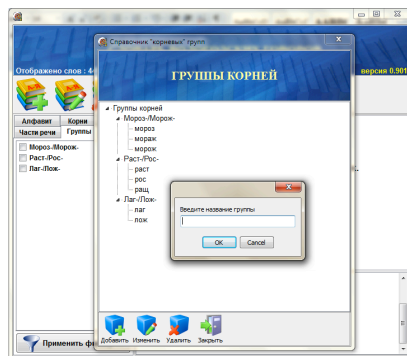
Рис. 5. «Поиск по структуре»

Поиск по корням позволяет отобрать слова, содержащие выбранный пользователем корень из списка (рис. 6).

Рис. 6. «Поиск по корням»

Поиск по корневым группам предназначен для преодоления ограничения поиска по корням. Здесь реализован механизм, позволяющий свести алломорфные и варианты корни в единую морфему и осуществлять последующую фильтрацию списка слов по выбранной пользователем корневой группе (рис. 7). Корневые группы в словаре выполняют консолидирующие функции.

Рис.7. «Поиск по корневым группам»

Литература

Шаброва Е.Н., Шабров А.П. Диалектный словарь строения слов: к постановке проблемы // Диалектное словообразование, морфемика и морфонология / Под ред. Е.Н. Шабровой. СПб., 2007. С. 240-247.

Пацкин А.И. Гиперсловари на базе системы Абриаль. Диалог'2002. Труды межд. семинара. М., 2002.

АОС – Архангельский областной словарь / Под ред. О.Г. Гецовой. Вып. 4. М., 1985; Вып. 6-7. М., 1990; Вып. 8. М., 1999; Вып. 11. М., 2001.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1-4. М., 1978.

МАС – Словарь русского языка. В 4-х т. / Под ред А.П. Евгеньевой. М., 1981-1984 (электронная версия).

МС – Мотивационный диалектный словарь. Вып. 1-2. Томск, 1989-1992.

Опыт – Опыт диалектного гнездового словообразовательного словаря. Томск, 1982.

ПССГ – Полный словарь сибирского говора. Т. 1-4. Томск, 1992-1995.

СГРС – Словарь говоров Русского Севера. Т. 1-2. Екатеринбург, 2001-2002.

СОШ – *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка (электронная версия).

С.В. Лесников (Сыктывкар), Г.С. Лесников (Архангельск),
Д.С. Лесникова (Санкт-Петербург)

Проект гипертекстового словаря лингвистических терминов

В конструируемом словаре (в формате компьютерного, гипертекстового тезауруса /гизауруса/ – базе данных с перекрестными гипертекстовыми ссылками) дается определение (дефиниция, толкование, интерпретация, цитата и/или иллюстрация) ключевых понятий-терминов, относящихся к сфере **лингвистики (языковедения, языкознания)** и ряду смежных дисциплин, которые в той или иной мере связаны с проблемами языка. Конструирование словаря было обусловлено необходимостью единства в терминологии – нередко ученые одно и то же явление называют по-разному, с другой стороны, один и тот же термин бывает полисемичен даже в рамках одной научной области. Кроме этого, при анализе уже опубликованных словарей терминологии **лингвистики** бросается в глаза лакунарность состава словарей и некая тенденциозность подачи **лингвистических** материалов авторами-составителями. Фактически речь идет о составлении метаязыка **лингвистики** – особого языка, объектом которого является содержание и выражение другого языка, т.е. в нашем случае метаязык – это язык второго порядка как специальная семиологическая система, употребляемая тогда, когда надо говорить о естественном (или искусственном) языке же, выступающем в качестве «языка-объекта». При этом можно отдельно выделить в метаязыке следующее: 1) собственно термины (слова, которые или совсем не употребляются в языке-объекте, либо приобретают, после заимствования из языка-объекта, особое значение), 2) сочетания слов, которые характеризуют собственно метаязык **лингвистики** в его полном виде (напр., составные термины), 3) определенный социально-**лингвистический** аспект (напр., когда метаречь отражает специфику эпохи, того или иного **лингвистического** направления, школы).

Словарь фактически цитатный, т.е. при его составлении планировалось не прибегать к собственным толкованиям терминов, а сначала постараться найти готовые дефиниции из различ-

ных авторитетных, фундаментальных лексикографических источников, аббревиатуры и библиография которых включены непосредственно в этот же словарь (=> словари лингвистических терминов). В некоторых случаях используемый текст приходится сокращать, в частности, за счет иллюстративных примеров и этимологии, а также чтобы добиться некоторого единообразия подачи материала. В словарь включаются термины, определения к которым нашлись хотя бы в одном авторитетном источнике (словаре, справочнике, энциклопедии).

Принимая во внимание, что особое место среди «метаязыков отдельных наук» занимает «метаязык лингвистики», а, в свою очередь, собственно метаязык лингвистики, естественно, базируется на всем многообразии словарей лингвистических терминов /СЛТ/, рассмотрим опубликованные (с 1924 года по 2010) СЛТ несколько подробнее.

Словари лингвистических терминов /СЛТ/ = разновидность отраслевых терминологических словарей.

По способу организации словарного материала СЛТ: а) собственно словари (лексиконы) – алфавитные или тематические реестры терминов различной степени информативности, б) тезаурусы, фиксирующие семантические отношения между терминами. Элементы тезаурусного способа организации терминологической лексики присутствуют и в обычных СЛТ в виде указаний на синонимы, корреляты, область употребления, дисциплину и т.п.

По охвату специальной лексики СЛТ: а) общие, ставящие своей задачей дать возможно более полный перечень терминов всех областей языкознания (экстенсивный тип), б) специализированные, которые представляют термины отдельных лингвистических школ или какого-либо одного раздела языкознания (интенсивный тип). Ведущей тенденцией лингвистической лексикографии является увеличение числа словарей второго типа.

По степени информативности словарной статьи объяснительным (экспланаторным) словарям противопоставляются номенклатурные (словники – списки терминов, не сопровождаемые какой-либо подробной информацией) и глоссарии (списки минимально аннотированных терминов). Информативность словника

достигается использованием тезаурусного приема – группировки терминов по темам с учетом родо-видовых связей.

Объяснительные словари по способу толкования: а) энциклопедические (содержащие такие сведения о понятии, термине, как его история, одно или несколько толкований, иллюстрации, библиографию), б) толковые (объясняющие термины посредством дефиниции и нескольких примеров).

Особое место среди толковых СЛТ занимает фундаментальный «Словарь лингвистических терминов» О.С. Ахмановой (Ахманова 1966; 7 тыс. терминов), представляющий собой не только обобщение всего предшествующего терминологического опыта, но и новый тип словаря, сочетающий одновременно толкование термина, перевод его на четыре языка, иллюстрации реального функционирования термина, примеры языковых явлений, обозначаемых термином, и классификацию терминологических микросистем, входящих как часть в метаязык лингвистики. Этот словарь представил наиболее полное описание сложившегося к 60-м гг. XX в. метаязыка современного языкознания. Однако с момента выхода его в свет прошло почти полвека.

Если общие толковые СЛТ отражают как современную, так и традиционную лингвистическую терминологию, то специализированные толковые СЛТ ограничиваются терминологией отдельных лингвистических направлений. В этих словарях часто применяется цитатный принцип подачи материала. Объяснительные СЛТ, как правило, одноязычны (иногда заглавное слово снабжается иноязычными эквивалентами); номенклатурные словари, напротив, дву- и многоязычны, т.е. их цель – сопоставление лингвистической терминологии. СЛТ в минимальной степени присуща нормативность, поскольку основной целью всех СЛТ является воспроизведение уже сложившегося терминопотребления. Возникновение СЛТ как особого лексикографического жанра относится к концу XIX в. Однако и до этого лингвистическая терминология находила отражение в более широких справочных изданиях, напр. энциклопедиях, толковых словарях общеупотребительного языка и т.п. Первые СЛТ носили узкодидактический характер и отражали лингвистическую терминологию в рамках школьного преподавания. В истории отечественной линг-

вистики образец такого СЛТ – «Соображение педагогического совета Минской гимназии об установлении общей грамматической терминологии» (1871). Расцвет лингвистической лексикографии относится к 60-м гг. XX в., что связано с появлением новых лингвистических дисциплин и увеличением числа школ и направлений, выработавших собственный метаязык.

Перечислим словари терминов лингвистики в хронологическом порядке (аббревиатуры раскрыты далее по тексту): ГСГЛТ (Дурново) **1924**, КСЛит (Шор) **1926**, ЛС (Жирков) **1945**, БАС **1948-1965**, СЛТ (Марузо) **1960**, СЛТ (Грабис) **1963**, ЛСПШ (Вахек) **1964**, САЛТ (Хэмп) **1964**, РКСЛТ (Кенеебаев) **1966**, СЛТ (Ахманова) **1966**, СЛТ (Челак) **1969**, ССЛТ (Розенталь) **1975**, КЛС (Нечаев) **1976**, ССЛТ (Розенталь) **1976**, КСТЛТ (Николаева) **1978**, ТПЛ (Никитина) **1978**, СРОТ (Подольская) **1978**, АРТЛ (Демьянков) **1979**, РКСЛТ (Насыров) **1979**, ССА (Абелин) **1979**, СЛТ (Хусейнов) **1983**, ЭСЮФ (Панов) **1984**, ОПМТ (Немченко) **1985**, ЭОЯ (Журинская) **1986**, РУСЛТ (Кайдаров) **1987**, РБСЛТ (Антонюк) **1988**, РБСЛТ (Абуталипова) **1988**, ССЛТ (Бредихина) **1988**, ССМРЯ (Львов) **1988**, ФРУСЛТ (Назарян) **1989**, ШЛСТ (Лийвасте) **1989**, КСАЯ (Бенсон) **1990**, ЛЭС (Ярцева) **1990**, СЛТ (Стецко) **1990**, ШСТ (Коровина) **1990**, УССРЯКР (Жеребило) **1992**, НРРНСЛТ (Баранов) **1993**, ОПФТ (Немченко) **1993**, ДР (Цейтлин) **1993**, ИЛС (Вирченко) **1993**, ОПФТ (Немченко) **1993**, УНСС (Жеребило) **1993**, КСЛТ (Васильева) **1995**, ВвТ (Гринев-Гриневич) **1995**, ОПЛТ и ОПСТ (Немченко) **1995**, СМР (Яковлева) **1995**, УСКР (Жеребило) **1995**, АРЛС (Баранов) **1996**, СФТ (Бернштейн) **1996**, КСКТ (Кубрякова) **1996**, СФТ (Бернштейн) **1996**, ЭСТССТ (Никитина) **1996**, КЛС (Потапов) **1997**, ПТСЛ **1997**, РЯЭ (Караулов) **1997**, ВССРР и ВЯСС (Жеребило) **1998**, ДР (Грудева) **1998**, ПР (Волкова) **1998**, РСС **1998**, ТСМ (Тихонова) **1998**, УСС (Максимов) **1998**, ЯРЯ (Исмаилова) **1998**, ГАиАВС (Караулов) **1999**, КССЛТ (Шаймиев) **1999**, СМТ (Азимов) **1999**, СТМКШ (Монастырский) **1999**, СТПТ (Балыхина) **2000**, АРТС **2001**, ПТС (Полонский) **2001**, СПП **2001**, ВС (Русакова) **2002**, РЯШСС (Стариченок) **2002**, УСЛТиП (Фролов) **2002**, ЭСРР (Ильинский) **2002**, ИСОТиП **2003**, КРР **2003**, МТЭРЯ (Тираспольский) **2003**, СЛТ (Абрегов) **2003**, СЛТ (Жеребило) **2003**,

СЛТАЯ (Ренц) 2003, СЭСРЯ (Алексеева) 2003, ТМИИСН СЛТ (Монахова) 2003, ТПС (Нелюбин) 2003, УСРЯКР (Матвеева) 2003, ЭПСИ (Киппхан) 2003, КСИ (Землянова) **2004**, ОАДЯ (Русова) 2004, ОСЛТ (Куликова) 2004, ВСРЯ (Сковородников) **2005**, ОЯ (Михалев) 2005, ПиОРЯ (Ушакова) 2005 УСЛТ (Брусенская) 2005, АРРАСКЛТ (Бережанская) **2006**, НРСЛС (Ивлева) 2006, РЯ (Стронская) 2006, ТЭС 2006, УРРУСЛТ (Зверева) 2006, ШЛС (Лемов) 2006, ЯРК (Цейтлин) 2006, ВССРР (Москвин) **2007**, ЛДЭС (Шукин) 2007, СССРЯ (Ломов) 2007, ШЛС (Лемов) 2007, АТСЭЛ (Быков) **2008**, БЛС (Стариченок) 2008, КССЛТ (Виногорова) 2008, ЭССЛТП (Тихонов) 2008, КРО (Романова) **2009**, КССРЯ (Сергеева) 2009, КРР (Скворцов) 2010, ПСЛТ (Матвеева) 2010, СЛЛТ (Поливанов) **2010**.

Практически все эти словари имеются в компьютерной форме в нашем распоряжении и используются для конструирования гипертекстового свода определений лингвистики. Кроме этих сугубо словарей терминов лингвистики, в нашем распоряжении имеются свыше десяти тысяч словарей, справочников и энциклопедий самой разной тематики (см. сайт <http://lsw.ru>).

АРЛС 1996 = Баранов А.Н., Добровольский Д.О., Михайлов М.Н., Михайлов М.Н., Паршин П.Б., Романова О.И. и др. Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике: Ок. 8000 терминов / Под ред. А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского; РАН Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. М.: Помовский и партнеры, 1996. Т. 1. XI, 641 с. 2001. Словарь включает около 9000 английских терминов по лингвистике и семиотике. Словарная статья, помимо переводов и грамматической информации, в необходимых случаях содержит комментарий, раскрывающий значение термина. Наличие указателей позволяет найти необходимый английский термин по его русскому эквиваленту, а также составные термины по их компонентам. Издание предназначено для специалистов в области языкознания и семиотики, а также для изучающих английский язык.

АРРАСКЛТ 2006 = Бережанская И.Ю., Сорокина Э.А. Англо-русский и русско-английский словарь консубстанциональных лингвистических терминов. М.: Компания Спутник+,

2006. 80 с.

АРПЛ 1979 = Демьянков В.З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической обработке текста: Порождающая грамматика // Тетради новых терминов, № 23. М.: ВЦП, 1979. № 39. 1982.

АРТС 2001 = Колесникова И.А., Долгина О.А. Англо-русский терминологический справочник по методике преподавания иностранных языков / СПб.: Русско-Балтийский информационный центр, БЛИЦ 2001. 224 с. 3000 экз. Дрофа, 2008. 431 с. 4000 экз. Данный справочник – единственный в своем роде опыт сопоставительного анализа терминов, которые используются в зарубежной и отечественной теории методики и практике обучения иностранным языкам. Его авторы – преподаватели РГПУ им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург) – отобрали и обработали фундаментальные методические понятия и наиболее частотные термины, получившие широкое распространение в обучении иностранным языкам.

АТСЭЛ 2008 = Быков А.А. Анатомия терминов. 400 словообразовательных элементов из латыни и греческого: учебный словарь-справочник. (Русская речь) М.: ЭНАС, 2008. 192 с.

БАС = Словарь русского литературного языка. В 17-ти тт. М.-Л., 1948-1965. Гл. ред. В.И. Чернышев (1,2), С.Г. Бархударов (2, 3, 4), В.В. Виноградов (5), Ф.П. Филин (6, 7, 8, 9, 15, 16). АН СССР. Ин-т русск. яз., Ин-т языкозн. Первый том был подготовлен к изданию до Великой Отечественной войны и должен был выйти в свет в конце 1941 года, однако работа возобновилась лишь в 1945. Планировалось издать 15 томов. Реально вышло 17 томов. БАС-2: Словарь современного русского литературного языка. В 20 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. Гл. ред. К.С. Горбачевич. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Рус. яз., 1991. Т. 1 (А-Б) 1991. 864 с. 100000 экз. Т. 2 (В) 1991. 958 с. 100000 экз. Т. 3 (Г) 1992. 400 с. 74100 экз. Т. 4 (Д) 1993. 573 с. 74100 экз. Т. 5-6 (Е-З) 1994. 912 с. 10060 экз. БАС-3: Большой академический словарь – самый значительный по объему нормативной лексики словарь русского языка. В нем собрано и объяснено более 150000 слов русского языка его классического (XIX в.) и нового (XX-XXI) периодов. Он включает в себя общеупотребительную лексику русского

языка эпохи Пушкина до наших дней, отражает слова и обороты речи, широко распространенные в быту, в научной и профессиональной среде, то есть во всех сферах жизни человека, говорящего на русском языке; в нем нашли место и отдельные слова ограниченного употребления: узкоспециальные, диалектные, жаргонные, достаточно широко используемые в разговорной речи, а также в художественной и научно-популярной литературе. Т. 1-8. 2004-2008. БАС – конечно, не СЛТ, но определения лингвистики в нем представлены обстоятельно.

БЛС 2008 = Стариченок В.Д. Большой лингвистический словарь. Ростов-на-Дону: Феникс, 2008. 812 с. 3000 экз. Толкование свыше 3000 лингвистических терминов и понятий, адресован самому широкому кругу читателей – учащимся школ, студентам, магистрам, аспирантам, преподавателям, переводчикам, редакторам, научным работникам и всем тем, кто интересуется вопросами языка, его историей и современным состоянием. Книга найдет широкое применение в языковедческих кружках и факультативах, при проведении спецкурсов и спецсеминаров, конкурсов и олимпиад по русскому языку, при написании курсовых и дипломных проектов.

ВвТ 1995 = Гринев-Гриневиц С.В. Введение в терминографию: Как просто и легко составить словарь. М.: МПУ, 1995. 161 с. М.: Академия, 2008. 304 с. Изд. 3, доп. М.: Либроком, 2009. 224 с. В настоящей книге излагаются теоретические и практические вопросы создания, оценки, редактирования и описания словарей специальной лексики, включая толковые, переводные, учебные и информационные терминологические словари, а также проектирования и разработки терминологических банков данных. Рассматриваются основные композиционные характеристики словарей и указываются общие принципы и наиболее эффективные приемы составления отдельных видов словарей. Пособие предназначено для студентов старших курсов, аспирантов и преподавателей филологических факультетов, специализирующихся в области терминоведения, лексикографии, лексикологии, общей и прикладной лингвистики, а также терминологов, работающих в различных областях знания, составителей различных словарей и всех специалистов, интересующихся современными проблемами

специальной лексики и ее описания.

ВИКИПЕДИЯ = свободная энциклопедия (русский раздел), включающая в себя элементы общих и специализированных энциклопедий, альманахов и создаваемая совместными усилиями добровольцев. <http://ru.wikipedia.org/>

ВС 2002 = Вспомогательный словарь / Русакова М.В. Психоллингвистика: Вступительные лекции. СПб.: Союз, 2002.

ВСРЯ 2005 = Сковородников А.П. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты Энциклопедический словарь-справочник. М.: Флинта, 2005. 2009. 480 с. Словарь-справочник энциклопедического типа дает достаточно полное описание выразительных средств и речевых погрешностей современной массовой русскоязычной коммуникации. Словарные статьи, кроме необходимых теоретических сведений, содержат богатый иллюстративный материал и библиографию. Словарь рассчитан на самый широкий круг пользователей: учителей и учащихся старших классов общеобразовательных школ, гимназий и лицеев; студентов и преподавателей высших и средних специальных учебных заведений; журналистов, работников редакций и издательств; аспирантов и научных работников, вообще на всех, кто интересуется проблемами речевой культуры.

ВССРР 1998 = Жеребило Т.В. Введение в языкознание: Словарь-справочник. Грозный: Изд-во ЧГУ, 1998. 82 с. Изд-е 2-е. 1999. 82 с.

ВССРР 2007 = Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Ростов н/Д: Феникс, 2007. 940 с. 5000 экз. Рассмотрены и представлены в виде иерархической системы терминологические наименования тропов и фигур, а также речевых жанров (каллиграмма, логогриф, кругофон, палиндром, перевертыш, фигурные стихи, тавтограмма, центон и др.) и стилей (бурлескный, рубленый, гротескный, эвфуистический и т.д.), на них основанных. Разработана общая классификация тропов и фигур путем соотнесения их с качествами речи, такими как однозначность и двусмысленность, правдоподобие и неправдоподобие, логичность и алогизм и др. В соответствии с указанным параметром систематизации выявлены и описаны классы фигур двусмыслен-

ной речи, приемов неправдоподобия, фигур алогизма и др.; данный подход позволил сгруппировать не только фигуры, но и соответствующие им речевые ошибки, наименования которых (анахронизм, амфиболия, катахреза, плеоназм, тавтология etc.) также собраны и рассмотрены в словаре. Построен либо дополнен (для разновидностей метафор, эпитетов, перифраз, эвфемизмов, фигур повтора, видов стилизации и др.) ряд частных классификаций; уточнены определения и соотношение фигур, упорядочены соответствующие терминологические микросистемы. Учтены и детально проанализированы античная, средневековая, а также современная отечественная и зарубежная научные традиции. Около 2000 терминов. Адресуется широкому кругу филологов – преподавателям вузов, аспирантам, студентам, учителям-словесникам, а также всем, кто интересуется проблемами стилистики, поэтики, риторики и литературоведения.

ВЯ = Вопросы языкознания. 1952-2010.

ВЯСС 1998 = Жеребило Т.В. Введение в языкознание: словарь-справочник. Грозный, 1998.

ГАиАВС 1999 = Караулов Ю.Н. Глоссарий. 153-156 // Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М.: ИРЯ РАН, 1999. 180 с. 1000 экз.

ГСГЛТ 1924 = Дурново Н.Н. Грамматический словарь (грамматические и лингвистические термины). М.-Пг.: Изд. Л.Д. Френкель, 1924. 154 стб. Ок. 300 сл. ст. 2-е изд. Под ред. О.В. Никитина; Сост., вступит. ст., послесл. и прим. О.В. Никитина. М.: Флинта: Наука, 2001. 184 с. ГСГЛТ представляет собой практическое пособие по современным и историческим курсам языковедческих дисциплин. Он содержит толкование 273 терминов основных разделов лингвистики: фонетики, орфографии, морфологии, словообразования, синтаксиса, лексикологии, а также раскрывает некоторые понятия из области истории и общей теории языка. В ГСГЛТ широко представлена терминология формального направления Московской лингвистической школы.

ДР 1993 = Цейтлин С.Н., Русакова М.В. Детская речь: Словарь лингвистических терминов. СПб.: Образование, 1993. 16 с.

ДР 1998 = Грудева Е.В. Детская речь: Материалы к учебному англо-русскому словарю по онтолингвистике: Учебное по-

собие. Череповец: Изд-во ЧГУ, 1998. 48 с.

ИЛС 1993 = Вирченко Ф.И. Использование лингвистических словарей на занятиях по русскому языку в средней школе. 2-е изд., перераб. и доп. Майкоп: Адыг. респ. кн. изд-во, 1993.

ИСОТиП 2003 = Интегративный словарь основных терминов и понятий. Братск: Филиал Иркутского государственного университета в г. Братске, 2003. 10 с. 83 термина.

КЛС 1976 = Нечаев Г.А. Краткий лингвистический словарь / Отв. ред. М.К. Милых. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского университета, 1976. 184 с. 9500 экз. В словарь включены лингвистические термины, используемые в курсе «Введение в языкознание»; они объяснены в доступной форме. В статьях, посвященных терминам иноязычного происхождения, даны краткие этимологические справки. Объяснение большинства терминов иллюстрируется примерами из русского, а также индоевропейских, тюркских, финно-угорских и некоторых других языков. Имеются краткие статьи о языковых семьях, языковых группах и отдельных языках. В словарь включены лишь лингвистические термины. В словарь не вошли физиологические, психологические, физические, технические и другие термины, хотя некоторые из них встречаются в курсе «Введение в языкознание». В словарь включены названия языковых семей, языковых групп, подгрупп и отдельных языков, в том числе: а) всех языков Советского Союза, имеющих письменность, б) абсолютного большинства языков Западной Европы, в) наиболее распространенных языков Азии, Африки, Америки и Австралии. Не включены в словарь термины общего языкознания, не встречающиеся в курсе «Введение в языкознание». Не вошли в словарь имена ученых, названия теорий по отдельным проблемным вопросам, названия различных лингвистических направлений и школ.

КЛС 1997 = Потапов В.В. Краткий лингвистический справочник. Языки и письменность / Под общ. ред. Р.К. Потаповой. М.: Метатекст, 1997. 197 с. 3000 экз. Описание основных особенностей звукового, грамматического и лексического строя языков мира, а также наиболее распространенных систем письма и ряда памятников письменности. Представлены сведения о разных этапах исторического развития языков, языковых семей и групп. 300

статей, включающих информацию о количестве носителей языка, его территориальном распространении, диалектном членении, языковых уровнях и т.д.

КРО 2009 = Романова Н.Н., Филиппов А.В. Словарь. Культура речевого общения: этика, прагматика, психология. 2009. 304 с. В словаре даются практические рекомендации по речевому поведению в многочисленных реально возникающих типичных и специфических ситуациях речевой коммуникации. Особое внимание обращается на преодоление различных трудностей в общении, на возможности их избежания.

КРР 2010 = Скворцов Л.И. Культура русской речи: словарь-справочник: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. 4-е изд., стер. М.: Академия, 2010. 224 с. Наша повседневная речь, а также речь официальная зачастую убога, перенасыщена штампами, заимствованиями или искажениями исконно русских слов и выражений. Данный универсальный словарь-справочник поможет правильно выбирать и использовать языковые средства, строить текст в соответствии с задачами и целями общения.

КРР 2003 = Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под общ. рук. Л.Ю. Иванова, А.П. Сквородникова, Е.Н. Ширяева. М.: Флинта: Наука, 2003. 840 с. 2-е изд. 2007. Словарь содержит толкование основных понятий теории культуры речи, функциональной стилистики, риторики, а также некоторых терминов теории языковой коммуникации и других специальных дисциплин, связанных с культурой речи. В словарь включены сведения о большинстве авторитетных современных словарей русского языка (о толковых, грамматических, диалектных, орфографических словарях, словарях иностранных слов, новых слов и др.). Ряд статей посвящен характеристике грамматических, произносительных, стилистических и прочих ошибок, а также способов их предупреждения. Словарь является научно-практическим изданием, необходимым при углубленном изучении теории культуры речи и риторики.

КСАЯ 1990 = Бенсон М., Бенсон Э., Илсон Р. Комбинаторный словарь английского языка. (Benson M., Benson E., Ilson R. The BBI Combinatory Dictionary of English. John Benjamins Pub-

lishing Company, 1986) М.: Рус. яз., 1990. Данный словарь – переиздание в СССР словаря, впервые выпущенного в 1986 г. издательством «Джон Бенджамин Паблшинг Компани» (Амстердам-Филадельфия). Это первый большой словарь словосочетаний современного английского языка. Словарь содержит около 14 тыс. слов и более 75 тыс. грамматических и лексических словосочетаний английского языка. Порядок следования словосочетаний отвечает современным требованиям методики преподавания английского языка. Словарь предназначен для специалистов в области английского языка, преподавателей английского языка высших учебных заведений, студентов, переводчиков. Распространяется только на территории СССР.

КСИ 2004 = Землянова Л.М. Коммуникативистика и средства информации. Англо-русский толковый словарь концепций и терминов. МГУ, 2004. 416 с. Словарь знакомит с многообразием теоретических концепций и терминов, характерных для современной зарубежной коммуникативистики – науки, изучающей гуманитарные функции СМИ и их воздействие на различные сферы социально-культурной жизни мира. Основными источниками явились фундаментальные исследования ученых США, Канады и стран Западной Европы, опубликованные во второй половине XX века. Рассчитан как на специалистов в области журналистики и филологии, так и на более широкий круг читателей, интересующихся информационными факторами общественного прогресса и принимающих участие в международных конференциях и других формах коммуникационной деятельности, где основным языком общения является английский.

КСКТ 1996 = Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. МГУ, 1997. 245 с. 3000 экз. Указ. 243-245. Ок. 100 ключевых понятий. Настоящее издание является первым в мире словарем когнитивных терминов на русском языке. Словарь дает в краткой и компактной форме систематизированное описание ключевых понятий когнитивной науки, а также характеристику школ и направлений, работающих в когнитивном ракурсе. Отдельными статьями в словаре выделено около 100 ключевых понятий. Словарь разъясняет употребление терминов,

введенных в когнитивную науку в разных когнитивных центрах, дает общее представление как о становлении и развитии когнитивной науки, так и о когнитивном подходе в современной лингвистике. Словарная статья включает наряду с русским термином его английский и немецкий аналоги и содержит отсылки к соответствующей литературе в общей библиографии; предметный указатель отражает реальное количество терминов, разъясняемых в словаре.

КСЛнТ 1926 = Шор Р.О. Краткий словарь лингвистических и стилистических терминов // Шор Р. Язык и общество. 2-е изд. М.: Работник просвещения, 1926. С. 148-151. Сделанный как приложение к книге, посвященной социологии языка, словарь содержит около 100 терминов. Это в основном лингвистические термины (стилистика занимает лишь 10%) с краткими дефинициями, иногда с объяснением их происхождения, без языковых примеров.

КСЛТ 1995 = Васильева Н.В., Виноградов В.А., Шахнарович А.М. Краткий словарь лингвистических терминов. М.: Рус. яз., 1995. 176 с. 3060 экз. Указ. 161-176. 1500 терминов традиционного и современного языкознания, включая термины лингвистических дисциплин, не охваченных ранее вышедшими словарями лингвистических терминов (контрастивная лингвистика, психолингвистика и др.). Предлагая читателям этот словарь, авторы стремились решить следующие задачи: 1) отобрать и представить термины современного языкознания, употребляющиеся в лингвистических работах 80-90 гг.; 2) ввести и определить термины лингвистических дисциплин, не отраженные в существующих словарях лингвистических терминов. Это касается как новых дисциплин (напр., контрастивной лингвистики), так и уже давно существующих, но не имеющих сводного лексикографического представления (напр., психолингвистики); 3) ввести новые термины традиционного языкознания, также не нашедшие отражения на страницах существующих словарей.

КССЛТ 1999 = Шаймиев В.А. Краткий словарь современных лингвистических терминов в цитатах. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1999. 233 с.

КССЛТ 2008 = Виногорова Л.М. Краткий словарь лингви-

стических терминов: справочный материал: в помощь старшеклассникам и абитуриентам. М.: Компания Спутник+, 2008. 50 с.

КСТЛТ 1978 = Николаева Т.М. Краткий словарь терминов лингвистики текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. Лингвистика текста. М.: Прогресс, 1978. С. 467-472.

КССРЯ 2009 = Сергеева Л.Н., Степанова Т.В. Краткий словарь-справочник по русскому языку. Великий Новгород: Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого, 2009. 71 с.

ЛДЭС 2007 = Щукин А.Н. Лингводидактический энциклопедический словарь. М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007. 752с. Словарь посвящен лингводидактике – теории и практике преподавания русского и иностранных языков. Включает толкования терминов и понятий, связанных с методикой преподавания языков. Словарь состоит из четырех разделов: терминологического (представлено более 2 000 терминов и понятий лингводидактики и смежных дисциплин); биографического (дано около 400 биографических статей, посвященных деятелям гуманитарных наук): справочного (содержит информацию о научных и образовательных учреждениях, издающих организациях) и библиографического (включает перечень публикаций). Для облегчения пользования словарем в конце помещены терминологический указатель и алфавитный именной указатель.

ЛС 1945 = Жирков Л.И. Лингвистический словарь. М.: Моск. ин-т востоковедения, 1945. 47 с. Изд. 2-е, доп., с предисл. И.И. Мещанинова. 1946. 155 с. На правах рукописи. Предназначенный для студентов и преподавателей русского и иностранных языков по курсу «Введение в языкознание» словарь содержит более 200 статей энциклопедического плана с позиций «нового учения о языке». В словарь включены статьи о конкретных языках и группах языков. Имеется указатель терминов, объясняемых в статьях с другим заголовочным термином.

ЛСПШ 1964 = Вахек Й. Лингвистический словарь Пражской школы / Пер. с франц., нем., англ., чеш. И.А. Мельчука, В.З. Санникова; Под ред. и с предисл. А.А. Реформатского. М.: Прогресс, 1964. 359 с. В систематизированном словаре фактически подведены итоги 30-летней деятельности Пражской лингвистической школы (1928-1958). Объяснение терминов дается с помо-

щью цитат из работ пражцев (В. Матезиуса, Б. Гавранека, Й. Вахека и др.), а также из работ русских лингвистов, примыкавших к Пражской школе – Н.С. Трубецкого, Р.О. Якобсона, С.О. Карцевского, Н.Н. Дурново.

ЛЭС = Лингвистический энциклопедический словарь / Науч.-ред. совет изд-ва «Сов. энцикл.», ИЯ АН СССР. Гл. ред. Виктория Николаевна Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990. 685 с. 150000 экз. М.: Бол. Рос. энц., 1998. 2002. Репринт. 100000 экз. Терминологический указ...627 .языков мира...651 Аннотированный именной...661-683. <http://tapemark.narod.ru/les/index.html>

МТЭРЯ 2003 = Тираспольский Г.И. Морфолого-типологическая эволюция русского языка. Сыктывкар: КРАГСиУ, 2003. 353 с. Словарь новых терминов, употребляемых в монографии...257-161.

НРНСЛТ 1993 = Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Немецко-русский и русско-немецкий словарь лингвистических терминов с английскими эквивалентами. Ок. 5500 немецких и 5500 русских терминов. М.: Помовский и партнеры, 1993. Т. 1. 320 с. Т. 2. 321-769 с. АСТ-ПРЕСС ШКОЛА: АСТ-ПРЕСС МАРТ, 2006. 496 с.

НРСЛС 2006 = Ивлева Г.Г. Немецко-русский словарь по лексикологии и стилистике: учебн. пособие. М.: Высш. шк., 2006. 167 с.

ОАДЯ 2004 = Русова Н.Ю. От аллегории до ямба: Терминологический словарь-тезаурус по литературоведению. 2004. 304 с. Словарь состоит из терминологического рубрикатора и двух указателей терминов – систематического, отражающего иерархическую структуру литературоведческой терминологии, и лексико-семантического, содержащего алфавитный перечень всех терминологических единиц словаря, каждая из которых сопровождается либо словарной статьей, либо отсылкой к соответствующему термину. Кроме того, в книге приведена разработанная автором понятийная карта предметной области.

ОПЛТ 1995 = Немченко В.Н. Основные понятия лексикологии в терминах: Учебный словарь-справочник: Для студентов-филологов. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 1995. 250 с.

ОПМТ 1985 = Немченко В.Н. Основные понятия морфемии-

ки в терминах: Краткий словарь-справочник. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1985. 216 с.

ОПСТ 1985 = Немченко В.Н. Основные понятия словообразования в терминах. Краткий словарь-справочник. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1985. 208 с.

ОПФТ 1993 = Немченко В.Н. Основные понятия фонетики в терминах: Учеб. словарь-справочник / Нижегород. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 1993. 249 с.

ОСЛТ 2004 = Куликова И.С., Салмина Д.В. Обучающий словарь лингвистических терминов. СПб., М.: Наука, САГА, Совпадение, 2004. 176 с. Учебное пособие содержит ок. 700 терминов по вводному курсу «Теория языка». Основу словника составляют базовые термины лингвистики, которые студенты должны уметь не только использовать, но и определять. Словарь в основной части организован по тезаурусно-тематическому принципу и включает 10 тематических блоков, соответствующих основным разделам программы.

ОЯ 2005 = Михалев А.Б. Общее языкознание. История языкознания, или Путеводитель по лингвистике: Конспект-справочник. 2005. 240с. Учебное пособие, состоящее из двух разделов: "Общее языкознание" и "История языкознания", в максимально сжатой форме дает представление об основных проблемах общего языкознания. Это своеобразная лингвистическая энциклопедия, в которой краткие теоретические положения иллюстрируются цитатами из первоисточников и библиографическими рекомендациями.

ПиОРЯ 2005 = Ушакова О.Д. Понятия и определения: Русский язык / Словарик школьника. СПб.: Издательский дом «Литера», 2005. 96 с.

ПР 1998 = Волкова О.Н., Выборнова В.Ю., Грудцына Н.Г., Евграфова А.А., Зельманова Л.М., Зюкина З.С., Ильина, А.В. Казарцева О.М., Киселева А.С., Князева О.Ю., Князьков А.А., Ковалев В.И., Корнилова Е.И., Липатова В.Ю., Махновская Н.И., Мещеряков В.Н., Михальская А.К., Наврузова Л.Н., Орлова Т.Г., Панов М.И., Савова М.Р., Тумина Л.Е., Федорова Н.В., Филиппова О.В., Хлебникова Э.В., Чорненко Т.И., Шумарова Н.П., Яки-

мова Н.Б., Якушина Л.С. Педагогическое речеведение: Словарь-справочник. 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. Т.А. Ладыженской, А.К. Михальской. М.: Флинта, Наука, 1998. 312 с. Словарь-справочник по педагогическому речеведению создан впервые. В нем раскрыты важнейшие понятия риторики, теории текста, культуры педагогической речи и голоса. Второе издание словаря-справочника содержит значительно большее количество словарных статей по сравнению с первым. Каждая словарная статья сопровождается списком литературы, изучение которой поможет лучше разобраться в том или ином понятии, расширить фактологическую базу.

ПСЛТ 2010 = Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д: Феникс, 2010. 562 с. 2500 экз. Доступно разъясняется более 1000 терминов современного русского языкознания и речеведения, в том числе все основные термины, на которых строится преподавание русского языка, культуры речи, стилистики, риторики в средней школе и на гуманитарных факультетах вузов. Отражена терминология новых научных направлений русистики: линвокультурологии, лингвопрагматики и др. Термины истолкованы, систематизированы и проиллюстрированы. Во многих случаях приводятся сопоставительные понятия, демонстрируется сочетаемость термина, даются сведения о справочной литературе.

ПТС 2001 = Полонский В.М. Понятийно-терминологический словарь по народному образованию и педагогике / Рос. акад. образования. Ин-т теории образования и педагогики. Центр общ. и нормат. методологии. М., 2001. 127 с. Словарь содержит 500 словарных понятий и терминов по дидактике, теории воспитания, школоведению и другим областям педагогической науки. 1. Педагогика. Основные направления, области, смежные науки. 2. Общие понятия педагогики и смежных наук. 3. Понятия относящиеся к общим процессам и явлениям. 4. Дидактика. 5. Теория воспитания. 6. Документы. 7. Типы и виды образовательных учреждений. 8. Социальные объекты. 8.1 Участники образовательного процесса. 8.2 Администрация. 8.3 Трудовые коллективы. Полонский В.М. Научно-педагогическая информация. Словарь-справочник. М.: Новая школа, 1995. 256 с.

РБСЛТ 1988 = Антонюк Л.А. и др. Русско-белорусский словарь лингвистических терминов / АН БССР, Терминол. комис. и др. Минск: Наука и техника, 1988. 141 с.

РБСЛТ 1988 = Абуталипова Р.А., Камалетдинова А.В. Русско-башкирский словарь терминов по методике преподавания языков. Уфа: Китап, 2009. 95 с.

РКСЛТ 1966 = Кенеебаев С., Жанузаков Т. Русско-казахский словарь лингвистических терминов. Алма-Ата, 1966.

РКСЛТ 1979 = Насыров Д., Бекбергенов А., Жаримбеков А. Русско-каракалпакский словарь лингвистических терминов. Нукус, 1979.

РСС 1998 = Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН. Под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 1998. Белоусова А.С., Юношева В.К., Каминская Ю.А. Т. 1: Слова указующие (местоимения). Слова именующие: имена существительные (Все живое. Земля. Космос). XXV, 807 с. 3000 экз. 39000 слов и фразеологических выражений. Словоуказ...635-714. 2000. Шведова Н.Ю., Дмитренко С.Н., Копорская Е.С., Ляпон М.В., Агафонова Л.Л., Белоусова А.С., Габучан К.В., Михайлова М.С., Плотникова В.А., Сафонова Ю.А., Ходакова Е.П., Каминская Ю.А., Рогова М.В., Юношева В.К. Т. 2: Имена существительные с конкретным значением. Все создаваемое руками и умом человека (населенные места, обрабатываемые участки дороги; вещественные продукты труда); организации и учреждения. Названия предметов по форме, состоянию, составу, местонахождению, употреблению. 2000. XXXII, 762 с. 3000 экз. 40000 слов и фраз. Словоуказ...611-674. Т. 3: Имена существительные с абстрактным значением. Бытие. Материя, пространство, время. Связи, отношения, зависимости. Духовный мир. Состояние природы, человека. Общество. 2003. 720 с. Т. 4: Глагол. 2007. 952 с.

РУСЛТ 1987 = Кайдаров Абду-Али Туганбаевич, Баратов Ш. Русско-уйгурский словарь лингвистических терминов / Под ред. Р. Исмаилова. Алма-Ата: Мектеп, 1987. 184 с.

РЯ 2006 = Стронская И.М. Русский язык. СПб.: Изд. Дом «Литера», 2006. 160 с. Термины и понятия по основным разделам

школьного курса РЯ – по фонетике, графике, орфоэпии, лексике, фразеологии, словообразованию, морфологии, синтаксису, орфографии и пунктуации, а также необходимые сведения по культуре речи.

РЯШСС 2002 = Стариченок В.Д. Русский язык: Школьный словарь-справочник. (В помощь школьнику). Мн.: Интерпрессервис, 2002. 352 с.

РЯЭ 1997 = Русский язык: Энциклопедия / Под ред. Ю.Н. Караулова. М.: Большая Российская энциклопедия, 2003. 704 с.

САЛТ 1964 = Хэмп Э. Словарь американской лингвистической терминологии / Пер. с англ. и доп. Вяч. В. Иванова. Под ред. и с предисл. В.А. Звегинцева. М.: Прогресс, 1964. 263 с. Словарь отражает терминологию американской лингвистики за период с 1925 по 1950 г. В одном ряду даются авторские и общепринятые термины, причем не в системе, а в тексте, т.е. в цитатах.

СЛЛТ 2010 = Поливанов Е.Д. Словарь лингвистических и литературоведческих терминов. М.: УРСС, 2010. 160 с. Толковый СЛЛТ, над которым его автор, выдающийся отечественный лингвист Е.Д. Поливанов (1891-1938), работал в 1935-1937 гг. В словаре, и в наше время сохранившем большое историко-лингвистическое значение, содержатся толкования многих филологических терминов, сопровождаемые примерами из различных языков.

СЛТ 1960 = Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов / Пер. с франц. Н.А. Андреева / Под ред. А.А. Реформатского / Предисл. В.А. Звегинцева. М.: Изд-во ин. лит., 1960, 436 с. Изд. 2. 2004. 440 с. Словарь содержит объяснение филологических терминов (лингвистических, риторики, поэтики, классической филологии) и отражает французскую лингвистическую традицию (ее расхождения с русской традицией фиксируются в примечаниях к словарным статьям). Толкование иллюстрируется примерами. Заголовочные термины сопровождаются французскими, немецкими, английскими эквивалентами. Имеется указатель терминов на каждом из этих языков.

СЛТ 1963 = Грабис Р., Барбаре Д., Бергмане А. Словарь лингвистических терминов. Рига, 1963.

СЛТ 1966 = Ахманова О.С. Словарь лингвистических тер-

минов. М.: Сов. энц., 1966. 608 с. 2-е изд. 1969. 607 с. Ок. 7000 терминов. Едиториал УРСС, 2004. 571 с. КомКнига, 2005. 576 с. 3-е изд., стереотипное. 2007. 4-е изд. Изд. 5. 2010. 576 с. Обобщен предшествующий терминологический опыт, сочетающий одновременно толкование термина, перевод его на английский, французский, немецкий и испанский языки, иллюстрации реального функционирования термина. Имеется указатель переводов. В качестве приложения даны основные понятия теории стихосложения.

СЛТ 1969 = Челак Т.Ф. Словарь лингвистических терминов. Кишинев, 1969.

СЛТ 1983 = Хусейнов Худойдод, Шукурова Кимие. Словарь лингвистических терминов. Душанбе: Маориф, 1983. 255 с.

СЛТ 1990 = Стецко П.В., Гулицкий Н.Ф., Антонюк Л.А. Словарь лингвистических терминов / Под ред. Н.В. Бирилло, П.В. Стецко. Минск: Вышэйш. шк., 1990. 222 с.

СЛТ 2003 = Словарь русской лингвистической терминологии / Под общ. рук. А.Н. Абрегова. Майкоп, 2003.

СЛТ 2003 = Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Магас: Изд-во ИнГУ, 2003. 155 с. (более 900 терминов). Изд. 4-е, испр. и доп. Назрань: Пилигрим, 2005. 376 с. 5-е изд., испр. и доп. 2010. 485 с.

СЛТАЯ 2003 = Ренц Т.Г., Рыцарева А.Э. Словарь лингвистических терминов на английском языке / М-во образования Рос. Федерации, Волгогр. гос. ун-т. Волж. гуманит. ин-т (фил.) ВолГУ. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. 59,[3] с.

СМР 1995 = Яковлева Е.А. Словарь-минимум по риторике. Уфа: Изд-во ВГЭУ, 1995. 93 с. 1500 экз. Первое лексикографическое пособие подобного рода, подготовленное специально для студентов экстерного обучения, а также для всех желающих самостоятельно изучать культуру устного публичного слова. В словарь-минимум вошло 675 словарных статей. В задачу составителя словаря входило, с одной стороны, желание выбрать среди необозримого количества терминов и понятий лишь те, которые являются базовыми, наиболее употребительными, и которые могут помочь обозначить границы риторики как особой научной дисциплины (включая область ее пересечения с такими «отпоч-

ковавшимися» от нее курсами, как стилистика, культура речи, или ортология, лингвопоэтика и пр.). С другой стороны, необходимо было, разумно ограничив выбранный материал, дать ему четкую, понятную и по возможности общепринятую интерпретацию, максимально связанную с областью красноречия.

СМТ 1999 = Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Словарь методических терминов (теория и практика преподавания языков). СПб.: Златоуст, 1999. 2000 сл. статей. Описана методическая терминология в области преподавания языков, родных и специальных.

СРОТ 1978 = Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии // Отв. ред. А.В. Суперанская. М.: Наука, 1978. 35700 экз. Ок. 700 терминов. Термин. указ...181-196. Предметно-терминологический указ...197-198. АН СССР, Ин-т языкознания. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1988. 187 с.

СРС 2002 = Лесников С.В. **Словарь русских словарей. М.: Азбуковник, 2002.**

ССА 1979 = Абелин С.Г., Абрамов В.А., Бражников В.И. Словарь-справочник автора. М: Изд-во Книга. 1979. 304 с. Словарь содержит расположенные в словарном порядке сведения о том, как подготовить к сдаче в издательство рукопись и иллюстрации, чтобы они в наибольшей степени отвечали требованиям издательства, как технически правильно, наиболее целесообразным способом, с наименьшими потерями держать корректуру.

ССЛТ 1975 = Розенталь Д.Э., Теленкова М.А. Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя. М.: Просвещение, 1975. 2-е изд. 1976. 543 с. Изд. 3, испр. и доп. 1985. 399 с. Ок. 2000 слов. 180000 экз. 1986. 399 с. ООО "Издательский дом "Оникс 21 век": ООО "Издательство "Мир и Образование", 2003. 623 с. В словаре в четкой и доступной форме дается толкование около 2000 наиболее употребительных лингвистических терминов, встречающихся в научной и учебной литературе. В словарных статьях подробно раскрывается содержание терминов, что позволяет использовать книгу как справочное пособие по теории языка. Разъясняются термины лексики, фразеологии, фонетики, графики, орфографии, морфологии, синтаксиса, стилистики, пунктуации применительно к школьной практике.

ССЛТ 1988 = Бредихина В.П., Глазман М.А. Словарь-

справочник лингвистических терминов (для студентов-филологов нац. групп педвузов). Алма-Ата: Мектеп, 1988. 135 с.

ССМРЯ 1988 = Львов М.Р. Словарь-справочник по методике русского языка. М.: Просвещение, 1988. 240 с. 600 сл. статей. 170000 экз. М.: Изд-во РОСТ СКРИН, 1997. В словаре раскрыты понятия методики РЯ в средней школе. По всем основным темам приведена литература.

СССРЯ 2007 = Ломов А.М. Словарь-справочник по синтаксису современного русского языка. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 416с. Предлагаемый вниманию читателя словарь-справочник включает в свой состав более 900 статей, в которых дается систематизированное описание основных понятий, используемых русской синтаксической наукой наших дней.

СТМКШ 1999 = Монастырский А.В. Словарь терминов московской концептуальной школы. М.: Ad Marginem, 1999. 2001. 224 с.

СТОТ 2003 = Рождественский Ю.В. Словарь терминов (общеобразовательный тезаурус). Общество. Семиотика. Экономика. Культура. Образование. Мораль. Нравственность. Этика. М., Флинта, Наука, 2003. 112 с. Изд. 3. 2007. 112 с. Словарь академика Ю.В. Рождественского (1926-1999) впервые в отечественной культуре интегрирует и систематизирует основной состав понятий, определяющих устройство и функционирование различных сторон общественной жизни. Имеет толково-энциклопедический характер и построен как тезаурус, т.е. словарные статьи упорядочены в родовидовых отношениях. Объединение в единую систему разнокачественных представлений, обычно изучаемых в отдельных учебных дисциплинах, создает условия для построения в рамках общего образования целостного предмета – гуманитарного обществоведения. Системное описание сферы гуманитарного знания об обществе позволяет дать компактное, ясное и непротиворечивое истолкование более 300 основополагающих понятий, четкое усвоение которых требуется сегодня от любого образованного человека.

СТПТ 2000 = Балыхина Т.М. Словарь терминов и понятий тестологии. М.: РУДН, 2000. 164 с. 1000 экз. В словаре представлены термины и понятия тестологии. Материал отбирался из об-

ширной учебно-научной литературы по проблемам тестологии и тестирования отечественных и зарубежных исследователей. Основная цель книги – систематизация и семантизация терминологических единиц обозначенной области знания и деятельности.

СФТ 1996 = Бернштейн С.И. Словарь фонетических терминов / Под ред. и со вступ. ст. А.А. Леонтьева; Ин-т языков и культур им. Л.Н. Толстого. М.: Изд. фирма «Вост. лит.», 1996. 171 с. Содержит толкования основных фонетических терминов, по существу, это своего рода фонетическая энциклопедия; в словарь включены также некоторые лингвистические термины, необходимые для объяснения фонетических терминов. Приводится список опубликованных трудов С.И. Бернштейна и список основной литературы о нем. В Приложении даются: статья А.А. Леонтьева «Русская фонетика в универсально-сопоставительном освещении» и таблицы основных типов гласных и согласных фонем.

СЭСРЯ 2003 = Алексеева Л.М., Аннушкин В.И., Баженова Е.А., Блинова О.И., Болотнова Н.С., Вещикова И.А., Грузберг Л.А., Данилевская Н.В., Дементьев В.В., Дускаева Л.Р., Емельянова О.Н., Иванова Т.Б., Кириченко Н.В., Кожина М.Н., Кондаков Б.В., Копнина Г.А., Котюрова М.П., Крижановская Е.М., Крылова О.А., Купина Н.А., Матвеева Т.В., Майданова Л.М., Протопопова О.В., Салимовский В.А., Самотик Л.Г., Сиротинина О.Б., Сквородников А.П., Солганик Г.Я., Трошева Т.Б., Чепкина Э.В., Чернявская В.Е. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. Члены редколлегии: Баженова Е.А., Котюрова М.П., Сквородников А.П. М.: Флинта, Наука, 2003. 696 с. Изд. 2, испр. и доп. 2006. 696 с. Энциклопедический словарь терминов стилистики издается впервые в отечественном языкознании. Он отражает различные направления стилистики: стилистику языка, т.е. его стилистические ресурсы, стилистику речи, функциональную, стилистику текста, практическую, историческую, сопоставительную, декодирования и др. Словарь восполняет недостаточно представленную в имеющейся словарной литературе терминологию стилистики русского языка. Преследуются цели не только просветительские, но и исследовательской направленности; рассматриваются различные

концепции, включая дискуссионные вопросы стилистики; при словарных статьях представлена богатая библиография. Все это, можно надеяться, будет активизировать творческую мысль читателя. Словарь отличается коммуникативно-функциональной, речеведческой ориентацией, что соответствует актуальным задачам современного языкознания и отвечает потребностям повышения стилистико-речевой культуры общества. Энциклопедический словарь терминов стилистики издается впервые в отечественном языкознании. Он отражает различные направления стилистики: стилистику языка, т.е. его стилистические ресурсы, стилистику речи, функциональную, стилистику текста, практическую, историческую, сопоставительную, декодирования и др.

ТМИИСН СЛТ 2003 = Монахова О.А. Терминологический минимум для иностранных студентов-нефилологов: Словарь лингвистических терминов. Хабаровск: Изд-во ХГТУ, 2003: ООП изд-ва Хабар. гос. техн. ун-та. 52 с.

ТПС 2003 = Нелюбин Л.Л. Толковый переводоведческий словарь. М.: Флинта, Наука, 2003. 6-е изд. 2009. 320 с. Словарь представляет собой справочное пособие, которое содержит 2028 словарных статей, экстрагированных из 224 источников. Статьи включают переводоведческие и лингвистические термины, терминологические словосочетания и понятия, связанные с традиционным «ручным» и машинным переводом.

ТСМ 1998 = Введение в языкознание: Учеб.-метод. комплекс: Практикум. Метод. разработки, рабочие планы и задания для студентов филол. специальностей: Терминологический словарь-минимум / Под ред. Р.И. Тихоновой. Самара: СамГПУ, 1998.

ТТПЛ 1978 = Никитина С.Е. Тезаурус по теоретической и прикладной лингвистике: Автоматическая обработка текста. М.: Наука, 1978. 374 с. Ок. 2000 слов, 1000 сл. ст. I. Методика построения тезауруса. Предмет, задачи и принципы исследования. Выбор и ограничение материала. Отбор словарных единиц. Лексическое наполнение словарных статей. Методика составления перечня словарных связей (функций). Типы связей (функций). Варианты словарной статьи. Термин или дескриптор? Словарная статья как средство различения омонимии. Типы словарной информации и система обозначений. Некоторые итоги и перспекти-

вы. Литература. I. ТЕЗАУРУС. Схема словарной статьи. Морфология. Примечания. Синтаксис, семантика, проблемы автоматизации. Примечания. Материалы, использованные при составлении тезауруса.

ТЭС 2006 = Толково-энциклопедический словарь. СПб.: Норинт, 2006. 2144 с. Новый тип современного универсального словаря-справочника, сочетающего в себе как качества толкового словаря, задача которого – описать существующие в русском языке значения слова (в том числе и возникшие недавно), показать особенности его произношения, словоизменения и сочетаемости, так и качества энциклопедического словаря, который дает читателю подробное энциклопедическое описание явления или реалии, включая количественные характеристики, область применения, историю возникновения и т. д. В ТЭС около 147 тыс. толкуемых единиц по всем отраслям знания, в том числе около 15 тыс. слов и значений, вошедших в обиход в последние десятилетия. ТЭС, не являясь собственно С.л.т., может служить источником для уточнения толкований «новых» (напр. термин «гипертекст») терминов лингвистики. ТЭС представляет собой особый тип универсального словаря-справочника, сочетающий в себе качества двух наиболее востребованных видов словарных изданий: толкового и энциклопедического. В России такой словарь создан впервые. На сегодняшний день по своему объему (числу словарных статей) он является самым большим среди российских не только одготомных, но и многотомных словарных изданий, в 2,5 раза превосходит Большой энциклопедический словарь (БЭС) и в 1,3 раза – Большой толковый словарь русского языка (БТС). Кроме этого, от толковых словарей он выгодно отличается тем, что помимо описания значения и норм употребления слова включает в словарную статью и энциклопедическую (фактографическую) информацию об объекте толкования. ТЭС не является простым слиянием содержания толкового и энциклопедического словарей. Он представляет собой совершенно новый вид словарного издания, отличающийся от толковых и энциклопедических изданий как составом словника, так и форматом статей. Его создание стало возможным лишь с появлением новых компьютерных технологий, которые позволили сформировать специальную

принципиально новую базу данных. Для нее были написаны программные средства, обеспечивающие ее функционирование, в нее были внесены массивы справочной (т. е. освобожденной от авторской или идеологической окраски) информации, накопленные в ходе многолетней работы издательства над многими другими лингвистическими словарями и универсальными энциклопедиями, и, наконец, в ней эти массивы были оптимальным образом размещены в сложной структуре словарных статей нового словаря. ТЭС создан в традициях лучших российских толковых и энциклопедических словарей: многотомных Большого и Малого академических толковых словарей русского языка, однотомных Большого и Современного толковых словарей (БТС и СТС), многотомной Большой Советской энциклопедии и однотомного Большого энциклопедического словаря. Принципы описания значения слова и структура словарной статьи, несмотря на новаторский характер издания, согласуются с традиционными подходами академической лексикографии, а научность и достоверность приведенной фактографии соответствует традиционным требованиям к энциклопедическим изданиям. Для проверки фактического содержания при составлении и редактировании словарных статей было привлечено огромное количество внешних источников, отвечающих требованиям издательства к их достоверности и надежности. Это ряд отраслевых энциклопедий, научные монографии, многочисленные научные и научно-популярные энциклопедические издания, современные учебники высшей школы, лингвострановедческие издания, официальные интернет-сайты и т.п., а также апробированные зарубежные словари и справочники, такие как Британика, Американа, Оксфордский толковый словарь и мн. др. Словарные статьи ТЭС охватывают все области современного знания, а также основной лексический состав русского языка, называющий понятия, предметы, объекты, свойства. Такой информационный массив позволяет представить читателю информацию практически по всем вопросам, которые могут его заинтересовать. Все сведения, приведенные в словаре, представлены в обновленном виде, отражающем современный уровень развития общественного сознания, культуры, науки и техники. Словарь соединяет научность с ясной, доходчивой формой изло-

жения и рассчитан на самый широкий круг читателей. ТЭС был представлен на обсуждение и одобрен к публикации на заседании Межкафедрального словарного кабинета им. Б.В. Ларина Санкт-Петербургского государственного университета.

УНСС 1993 = Жеребило Т.В. Учебный нормативно-стилистический словарь для учащихся: Справочн. пос. Часть 1. Грозный: Изд-во ЧГПИ, 1993. 28 с. 1994. 32 с. 1997. 60 с.

УРРУСЛТ 2006 = Зверева Т.Р., Шибанов А.А. Удмуртско-русский и русско-удмуртский словарь лингвистических терминов. Ижевск: Удмуртия, 2006. 56 с.

УСКР 1995 = Жеребило Т.В. Учебный словарь по культуре речи. Грозный: Изд-во ЧГПИ, 1995. 50 с. Изд-е 2-е. 1997. 47 с.

УСЛТ 2005 = Брусенская Л.А., Гаврилова Г.Ф., Малышева Н.В. Учебный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д.: Феникс, 2005. 256 с. 5000 экз. Предметный указатель...242-251.

УСЛТиП 2002 = Фролов Н.К. Учебный словарь лингвистических терминов и понятий: Учеб. пособие для студентов высш. пед. учеб. заведений. Нижневартовск Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 2002. 375 с.

УСРЯКР 2003 = Матвеева Т.В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. М.: Флинта, Наука, 2003. 432 с.

УССРЯКР 1992 = Жеребило Т.В. Учебный словарь по стилистике русского языка и культуре речи. Грозный: Изд-во ЧИГПИ, 1992. 159 с.

ФРУСЛТ 1989 = Назарян А.Г. Французско-русский учебный словарь лингвистической терминологии. М.: Высш. шк., 1989. 448 с. М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2002. 334 с.

УСС 1998 = Максимов В.Я., Одеков Р.В. Учебный словарь-справочник русских грамматических терминов. СПб.: Златоуст, 1998. 304 с. 600 грамматических терминов, принятых при традиционном, формальном и функциональном описании РЯ, а также названия обобщенных значений («смыслов») со способами их выражения, используемые в учебниках для иностранцев. 3000 экз.

ШЛС 2006 = Лемов А.В. Школьный лингвистический словарь: термины, понятия, комментарии. М.: Айрис-пресс, 2006:

ОАО Можайский полигр. комб. 383 с. 2007. 384 с. Словарь содержит определения, расширенные понятийные характеристики и комментарии лингвистических терминов, функционирующих в современных школьных учебниках и учебных пособиях по русскому языку, риторике и культуре речи (более 1000 словарных статей, не считая отсылочных).

ШЛСТ 1989 = Лийвасте Эне. Школьный словарь лингвистических терминов. Таллинн: Валгус, 1989. 96 с.

ШСТ 1990 = Коровина В.Я. Школьный словарь терминов: В 2 ч. М., 1990.

ЭОЯ 1986 = Журинская М.А., Новиков А.И., Ярославцева Е.И. Энциклопедическое описание языков. Теоретические и прикладные аспекты / Отв. ред. чл.-корр. АН СССР В.Н. Ярцева. М.: Наука, 1986. 208 с. 3700 экз. Описываются принципы построения базы лингвотипологических данных. Затрагиваются как теоретические проблемы, так и прикладные вопросы создания лингвистических баз данных.

ЭПСИ 2003 = Киппхан Гельмут. Энциклопедия по печатным средствам информации. М.: МГУП, 2003. 1280 с. 5000 экз. Книга отражает как состояние традиционных, так и новых цифровых технологий на всех фазах производства печатной продукции. Раскрывается роль электронных средств информации и мультимедиа. Технологии и производственные системы, описанные в энциклопедии, соответствуют современному уровню развития полиграфической техники известных мировых производителей оборудования. Как справочник, книга окажет помощь специалистам и руководящим работникам технической и коммерческой сферы полиграфической промышленности в практической деятельности.

ЭСРР 2002 = Ильинский С.В. Энциклопедический словарь PR и рекламы. Часть I. PR. Реклама. Маркетинг. Часть II. Нейролингвистическое программирование. Оперативный словарь-справочник. А–Я. 700 терминов. 2002.

ЭССЛТП 2008 = Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык: в 2-х т. / Под общ. ред. Тихонова А.Н., Хашимова Р.И. М.: Флинта: Наука, 2008. 1654 с. Энциклопедический словарь-справочник лингви-

стических терминов и понятий представляет собой первое комплексное издание по русскому языку, которое имеет учебный характер. Словарь содержит не только толкование, но и описание основных понятий общего и русского языкознания.

ЭТССТ 1996 = Никитина С.Е., Васильева Н.В. Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов: Принципы составления и избранные словарные статьи. М.: РАН. Ин-т языкознания, 1996. 172 с. Словарь носит экспериментальный характер и является исследованием терминологии, выполненной в словарной форме. В нем впервые (на то время) совмещено описание термина как слова профессионального лингвистического термина, так и члена терминологической системы. Это описание осуществляется по оригинальной лексикографической системе, идея которой изложена в предисловии. В словаре представлены избранные словарные статьи стилистических терминов (106), главным образом это термины лингвистической поэтики.

ЭСЮФ 1984 = Панов М.В. Энциклопедический словарь юного филолога (языкознание): Для сред. и ст. шк. возраста / Гл. ред. Степанов Г.В. М.: Педагогика, 1984. 351 с. 500000 экз. Указ...349-351. Словарь в доступной и занимательной форме знакомит с основами языкознания. В нем рассказывается о законах развития языка, различных языках народов мира. Главное внимание уделяется русскому языку. Читатели узнают также о проблемах, которые решает современная наука о языке, и о выдающихся ученых-лингвистах. Словарь призван воспитывать у учащихся чувство гордости за свой родной язык, уважение к языкам народов мира как огромной исторической и культурной ценности, поможет в выборе профессии.

ЯРК 2006 = Цейтлин С.Н., Погосян В.А., Еливанова М.А., Шапиро Е.И. Язык. Речь. Коммуникация: Междисциплинарный словарь: Лингвистам, преподавателям иностранных языков, методистам по развитию речи, учителям-словесникам, логопедам и студентам. СПб.: КАРО, 2006. 128 с. 3000 экз. Необходимость такого словаря вызвана тем, что в настоящее время нет единства в терминологии, что мешает представителям разных наук понимать друг друга. В ряде случаев одно и то же явление называется

по-разному, с другой стороны, один и тот же термин может использоваться в разных смыслах. Словарь ориентирован на самый широкий круг читателей – не только на лингвистов, но и на логопедов, методистов по преподаванию языков и развитию речи, психологов, работающих в области речи или в той или иной степени с нею связанных.

ЯРЯ 1998 = Энциклопедия для детей / Гл. ред. и сост. С. Исмаилова. М.: Аванта+, 1993-. Т.10: Языкознание. Русский язык / Гл. ред. Аксенова М. Отв. ред. Петрановская Л. 1998. 701 с. Предм. указ...694-695. 100000 экз. В томе «Языкознание. Русский язык» доступно и занимательно рассказано о сложном и многообразном явлении – человеческом языке. Раздел «Русский язык» – своего рода книга в книге – включает не только самые важные вопросы школьной программы, но и множество интереснейших сведений о родном языке, которые обычно остаются за страницами учебников. Том написан ведущими современными лингвистами. Книга содержит практические советы по повышению грамотности, изучению иностранных языков, развитию речи, а также занимательные языковые игры, лингвистические задачи, юмористические рисунки.

Ли Чэнь (КНР)

Просторечные глаголы в тексте и в словаре (на материале русского водевиля сер. XIX в.)

Смысл самого слова «просторечие» в XIX веке оставался близким к этимологическому: «простая речь» [Лексика 1981: 53]. В.В. Виноградов рассматривал просторечие как всю совокупность элементов обиходно-бытовой речи различных социальных слоев общества – дворян, крестьян, мещан и др. Ученый выделял «стилистический упор на живую устную речь, на народные говоры, на письменно-бытовые и разговорные диалекты, жаргоны и стили города» в качестве одной из основных тенденций демократической реформы русского литературного языка в середине XIX в. [Виноградов 1982: 334]. По его мнению, в зависимости от со-

циальной основы стиля центр тяжести перемещался с одного социально-группового диалекта на другой, от речи высших слоев общества до мещанского «просторечия».

Еще в начале XIX в. устанавливаются тесная связь и взаимодействие между просторечием образованного общества и крестьянским языком в русской разговорной речи. По замечанию В.В. Виноградова, важным моментом демократической реформы было то, что в этот период на почве литературного языка происходит осознание социальной и диалектной дифференциации языка, всего многообразия профессиональных характеристических и экспрессивных вариаций бытовой речи, свойственной не только чиновничеству, но и разным категориям городского ремесленного люда, мещанства и крестьянства.

В системе разговорно-бытовых стилей общества, по мнению ученого, одно из центральных мест занимали демократические формы городского просторечия. В рассматриваемый период идет процесс обогащения литературно-книжного языка словами, выражениями, оборотами из разных пластов устного городского языка.

Для анализа выбранного нами языкового материала важным является вывод В.В. Виноградова относительно специфики употребления просторечных слов и выражений в литературном тексте: «кроме критерия «порчи» при отборе простонародных выражений в литературную речь имел основное значение критерий «образности» слова, его экспрессивной выразительности» [Виноградов 1982: 335].

Источником для исследования языкового материала (просторечных глаголов) в рамках данной статьи послужили тексты русских водевилей 30-40-х годов XIX века (пьесы Ф.А. Кони, П.И. Григорьева, Н.А. Некрасова и др.). Водевиль – это комедийная пьеса с песенками-куплетами и танцами, а, как известно, большое значение в отражении разговорного слога, в связи с ее жанровыми задачами, принадлежит комедии. С самого начала водевиль формировался как демократический жанр, схватывающий в мгновенных зарисовках смешные и характерные эпизоды из жизни народа, забавные черточки быта, веселые происшествия с благополучной и поучительной развязкой.

Для нас важно, во-первых, что водевиль – это такой жанр, который отличается насыщенностью разговорной лексикой и диалектами: данные тексты дают образцы живого, непосредственного языкового общения. Во-вторых, небольшой объем текстов дал возможность сравнить произведения, написанные разными писателями, сопоставить их принципы отбора просторечной лексики, в данном случае – префиксальных глаголов, отличающихся, по наблюдениям исследователей, особым разнообразием и богатством семантических оттенков [Земская 1973: 102].

Вышеозначенные глаголы, встречающиеся в тексте водевилей, представляют собой лексику, которая характеризует и оценивает различные действия и состояния героев этих коротких пьес: качество и характер речи (*замолотить, затарантить, распекать*), ментальные процессы (*сморозить, расчихать*), психофизиологическое состояние (*обескуражить, прошибать, ошалеть*) и т.д. Большую группу составляют глаголы с семантикой ‘обмануть’ (*облапошить, надуть, подкузьмить* и др.), что обусловлено спецификой сюжетной интриги водевиля.

К анализу нашего материала был применен синхронно-диахронический подход, основой которого стало изучение функционирования слова в конкретном тексте на фоне других источников XIX века (для этого привлекался ресурс НКРЯ) с учетом динамики его употребления. В этих целях были использованы различные словари, отражающие состояние лексической системы русского языка в разные периоды его истории (САР¹ и САР², словари Н. Яновского, В. Даля, Сл. 1847), словари современного русского литературного языка (БАС и МАС) и исторический словарь русского языка XVIII века (СРЯ XVIII). Результатом исследования стали некоторые выводы.

Проиллюстрируем их на ряде конкретных примеров.

1. На протяжении XIX в. наблюдалось активное вовлечение лексики из состава просторечия, диалектов в тексты литературно-художественного стиля русского языка (*отшипилить, подкузьмить, сморозить* и др.) и отражение ее в словарях.

Употребление глагола *облапошить*, встретившегося в одном из наших источников: [Журналист:] ...*Напишу: в них нету*

соли – / *Мне их автор насолил.* / *Нет, меня не облапошат!* / *Я придумал все хитро:* / *Напишу, что Кони — лошадь* — / *Благородно и остро!* (Ф.А. Кони. Петербургские квартиры. С. 288), — было зафиксировано уже в литературно-письменном языке XVIII века в значении ‘обманув, извлечь выгоду, обобрать’ [СРЯ XVIII 2005: 250]. В «Словаре русского языка XVIII века» при слове дана помета *Простореч.*, указывающая на его функционально-стилистический статус, который отражен в лексикографическом источнике сер. 30-х годов XIX века [Соколов] в виде пометы: простонар. Словарное определение семантики глагола (‘обмануть’) в словаре XIX века и характер пометы свидетельствуют о нормативности подхода (ср. с БАС: *Простореч.* Обмануть кого-либо). Очевидно, этот факт не позволил составителям академического Сл. 1847 года включить глагол в свой словник. Сделаем еще одно любопытное замечание, касающееся толкования значения слова в историческом и современном толковом словарях: СРЯ XVIII и МАС (*Прост.* Обмануть с корыстной целью; надуть.) подчеркивают экспрессивный характер лексемы, отрицательно оценивающей обозначаемое действие. На это свойство семантики просторечной лексики неоднократно указывали ее исследователи [Князькова 1974: 107]. Отметим также, что история лексикографической фиксации слова позволяет судить об относительной неизменности семантики и функционально-стилистического статуса слова практически с момента его включения в систему литературного повествования.

2. На протяжении XIX-XX вв. наблюдается динамика функционально-стилистического статуса слова, отражающая особенности употребления слова и закрепления его за определенными контекстами.

Глагол *затарантить* употреблен в одном из текстов рядом с синонимичным ему глаголом *замолоть*: [*Верочка:*] (*быстро*). *От моего двоюродного братца. Он пишет, что скоро будет у нас сто раз целует меня заочно, и говорит, что больше учиться не намерен, одобряет мою страсть к театру, желает мне успехов и прочее, и прочее. Ах, я вне себя от восхищения!* [*Лисичкин:*] *Ну, ну, замолола, затарантила* (П.И. Григорьев. Дочь русского актера. С. 370). Последний зафиксирован в литературно-

письменных источниках в более ранний период. СРЯ XVIII характеризует его следующим образом: *Перен. Простореч.* Начать говорить пустое, лишнее [СРЯ XVIII 1995: 28]. Первая словарная фиксация слова *затарантить* отмечена лишь в 60-е гг. XIX века. В.И. Даль толкует значение данного глагола как ‘начинать, начать тарантить’, определяя семантику префиксального образования через производящее, тем самым подчеркивая факт системности отношений между глагольными формами. В словаре БАС семантика глагола определяется, исходя из нормативных критериев литературности – путем подбора стилистически нейтрального эквивалента-синонима: *Простореч.* ‘заговорить быстро и бестолково’. В данном определении также подчеркивается присутствие дополнительной экспрессивно-семантической коннотации. Словарь закрепляет стилистический статус слова, которое было вполне привычным в живой русской речи XIX века.

Глагол *обескуражить* является новообразованием XVIII века, что находит подтверждение в СРЯ XVIII: [*Рике:*] *Она ахнула, зажмурила глаза, кинулась бежать, все за ней, и я остался один как раз на мели... (Хохочет.) Об этом-то я и хотел с вами посоветоваться, почтенная Карабосса! Я решительно не знаю, что мне делать. [Фея:] Эх! Молодой человек, и такая безделица тебя обескуражила? Стыдись, мой друг! Ведь Абрикотина – дура.* (Ф.А. Кони. Принц с хохлом, бельмом и горбом. С. 122). Здесь же отмечено, что слово получает первую лексикографическую фиксацию в словаре Н. Яновского (поскольку имеет в основе иноязычное слово). Значение лексемы в текстах XVIII века ‘привести в состояние растерянности, потери уверенности в себе, отчаяние’ [СРЯ XVIII 2005: 230] сохраняется и в последующем употреблении, однако, как свидетельствуют словари современного русского языка, слово постепенно входит в систему нормативного литературного употребления, длительное время сохраняя стилистический статус, обязанный, очевидно, появлению, а затем и преимущественному употреблению в живой непринужденной речи: *Разг.* Приводить в состояние растерянности; лишать уверенности в себе (БАС). В МАС данная помета уже отсутствует. Таким образом, словари наглядно демонстрируют динамику

функционирования слова в системе русского языка: от статуса иноязычного заимствования до нейтрального элемента системы.

3. Формирование образно-переносных значений и постепенное оформление стилистического статуса у лексико-семантических вариантов слов.

Употребление глагола *надувать* в значении, соответствующем нашему контексту, отмечено словарем БАС: *Простореч.* ‘вводить в заблуждение, обманывать’: [*Тортиколь:*] *С вашей хитрою наукой / Вам успеть не мудрено; / Только этой старой штукой / **Надувают** уж давно.* (Ф.А. Кони. Принц с хохлом, бельмом и горбом. С. 111). В СРЯ XVIII среди значений этого общерусского глагола указанное не зафиксировано. Вполне возможно, что подобное употребление не встретилось в источниках данного словаря. Отметим, что в определении семантики просторечного значения БАС следует тому же принципу, что и в случае с глаголом *затарантить* – подбирает соответствующий литературный синоним.

Ту же самую картину наблюдаем в динамике употребления глагола *прошибить/прошибать*: [*Лоскутков:*] *Я всегда, когда захожу в эту комнату, в это святилище, можно сказать, тотчас становлюсь на колени, и верите ли, слезы **прошибают** меня, старика.* (Н.А. Некрасов. Петербургский ростовщик. С. 392). В Сл. 1847 глагол зафиксирован в ином значении, получившем широкое распространение: ‘пробивать насквозь’ (б/п). Новое же значение, которое имеем в анализируемом контексте, получает фиксацию гораздо позднее, лишь в словарях современного русского языка, отражая тем самым динамику семантической структуры слова, равно как и закрепление функционально-стилистической характеристики за отдельными лексико-семантическими вариантами: 3. *Устар.* и *разг.* Выступать наружу, появляться, пробиваться (БАС); 3. *Прост.* Подействовать, произвести сильное впечатление на кого-, что-л.; пронять (МАС).

4. Анализ отобранного нами лексического материала в сопоставлении с текстовыми ресурсами XIX века в НКРЯ позволил сделать предварительные выводы относительно специфики употребления конкретных просторечных глаголов в русском языке XIX века.

В текстах XIX века данные глаголы встречаются как в авторской речи, так и в репликах персонажей.

Чаще всего употребление данной лексики встречается в диалоге, характеризует речь персонажей, их социальную принадлежность, свидетельствуя о состоянии и национальной специфике устной культуры речи в XIX веке.

Употребление в авторской речи отмечено тем, что, как правило, просторечные глаголы либо вводят речь героев, оценивая ее, либо передают чужую речь (несобственная прямая речь). В собственно авторском употреблении данная лексика может быть употреблена в текстах, относящихся к жанрам с ярко выраженным влиянием разговорной стихии (мемуары, дневниковые записи), в сказовом повествовании.

Можно отметить также экспрессивный характер контекстов с употреблением указанных слов, часто подобные глаголы входят в состав различных фразеологических единиц (*надувает пустую свою голову*, *облапошил дочиста*, *к полуночи совсем ошалели*, *русака подкузьмила!* и т.д.).

Таким образом, использование просторечия в литературно-художественном повествовании XIX века есть результат осознания территориальной, социально-групповой, профессиональной дифференциации общенационального языка; просторечие включает в себя не только разговорно-фамильярные стили интеллигенции, но и бытовой язык разных социальных групп города, поместья, иногда даже деревни. Авторами XIX века просторечие («простой язык») употребляется в качестве стилистического ресурса литературного языка, функционирует как источник образности, экспрессии и социальной характеристики (в художественной литературе, публицистике и т.п.). Как показывает динамика помет в словарях, стилистический статус слов, принадлежащих устной стихии языка, только упрочился — в диапазоне от *Просторечного* до *Разговорного*.

Литература

Булаховский Л.А. Русский литературный язык первой половины XIX века (Раздел: Лексика и общие замечания о слове). 2-е изд. Киев, 1957.

Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII-XIX веков. М., 1982.

Виноградов В.В. Язык Пушкина: Пушкин и история русского литературного языка. 2-е изд. М., 2000.

Григорьев П.И. Дочь русского актера (1843) // Русский водевиль / Сост. В.В. Успенский. Л-М., 1959. С. 367-384.

Земская Е.А. Современный русский язык: Словообразование. М., 1973.

Князькова Г.П. Русское просторечие второй половины XVIII в. Л., 1974.

Кони Ф.А. Петербургские квартиры (1840) // Русский водевиль / Сост. В.В. Успенский. Л-М., 1959. С. 233-314.

Кони Ф.А. Принц с хохлом, бельмом и горбом (1833) // Русский водевиль М., 1970. С. 99-142.

Лексика русского литературного языка XIX-начала XX века / Отв. ред. Филин Ф.П. М., 1981.

Некрасов Н.А. Петербургский ростовщик (1845) // Русский водевиль / Сост. В.В. Успенский. Л-М., 1959. С. 385-412.

БАС – Словарь современного русского литературного языка. В 17-ти тт. М.-Л., 1948-1965.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1863.

МАС – Словарь русского языка. В 4-х тт. М., 1985.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка: www.ruscorpus.ru

САР¹ – Словарь Академии Российской, ч. I, СПб., 1789; ч. II, СПб., 1790; ч. III, СПб., 1792; ч. IV, СПб., 1793; ч. V, 1794; ч. VI. СПб., 1794.

САР² – Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный, ч. I, СПб., 1806; ч. II, СПб., 1809; ч. III, СПб., 1814; ч. IV, СПб., 1822; ч. V, 1822; ч. VI. СПб., 1822.

СРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII века. Вып. 8. СПб., 1995; Вып. 15. СПб., 2005.

Сл. 1847 – Словарь церковно-славянского и русского языка, сост. Вторым отд. Академии Наук. Тт. 1-4. СПб., 1847.

Соколов П. Общий церковно-славяно-русский словарь, или собрание речений. Чч. 1-2. СПб., 1834.

Яновский Н. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту. Ч. I, СПб., 1803; ч. II, СПб., 1804; ч. III, СПб., 1804.

А.С. Малахов, Е.М. Матсапаева (Владимир)

Современное состояние диалектной лексикографии Владимирской области

Одна из проблем современной лексикографии – проблема составления областного словаря. Под областным словарем понимается «словарь живого народного языка определенной территории в определенную эпоху» [Мельниченко 2007: 22]. Авторы-составители областных словарей по-разному подходят к задаче создания того или иного лексикографического труда. Приступая к разработке областного словаря, лингвист сталкивается со многими проблемами.

Прежде всего, необходимо определить, каким образом будет собираться материал для областного словаря. Существует два варианта: извлечение слов из памятников письменности или непосредственное наблюдение диалектной речи в процессе разговора с ее носителями. Во втором случае организуются экспедиции, в которых участвуют преподаватели и студенты вузов.

После того, как материал собран, нужно определить, какую лексику следует включить в словарь: только диалектную или всю лексику (как диалектную, так и литературную), зафиксированную в говоре. В первом случае за основу берется дифференциальный принцип составления диалектных словарей, которые получают название дифференциальных. Во втором случае за основу берется принцип полноты, а словари, созданные по этому принципу, называются полными. Следует заметить, что в дифференциальные диалектные словари может включаться и общерусская лексика. Это наблюдается в тех случаях, когда диалектное слово является омонимичным по отношению к слову литературного язы-

ка, т.е. употребляется со значением, отличным от литературного языка.

Третья проблема связана с принципом расположения диалектных слов. В практике составления словарей встречаются два способа: а) алфавитный принцип, когда все слова располагаются по алфавиту; б) гнездовой способ расположения слов, при котором однокоренные слова, начинающиеся на одну и ту же букву, помещаются в одной словарной статье, а приставочные образования с производными от них – на своем алфавитном месте.

И, наконец, самое сложное – определить структуру словарной статьи. Любой составитель словаря должен ответить на следующие вопросы: из каких элементов должна состоять словарная статья? каким образом определять значение слова? какие стилистические и грамматические пометы должна содержать словарная статья?

В настоящее время уже создано большое количество региональных областных словарей, отражающих специфические особенности языка тех или иных диалектов. Изданы и продолжают выходить словари Архангельской, Вологодской, Мурманской, Кировской, Пермской, Брянской и других областей. Но до сих пор нет областного словаря Владимирской области, хотя работа над сбором материала ведется на кафедре русского языка с 1990 года. Уже накоплен большой материал, собранный студентами Владимирского государственного педагогического (а с недавнего времени – гуманитарного) университета во время диалектологических экспедиций под руководством кандидата филологических наук доцента Р.С. Кануновой. В 1999 году Р.С. Кануновой был выпущен первый тематический выпуск «Владимирского областного словаря. Грибы». Сейчас же ведется работа над систематизацией материала по теме «Лексика природы» и над выпуском первого областного словаря Владимирской области.

Прежде всего, нами было решено, что словарь будет включать в себя только диалектную лексику, не встречающуюся в Малом академическом словаре. В словарную статью будут входить следующие компоненты: лексема (диалектное слово), грамматические разряды указанного слова, толкование по «Программе собирания сведений для лексического атласа русских народных го-

воров», иллюстрация употребления и место сбора информации. Таким образом, словарная статья «Владимирского областного словаря» выглядит следующим образом: «БАЛАЧИНА *-ы, ж.* – большое дождливое облако. *Моя бабушка говорила не облако дождевое, а балачина* (Вязник., п. Мстера)».

Остановимся на некоторых составляющих словарной статьи поподробнее.

Грамматические разряды слов

Принадлежность слова к той или иной части речи может обозначаться двумя способами: 1) пометами. Например, помета *нареч.* рядом с лексемой **до'свету** свидетельствует о том, что перед нами наречие; 2) указанием его форм. Так, для имени существительного указывается флексия родительного падежа и родовая принадлежность (например, *-ы, ж.*), для прилагательного – родовые флексии именительного падежа (*-ая, -ое*), для глагола – флексии личных форм (*-у, -ишь, -ит*).

Итак, у *существительных* в обязательном порядке указывается форма родительного падежа единственного числа (или множественного числа, если слово не имеет парадигмы единственного числа: **за'йцы** – 'снег'). Формы остальных падежей приводятся только в том случае, если эти падежи образуются не по нормам русского литературного языка. Кроме того, необходимо указать родовую принадлежность имени существительного, поскольку встречаются такие диалектные слова, которые в разных районах Владимирской области обладают разной родовой принадлежностью. Таково, например, слово **ветри'на** – 'ветер', которое в Камешковском районе функционирует как существительное мужского рода (ср.: *Сегодня ветрина-то какой* (Камеш., с. Гатиха)), а в Муромском районе – как существительное женского рода (Ср.: *В лесу была ветрина* (Муром., д. Савково)). В этом случае в словарной статье указывается *м/ж*, что и свидетельствует о том, что слово функционирует и как существительное мужского рода, и как существительное женского рода.

Что касается *имен прилагательных*, то они приводятся, как и в толковых словарях, в форме именительного падежа мужского рода. Если же прилагательное в мужском и среднем роде употребляется, то лексема дается в форме именительного падежа

женского рода, а в словарной статье делается помета «*мужской и средний род отсутствует*». Например: **ви'дная** м. и ср. р. отсутствует – 'светлая ночь'. *Сегодня была видная ночь* (Муром., д. Савково).

Как и в толковых словарях, глаголы нужно указывать в форме инфинитива. При этом необходимо привести флексии 1, 2 и 3 лица единственного числа. Если же формы 1 и 2 лица не употребляются, то об этом в статье должна быть соответствующая помета. Например: **вы'ледниться** (*-юсь, -ишься 1 и 2 л. не употр.*) *-ится, сов., неперех.* – 'покрываться льдом, обледеневать'. *К утру горка выледнилась* (Петуш., д. Пешка). У безличных глаголов фиксируется только форма 3 лица единственного числа, сопровождающаяся пометой *безл.* (**видне'ть** *-ет, безл., несов, неперех.* – 'светать, забрезжить'. *Пора, виднеть уж стало* (Ковров., д. Бельково). Кроме того, указывается видовая принадлежность глагола, а также его переходность/непереходность.

Толкование единицы

По мнению Г.Г. Мельниченко, толкование слов не может строиться по одному шаблону. В одних случаях достаточно привести соответствующие эквиваленты литературного языка (например, **блин** – 'полнолуние'); в других случаях нужно раскрыть содержание понятия (**бро'дный** – 'сопровожаемый метелями, выюжный день') [Мельниченко 2007: 74]. При определении значения слова мы ориентируемся на «Программу собирания сведений для лексического атласа русских народных говоров», в соответствии с которой и собирался материал для Владимирского областного словаря.

Контекст

Неотъемлемой частью статьи областного словаря является контекст. Одно и то же диалектное слово может повторяться на разных территориях области. В словарной статье указываются абсолютно все контексты употребления той или иной единицы. «В хорошо подобранных контекстах лучше всего могут быть выявлены все семантические оттенки слова, его стилистические функции и синтаксические отношения к другим словам в предложении» [Мельниченко 2007: 80].

Данные о месте сбора диалектного слова

Заключительной составляющей словарной статьи являются данные о месте сбора слова: район и населенный пункт. О том, кто являлся собирателем материала, информатором и в каком году было записано слово, можно будет узнать из приложения 1. Вид его будет следующим:

Год сбора материала	Район	Населенный пункт	Собиратель	Информаторы
1995	Гусь-Хрустальный р-н	Д. Ивановка	Кохановская Ольга	Гладилкина Дарья Федуловна, Забанова Евдокия Павловна, Февралева Прасковья Никифоровна

Некоторые исследователи (в частности, Г.Г. Мельниченко) предлагают в словарной статье делать ссылку и на синонимы данного слова. Для этого в нашем словаре есть приложение 2, в котором в виде таблицы представлен ряд диалектных синонимов, которые встречаются во Владимирской области, и их соответствие в литературном языке.

Первый тонкий непрочный наст	Наст-серен Почир Серен Серено Сирен Чир
------------------------------	--

Наконец, необходимо сделать еще одно замечание, касающееся отбора материала. Дело в том, что меньше всего лексика Владимирской области изучена с точки зрения словообразования. В своем словаре мы предпринимает попытку охарактеризовать собранный материал именно с этой точки зрения.

Большинство имен существительных в нашем словаре образованы суффиксальным способом. В лингвистических работах

принято выделять три группы суффиксов: традиционные суффиксы (термин употреблен в работе З.А. Потихи [Потиха 1970]), омонимичные суффиксы и уникальные суффиксы (термин взят из работы Казанской лингвистической школы [<http://kls.ksu.ru/>]). Анализ диалектной лексики Владимирской области позволил выявить 6 уникальных суффиксов: -ОНЬ- (**ветонь** – ‘последняя фаза луны’). Суффикс выявлен путем сопоставления с однокоренными словами, встречающимися в других районах области (например, **ветох** и **ветошь**); -ИТ- (**ветрит** – ‘ветренная погода’. *Какой ветрит на улице* (Камеш., с. Гатиха). Можно предположить, что в данном случае наблюдается как бы переход глагола настоящего времени в существительное. При этом окончание глагола 3 лица ед.ч. видоизменилось в словообразующий суффикс -ИТ-; -ОМЭНЬ- (**глухомень** – ‘полночь’); -ЕГ- (**густега** – ‘густой иней в виде снега на деревьях’); -ИЧЕШ- (**деничеш** – ‘день, денек’); -РЫГ- (**холодрыга** – ‘холодный день. Холодная погода’).

В слове **бухмара** выявлен уникальный префикс БУ-. Этот префикс выделяется путем сопоставления с родственным словом **хмара**, которое встречается в этом же говоре. Чтобы определить значение префикса БУ-, нужно установить значение самого слова и значение родственных ему слов. Так, слово **хмара** означает ‘туча’, а слово **бухмара** – ‘пасмурная погода’, т.е. наличие туч – это и есть пасмурная погода. Следовательно, можно предположить, что приставка БУ- имеет значение ‘следствие, результат’.

Главным же объектом нашего исследования являлись корневые морфемы, так как именно они несут основную информацию о значении диалектного слова. Многие корневые морфемы говора схожи с морфемами литературного языка, однако встречаются и уникальные корневые морфемы. М.Н. Янценецкая предлагает выделять корневые уникальные морфемы по форме и по значению. Единичные по форме корни М.Н. Янценецкая выделяет в словах, которые, согласно словообразовательным критериям членимости, являются нечленимыми (*калина, нелепый*). Уникальные по содержанию корни встречаются в словах, в которых выделенные в качестве корневых части имеют в других словах формальные корневые аналоги, с которыми, однако, они не

связаны семантически (*присобачить* – собака, *раздраконить* – дракон) [Рацибурская 2009: 29].

Все уникальные корни, которые нам встретились в диалектной лексике Владимирской области, являются уникальными по форме. Возможно, когда-то они являлись уникальными и по содержанию, но какие-либо связи уже не прослеживаются. К числу уникальных корней относятся следующие: *-вет-* ‘последняя фаза луны’ (корень связанный); *-вьяг-* ‘метель, вьюга’ (корень свободный, вариант корня вьюг-); *-дрєбн’-* ‘1. Дождь со снегом. 2. Мокрый снег’ (корень свободный); *-ивень-* ‘иней’ (корень свободный); *-курєв-* ‘метель, вьюга’ (корень свободный); *-куржак-* ‘метель при сильном морозе’ (корень свободный. Прослеживается связь с корнем *-круж-*); *-курт-* ‘покрытый инеем, заиндевелый’ (корень свободный); *-мр-* ‘туман’ (корень свободный); *-подгузей-* ‘попутный ветер’ (корень связанный); *-сарм-* ‘сильный ветер’ (корень свободный); *-ужоток-* ‘вечер’ (корень свободный); *-чир-* ‘первый тонкий, непрочный наст’ (корень свободный).

Таким образом, мы показали, из каких элементов будет состоять словарная статья в «Словаре владимирских говоров». В «Словаре...» акцент делается не только на лексических особенностях диалектного слова, но и на его словообразовательных возможностях. Анализ лексики Владимирской области позволил выделить ряд словообразовательных элементов, не используемых в современном русском языке, но активно употребляемых в говорах. Предстоит большая работа по выяснению значения этих словообразовательных элементов, что в дальнейшем должно найти отражение в словаре.

Литература

- Мельниченко Г.Г.* Региональная лексикология и лексикография. Ярославль, 2007.
- Потиха З.А.* Современное русское словообразование. М., 1970.
- Рацибурская Л.В.* Словарь уникальных морфем современного русского языка. М., 2009.

Лексикология и лексикография [Электронный ресурс]. Режим доступа:
http://kls.ksu.ru/boduen/bodart_3.php?id=9HYPERLINK
http://kls.ksu.ru/boduen/bodart_3.php?id=9&num=19000000"&HYPERLINK
RLINK
http://kls.ksu.ru/boduen/bodart_3.php?id=9&num=19000000"num=19000000

А.С. Марина (Санкт-Петербург)

Грамматическая категория предикатив и способы ее представления в толковых словарях

Грамматическая категория предикатива является одной из самых спорных среди частей речи в русском языке. Далеко не все ученые выделяют такие слова, как *непозволительно*, *непохвально*, *нельзя* и т.п., в отдельную часть речи (например, А.Х. Востоков относит их к глаголам [Шанский 1981], а Академическая грамматика 1980 – к наречиям [АГ 1980]). И даже среди тех, кто признает существование этой грамматической категории, нет единого мнения о том, как следует ее называть. Так наряду с термином «предикатив», используются такие термины как «категория состояния» и «безлично-предикативные слова». Особого внимания заслуживает точка зрения академика Виноградова, который предложил рассматривать эти слова вне системы частей речи [Шанский 1981]. Такой неопределенный статус предикатива приводит к отсутствию единого способа представления его в толковых словарях.

Прежде всего, хотелось бы остановиться на причинах такого разнообразия точек зрения. Как известно, части речи выделяются на основе ряда отличительных признаков, таких как грамматическое «поведение» слова в составе предложения и целого текста (т.е. его синтаксическая сочетаемость, набор синтаксических функций с отмеченными для них степенями предпочтения, набор словоизменительных и классифицирующих категорий, а также набор гиперсинтаксических функций, которые проявляют-

ся в структуре целого текста). Также к отличительным признакам частей речи относятся семантические и словообразовательные особенности слова [Откупщикова 1995: 131-132]. Все эти признаки в той или иной степени представлены у предикатива, однако практически у каждого из них есть какие-либо особенности. Далее хотелось бы поподробнее остановиться на каждой группе признаков:

1. Особенности словообразования

а. Предикативы чаще всего получены транспозицией из практически всех частей речи (за исключением немногочисленных случаев производных предикативов – *можно, нет, жаль, любо, надо*), вследствие чего они совпадают с этими частями речи по форме (*грех, лень, жаль* – с существительным, *темно, пусто, горько, обидно, жарко* – с прилагательным или наречием, *будет, хватит* – с глаголами);

б. Они непродуктивны, т.е. новые слова от них не образуются.

2. Грамматические особенности

а. Предикативы не имеют классифицирующих категорий;

б. Грамматические формы времени предикативов образуются не очень распространенным для русского языка аналитическим способом, который обычно связан с именными категориями – именем существительным, именем прилагательным или инфинитивом (*в комнате тихо – в комнате было тихо*), а формы сравнительной степени имеются только у предикативов на -о (*Инженеру хорошо, а доктору лучше. Стало тихо, еще тише*);

с. Предикативы используются только в одной синтаксической функции безличного сказуемого, в то время как другие части речи, хотя и отдают предпочтение какой-либо одной функции, обычно могут быть использованы в нескольких.

3. Семантической особенностью предикативов является очень общее и абстрактное лексическое значение «состояние», которое не очень четко отграничивает их от прилагательных, которые характеризуют признак субъекта или объекта, и наречий, обозначающих признак действия.

4. Кроме того предикативы достаточно малочисленны и как следствие нечастотны.

Все выше перечисленное позволяет говорить о том, что есть основания для выделения такой части речи как «предикатив». Так как эта категория обладает, хотя и неярко выраженными, но все-таки отличающими ее от других частей речи грамматическими, семантическими и словообразовательными особенностями, что является критерием выделения частей речи. Однако из-за своеобразия представления этих признаков у предикатива и редкости его употребления, возможно, стоит говорить о предикативе как о периферийной грамматической категории.

Как уже говорилось, одним из основных способов образования предикатива является транспозиция, при этом количество производных предикативов невелико. Это представляет дополнительную трудность при создании словарей. Актуальным является вопрос, стоит ли выносить производные предикативы в отдельную словарную статью, считая их омонимами, или оставлять подпунктом или отдельным значением при производящем слове.

Отдельно хотелось бы остановиться на том случае, когда производный предикатив совпадает по форме и с наречием, и с кратким прилагательным (*хорошо, легко, пасмурно, жалко*), т.к. это вызывает дополнительные трудности, если предикатив помещается в статью к производящему слову (а этот подход является наиболее частым, как будет показано позднее).

Итак, что же есть общего и что отличает предикатив, краткие прилагательные и наречия.

И краткие прилагательные, и предикатив употребляются только в функции сказуемого (в то время как наречие никогда не выступает в этой функции), при этом подлежащим при кратком прилагательном является существительное, а при предикативе – инфинитив (*Его поведение безнравственно – Смеяться над слабыми безнравственно*). Что кажется вполне адекватным критерием их разграничения. Сложности возникают, когда подлежащего в предложении нет (*Ему жалко щенка; Непонятно, как он пришел к такому выводу*). Конечно, предложение можно перефразировать и восстановить подлежащее из контекста, но т.к. приходится домысливать и опираться на то, чего в тексте нет, а также потому что одну и ту же фразу (с разной степенью вероятности) можно перефразировать и с существительным, и с инфинитивом,

критерий уже не кажется столь четким. А такие примеры как предложение *Если ты придешь, мне будет нескучно* вообще сложно перефразировать. Трудность представляют и такие предложения как, например, *На улице холодно играть* или *Мне весело играть в мяч*, в которых остается неясным, что чему подчиняется. В них, в зависимости от трактовки, слова *холодно* и *весело* можно считать как наречиями, так и предикативами. Также не вносит ясности появление в предложении формального подлежащего *это*, которое может замещать как существительное среднего рода, так и ситуацию в целом. С другой стороны, хотя инфинитив и существительное являются разными частями речи, они близки по своим грамматическим свойствам. Не в пользу разграничения кратких прилагательных и предикативов по субъекту говорит и тот факт, что при наличии явного подлежащего среднего рода краткие прилагательные в функции сказуемого имеют тенденцию заменяться на полные (сравните, например, *Лето холодное* и **Лето холодно*). О близости предикативов и кратких прилагательных свидетельствует и то, что предикативы образуются как из прилагательных, не имеющих соответствующих наречий, (например, *темно, дымно, неповадно*), так и из причастий, образование наречий от которых в принципе невозможно (*накурено*). Все выше сказанное позволяет говорить о большей близости предикативов и кратких прилагательных, нежели предикативов и наречий.

Далее хотелось бы рассмотреть, как представлены в словарях производные и непроизводные предикативы. Для сравнения мы взяли несколько непроизводных предикативов (*можно, нельзя, нет*) и несколько производных от разных частей речи – таких как существительное (*лень, грех*), прилагательное (*шумно, неповадно*) и причастие (*накурено*) – и сравнили их трактовки в Толковом словаре Ушакова, Малом и Большом Академических словарях, в Словаре Ожегова и в Большом толковом словаре под редакцией Кузнецова.

Все словари избегали употребления термина «предикатив», как в случае с производными, так и в случае с непроизводными предикативами. Что касается непроизводных предикативов, они, не имея омонимов, были выделены в отдельные словарные ста-

тьи, правда, в большинстве случаев без указания части речи с пометами *в знач. сказ.* (Ушаков, Ожегов), *безл. в знач. сказ.* (МАС, БАС), *в функц. сказ.* (БТС). Исключением стало слово *нельзя*, которое Ушаков снабдил пометой – *нареч. с инф.*, МАС – *нареч. в знач. сказ.*, БАС – *нареч. безл. сказ.*

Производные предикативы в словарях очень редко выносятся в отдельную словарную статью (чаще всего это происходит с предикативами, образованными от прилагательных и не имеющими соотносимого наречия). Подобные предикативы, очевидно, вообще представляют достаточные сложности при описании. Так в МАС и *неповадно*, и *темно* трактуются как наречия, хотя и особого рода. В других словарях авторы тоже избегали грамматической характеристики, предпочитая им функциональную.

Необычное решение было принято в БТС для ряда слов (*грех, весело, темно*). Они, хотя и не были выделены в отдельную словарную статью, но были отделены от производящего слова римскими цифрами (стоит заметить, что значения в этом словаре отделяются арабскими цифрами), т.е. специально для подобных случаев было введено дополнительное членение словарной статьи.

Важно отметить, что несмотря на то, что все словари пытаются избежать термина «предикатив», особую природу этой части речи им все же удается отметить. Так если предикатив не выделяется в отдельную словарную статью, в большинстве случаев он выделяется в отдельное значение и получает соответствующую функциональную помету (чаще всего либо *в знач. сказ.*, либо *в функц. сказ.*).

Из всего сказанного можно сделать следующие выводы и рекомендации при описании предикатива в толковых словарях:

1. Совокупность грамматических, семантических и словообразовательных признаков позволяет выделять предикатив в отдельную часть речи;

2. Если предикатив *непроизводный* (*нельзя, недосуг*), то в словаре его стоит выделять отдельной словарной статьей с пометой *предикатив*;

3. Если значение производного предикатива не совпадает с производящим словом (*довольно*), то имеет смысл выделять его

отдельной словарной статьей с пометой *предикатив* и трактовать как омонимы с производящим словом, т.к. они имеют как различное семантическое значение, так и различные грамматические характеристики;

4. Если предикатив производный и его значение во многом или полностью совпадает с производящим словом, то его можно выделить как оттенок или особенность употребления с пометой *в знач. предикатива* (например, *низко* в значении подло, нехорошо);

5. В случаях, когда производный предикатив совпадает по форме с наречием, его стоит помещать в соответствии с пунктами 3 и 4 либо в отдельную словарную статью, либо в статью прилагательного, считая его производным от краткой формы среднего рода, т.к., как было показано выше, у кратких прилагательных и предикативов намного больше общего, чем у наречий и предикативов. От данного пункта возможно отступление для повышения удобства пользования словарем. Т.к. по форме предикатив будет совпадать с наречием, а не с прилагательным, у которого в качестве заголовочного слова традиционно используется полная форма, для удобства читателя при совпадении лексических значений возможно помещение предикатива в словарную статью наречия, хотя, на наш взгляд, в этом есть некоторое противоречие с природой предикатива.

Литература

АГ 1980 – Академическая грамматика русского языка. М., 1980.

Откупщикова М.И. Безлично-предикативные слова (категория состояния) в Новом академическом словаре // Очередные задачи русской академической лексикографии. СПб., 1995.

Современный русский литературный язык / Под ред. Н.М. Шанского. Л., 1981.

Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. М., 1974.

БАС – Словарь современного русского литературного языка. В 17-ти т. М.-Л., 1948-1965.

БТС – Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 1998.

МАС – Словарь русского языка. В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1995.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.

Толковый словарь русского языка. В 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935-1940.

А.Д. Назарова (Орел)

Колористическая лексика в «Словаре лексики орловского кружевоплетения»

Словарь лексики орловского кружевоплетения (далее – СЛОК) представляет лексические единицы и устойчивые словосочетания, входящие в тематическую группу «Лексика кружевоплетения». В основе настоящего тематического словаря лежат материалы изданных пятнадцати выпусков богатейшего областного «Словаря орловских говоров» (далее – СОГ), данные картотеки вышеуказанного словаря (далее – КСОГ), а также собственные материалы автора (далее – СМ), полученные непосредственно от информантов – мастериц кружевоплетения из г. Орла и населенных пунктов региона (г. Мценска, пос. Нарышкино).

Лексикографическое представление наименований одного из распространенных на Орловщине промыслов открывает большие возможности для изучения материальной и духовной культуры, языка жителей срединной России. Словарь дает основание судить об уровне развития кружевоплетения на Орловщине, о его региональных особенностях. Наряду с имеющимися тематическими словарями, описывающими метеорологическую, свадебную лексику, лексику орловских рыбаков, орловских кожевников, данный словарь способствует формированию целостного представления о языковой картине жителей Орловского края.

Словарь лексики кружевоплетения Орловщины продолжает традиции тематических диалектных словарей, посвященных опи-

санию словарного запаса языка жителей орловского края, поэтому большинство принципов их составления совпадают. Словарь является идеографическим, что выражается в том, что в него включены лексические единицы и устойчивые словосочетания одной тематической группы, объединяющей в своем составе наименования приспособлений, наименования нитей, наименования видов и приемов плетения, наименования узоров мерного, сцепного, численного кружева. В данный словарь включены диалектные, профессиональные и общенародные слова, употребляемые орловскими кружевницами.

Материалом настоящего исследования стала лексико-семантическая группа цветообозначений, т.е. к анализу привлекались те слова и устойчивые сочетания, в которых реализована сема 'цвет'. Мы обратились к анализу данной лексико-семантической группы, так как кружевное изделие как реалия всегда характеризуется каким-либо цветом. При этом наблюдается несоответствие количества собственно колористических реалий количеству цветовых номинаций, связанных только с кружевоплетением, т.е. тех, которые могут быть отнесены к группе «наименования кружева по цвету».

В процессе анализа лексем, представленных в СЛОК, с точки зрения реализации в них семы 'цвет' нами было выявлено 13 колоративов. Цветовая характеристика – это характеристика качества, поэтому исследуемую лексико-семантическую группу составляют в основном имена прилагательные, а термины, называющие цветовые реалии кружевоплетения, представлены устойчивыми словосочетаниями, построенными по идентичной модели (имя прилагательное + имя существительное **кружево**), где имя существительное – главное слово, а имя прилагательное – уточняющий компонент, указывающий на цвет изделия. Также в составе колористической лексики кружевоплетения встречаются цветообозначения, являющиеся именами существительными.

С точки зрения того, каким образом реализована сема 'цвет', интересующие нас колоративы можно классифицировать следующим образом:

1. Слова, прямо указывающие на цвет кружевного изделия, которые являются колоративами, т.е. их корневые морфемы содержат сему 'цвет'.

2. Слова, указывающие на цвет кружевного изделия, которые не являются колоративами, т.е. их корневые морфемы не содержат сему 'цвет'.

К колоративам, в которых непосредственно актуализирована сема 'цвет', относятся следующие слова и составные наименования: **альняное кружево, бель, блонды, бумажное кружево, золото, картулин, кубовое кружево, серебро.**

В литературном языке лексема **льняной** имеет значение – «1. К Лен. Получаемый из семян льна. Изготавливаемый из волокна льна. Относящийся к обработке льна. 2. По цвету и мягкости напоминающий волокно льна (о волосах)» [БТС: 509]. Таким образом, уже в литературном языке отмечается наличие семы 'цвет' у слова **льняной** во втором значении в связи с конкретной реалией (волосами человека). Фонематические диалектизмы **альняной** [СОГ 1: 42], **альляной** [СОГ 1: 41] в орловских говорах зафиксированы в значении «льняной»: *Адежа была альняная; Хороший тветь – альняныи головки; Аллиная – иза льна.* Наш информант употребляет в своей речи составное наименование **альняное кружево**: *Это кружево белого цвета из белых льняных нитей* [СМ], т.е. в данном словосочетании в лексеме **альняной** актуальна не только сема 'материал', но и сема 'цвет'.

Сема 'цвет' реализуется в номинации **бель** – 'белая толстая льняная дополнительная одиночная нить, вплетаемая между парами в многопарном кружеве и придающая рельефность изделию' [СМ]. В литературном языке это слово в интересующем нас значении не встречается, хотя ранее оно было широко распространено и употребляется до сих пор в говорах. Так, в древнерусском языке слово **бель** имело значение «белая льняная пряжа»: *Оплечья бархатъ вишневь, по нему выметано, бѣлью травы и узлы, около бѣли шито золотомъ* [СРЯ XI-XVII 1: 139] или «главный цвет ткани»: *Накапки женские сажены жемчугомъ Гурмыскимъ на бѣли на платцѣх* [Срезн. т. 1, ч. 1: 219]. В Словаре русских народных говоров отмечено одно из значений данной лексемы – «белые нитки»: *Носитеь сапожки, издалече везе-*

ны! Колотитесь, каблучки, белью выстрочены; По замашному холсту потыкали, белью потыкальная бумага называлась [СРНГ 2: 235]. Мы видим, что профессиональная лексика мастериц сохранила древнерусскую традицию употребления это слова в колористическом значении.

В значении ‘кружево, выплетаемое из шелково-сырцовых нитей золотистого (при сохранении естественного цвета сырья), а также из нитей белого или черного цвета’ [СМ] в лексике кружевоплетения зафиксировано слово **блонды**. Данный термин в специальном значении в словарях литературного языка дается с указанием на устаревший характер слова: «Старинные шелковые кружева с желтоватым отливом» [БТС: 85], в языке более раннего периода лексема **блонды** фиксируется как «От фр. *blonde*. Кружева из шелка-сырца»: *По моему мнѣнью кружева и блонды составляют головѣ наилучшее украшение; К краю вокруг шляпы пришиваются черные или белые блонды* [СРЯ XVIII 2: 69]. В орловских говорах это слово наряду с диалектизмом **блондей** [СОГ 1: 78] также известно как устаревшее, при этом его значение не содержит указания на цветовую характеристику изделия – «женское украшение из кружев, которое надевали на шею под горло»: *Блонды, как бусы, из бисеръ и кружъвъ нѣ миткалю шшыты, падвязывъли пат шею; Иди-къ пѣсматри, какой у мене съхранился бландей, ить никак первый рас видиш*. Если сопоставить значение лексем **блонды** в профессиональной лексике мастериц, в различных словарях, а также в диалектной среде, то наиболее сильно сема ‘цвет’ актуализирована в профессиональной лексике, где в толковании значения, в первую очередь, указывается на цвет кружева. Отметим, что в лексике орловских мастериц встречается также лексема **блонда**, служащая для обозначения штучного кружевного изделия золотистого цвета [СМ].

Цветовая характеристика изделия актуализируется в составном наименовании **бумажное кружево** – ‘кружевное изделие белого цвета’ [СМ]. Слово **бумага** в специальном значении, связанном с кружевоплетением, практически не встречается в литературном языке, ранее же данное слово имело значения – «хлопчатая бумага, хлопчатка, хлопок, семянный пух растения хлопчатника; прядева, нитки из этого хлопка» [Даль 1: 141]; «пряжа,

нитки из хлопчатника»: *Свѣтилны из бумаги хлопчатои. Штофы полушелковы с гарусом, с бумагою с шерстью* [СРЯ XVIII 2: 165]. Интересным представляется отметить, что в орловских говорах слово **бумага** известно и в значении «красный материал»: *Халстины ткали из льна и потыкали бумагой* [КСОГ]. Мы можем предположить, что основанием для такого смещения послужил экстралингвистический фактор: при производстве ткани и нитей материал чаще всего окрашивали в самый яркий цвет – в красный.

Применительно к лексике орловского кружевоплетения в составном наименовании **бумажное кружево** – ‘кружевное изделие белого цвета’ сема ‘цвет’ актуализирована в результате метонимического переноса: материал → нить из этого материала и, вместе с тем, метафорического переноса: ‘белый, как бумага’.

Подобным образом цветовая семантика возникла в лексемах **золото** – ‘кружево золотистого цвета’ [СМ] и **серебро** – ‘кружево серебристого цвета’ [СМ]. Одно из значений слова **золото** – «3. Позолоченные шелковые нити»: *Расшитый золотом костюм* [БТС: 369], а слова **серебро** – «3. Нити для вышивания или тканья, тянутые из серебра»: *Блуза шита серебром. По всей кайме блистает* [БТС: 1178]. Метафорический перенос, легший в основу образования колоративов **золото** и **серебро**, обусловлен, вероятно, тем фактором, что в связи с возникновением новых более дешевых материалов мастерицы стали реже использовать нити из золота и серебра, заменяя их шелковыми нитями золотистого и серебристого оттенков.

В качестве цветообозначения орловские кружевницы употребляют в своей речи термин **картулин** в значении ‘красный шнурок или красная нитка в кружеве’ [СМ]. Однако надо отметить, что в современном литературном языке эта лексема отсутствует, а в прошлом данное слово употреблялось в значении – «толстая и плотная бумага, политура, употребляемая при вышивании золотом, серебром и шелками»: *Круживо низано жемчугомъ съ канитѣлю и съ картулиномъ по червчетому отласу* [Срезн. т. 1, ч. 2: 1198]; «толстая и плотная бумага, употребляемая при вышивании золотом, серебром и шелками» [Фасмер 2: 203]. Только в «Толковом словаре живого великорусского языка»

В.И. Даля приводится толкование данной лексемы (с пометой *обл.*) применительно к кружевоплетению с указанием на цвет – «красный бумажный шнурок или нитки в крестьянских кружевах или грибатках» [Даль 2: 94]. Таким образом, можно прийти к заключению, что на сегодняшний день в лексеме **картулин** сема ‘цвет’ реализуется только в профессиональной лексике кружевниц.

Составное наименование **кубовое кружево** в профессиональной лексике кружевниц имеет значение ‘кружево, орнамент которого состоит из следующих друг за другом отверстий в виде правильных многогранников’ [СМ], а в литературном языке – «кружево с отверстиями в форме куба, правильного многогранника, имеющего шесть граней» [СОШ: 305]. В представленных случаях сема ‘цвет’ не реализована, но в диалектной среде мастерицы употребляют составное наименование **кубовое кружево** и в колористическом значении – ‘кружево яркого синего или красного цвета; сплетенное только из синих или красных ниток’ [СМ]. Это совмещение значений обусловлено семантической неоднородностью слова **кубовый** в литературном языке и в говорах. В орловских говорах лексемы **куб** [СОГ 5: 129], **кубовый**, **кубовой** [СОГ 5: 132], **кубоватый** [СОГ 5: 131] употребляются в значении «ярко-красный цвет различной насыщенности»: *Куп – цвет между красным и бардовым; Лицо у няво здельльсь кубьвьъ; Кубовый платок у ней был — бардовьвь цвету; А у ей, платье кубаватъе, ох и красивъе.* В литературном языке слово **кубовый** имеет значение «синий, яркого, густого оттенка» [БТС: 477], в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля содержится пояснение: «кубовая краска, синяя растительная краска, добываемая из растения куб, индиго» [Даль 2: 210]. Возможно, основанием для такого смешения значений слов послужил общий признак ‘яркость’ (цвета), ср.: «ярко-красный цвет различной насыщенности»; «синий, яркого, густого оттенка».

Следующая группа колоративов, отраженных в «Словаре лексики орловского кружевоплетения», включает составные наименования, в которых сема ‘цвет’ выражена косвенно, т.е. значение их корневых морфем не содержит прямого указания на цвет: **английское кружево, брабантское кружево, галичское**

кружево, городничское кружево, кружево шантильи. В основе всех представленных номинаций лежит один и тот же признак, а именно – по месту изготовления предмета, служащего эталоном, образцом для изготовления изделия. Соответственно, указанные словосочетания в словаре орловских кружевниц употребляются в следующих значениях:

Английское кружево – ‘вид кружева белого цвета или вид белой вышивки по белой ткани, вышивки на белом фоне, имитирующей кружево’ [СМ];

Брабантское кружево – ‘особый вид кружева всегда светло-розового оттенка. Брабантские кружева выплетали из льна, который рос только на полях г. Брабанта и давал нить указанного цвета’ [СМ];

Галичское кружево – ‘вид кружева, названный так по центру производства – г. Галич. Особенность галичского кружева – использование определенного материала – тонкого беленого льна и шелка кремового цвета’ [СМ];

Городничское кружево – ‘вид кружева, названный так по центру производства – д. Городница под Гродно. Характерная черта этого вида кружева – использование домашних льняных нитей, окрашенных в белый, красный и черный цвета’ [СМ];

Шантильи – ‘один из видов коклюшечного кружева. Этот вид кружева назван так по центру производства – г. Шантильи, также изготавливался в французских городах Байе, Кане и Пюи. Шантильи – черные шелковые кружева с изящным цветочным рисунком на фоне тонкого тюля’ [СМ].

Представленные составные термины идентичны по своей структуре: имя существительное **кружево** конкретизируется именем прилагательным, прямо указывающим на место изготовления кружева и опосредованно на цвет, характерный для данного вида кружева.

Таким образом, несмотря на малочисленный состав исследуемой лексико-семантической группы, проведенный анализ номинаций, отраженных в «Словаре лексики орловского кружевоплетения», позволяет нам судить об основных колористических традициях орловского кружевоплетения. Фантазия мастериц не ограничивается строгими рамками использования определен-

ных цветов, поэтому их кружевные изделия могут быть самых разнообразных оттенков, различных сочетаний цветов. Однако чаще всего кружевницы используют нити белого цвета, реже – черного, иногда – сочетание белого с черным. Это связано с тем, что белый цвет кружева наиболее естественен, он чист, легкий, воздушен. Кружево – это не повседневное изделие, его использование в праздничных, торжественных случаях, что обуславливает и его цветовую палитру – белую, золотую, серебряную. Сказанное подтверждается нашим исследованием: цвета, которые наиболее часто используются в плетении кружев, отражены в наименованиях кружева по цвету в лексике орловских мастериц, при этом именно белый цвет отражен в нескольких номинациях (**альняное кружево, бель, бумажное кружево**), остальные же цвета отражены в лексике кружевоплетения единично.

Литература

- БТС – Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2002.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М.: Русский язык, 1979.
- СОШ – *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. Изд. 2-е. М., 1994.
- СОГ – Словарь орловских говоров / Под ред. Т.В. Бахваловой. Вып. 1-4. Ярославль, 1989-1991; Вып. 5-15. Орел, 1992-2008.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1-27. Л., 1965-1992.
- СРЯ XI-XVII – Словарь русского языка XI-XVII вв.. В 27 т. / Гл. ред. Крысько. М.: Наука, 1975-2006.
- СРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII века. Вып. 2. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1985.
- Срезн. – *Срезневский И.И.* Словарь древнерусского языка: В 3 т. Репринт. изд. М.: Книга, 1989.
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Б.А. Ларина. М.: ТЕРРА – Книжный клуб, 2008.

Ландшафтная лексика в Частотном словаре языка А.Н. Островского

Частотный словарь языка А.Н. Островского (ЧСЯО), создаваемый в рамках научно-исследовательского проекта «Энциклопедия А.Н. Островского», является сводом статистических данных о лексическом составе текстов писателя, вошедших в Полное собрание сочинений [Островский]. Объем алфавитно-частотного словника – около 30 тысяч лексических единиц. Количественные характеристики каждой лексемы даются по периодам творчества А.Н. Островского (1-й период охватывает 1840-1850 гг.; 2-й – 1860-е; 3-й – 1870-1880) и отражают статистическую структуру художественных и нехудожественных текстов. Словарь позволяет выявить как ядро наиболее употребительных слов лексикона писателя, так и редкие слова.

В языке А.Н. Островского обширно представлена ландшафтная лексика. В эту тематическую группу в соответствии с Программой ЛАРНГ мы включаем слова, характеризующие такие компоненты ландшафта, как рельеф, почвы, водоемы [Программа ЛАРНГ, I, 16]. В произведениях А.Н. Островского наиболее употребительными являются термины *гора, берег, река, омут, озеро, овраг, луг, болото, чаща; речка*; наименее – *бережочек, болотинка, отрог, плёсо, пригорок, фарватер* и др. Мы обратили внимание на те слова, которые встречаются в произведениях писателя не более одного раза. В их число входит как общенародная, так и локально окрашенная лексика. А.Н. Островский был не только знатоком живой народной речи, но и лексикографом. Диалектные слова писатель собирал на протяжении десятилетий, со времени литературной экспедиции по Волге (1856). Собранные материалы стали основой в его работе над Словарем русского народного языка. Впоследствии они были привлечены в качестве одного из источников словаря, составленного Вторым отделением Академии наук [Островский X: 660].

Народных географических терминов с частотностью 1 в ЧСЯО выявлено около ста единиц. Мы соотнесли их с лексикой

костромских говоров. Источниками ландшафтной лексики в костромских говорах послужили Картотека костромского областного словаря (КОС), Словарь русских народных говоров [СРНГ], Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля [Даль], Краткий костромской областной словарь [КрКОС], Словарь народно-разговорного языка Е.В. Честнякова [Ганцовская] и др. Рассмотрим некоторые термины в плане тематики вопросов Программы ЛАРНГ.

Бугор (ЛСЛ 390, Л 396). В ЧСЯО указывается, что эта лексема зафиксирована в художественном тексте, относящемся к II периоду творчества А.Н. Островского. Драматург включает слово *бугор* в речь одного из действующих лиц комедии «Горячее сердце» – мещанина Аристарха. Из ремарок известно, что действие происходит в уездном городе Калинове [Островский III: 81], расположенном на берегу реки [Островский III: 114]. Судя по указаниям, которые дает Аристарх (*Вот теперь расставим людей. Вы двое на бугор, вы двое к мосту, да хоронитесь хорошенько за кусты, – на проселок не надо, там только крестьяне да богомольцы ходят* [Островский III: 141]), бугор находится рядом с мостом, а значит, с рекой. Скорее всего, это наиболее высокая часть (вершина) берега реки (ср.: в СНГТ одно из значений термина *бугры* – «вершина по берегам Нижней Волги» [СНГТ, 97]).

Слово *бугор* в СНГТ толкуется как «холм, небольшой холм, возвышение, курган»; «всякое отлогое, песчаное, иногда весьма длинное возвышение в волжских степях и на берегах Каспийского моря» [СНГТ, 97]. Э.М. Мурзаев, ссылаясь на Ф.Н. Милькова, отмечает, что в центрально-черноземных областях данной лексемой обозначают «крутой выпуклый склон долины, останцовый холм» [СНГТ, 97]. В СРНГ указывается, что на Дону значение термина – «большой холм, гора» (отенок значения – «край горы с отвесной, обрывистой стороны»); в Беломорье – «голая, без растительности скала на морском берегу»; на Нижней Волге – «более высокая гора, вершина в горной цепи, гряде» (сибирские, самарские говоры), «холмистый, возвышенный остров в волжской дельте, не заливаемый водой во время половодья» (астраханские говоры). Отметим также, что В.И. Даль толкует слово *бугор* как «всякое отлогое возвышение, возвышенность, горб,

холм, курган»; *«вост. астрх.* всякое возвышение в степях, холм, горка» [Даль I: 135].

По данным Картотеки КОС, в костромских говорах термин употребляется в значениях 'значительная возвышенность' (Галичский, Костромской, Макарьевский, Шарьинский р-ны); 'небольшая возвышенность' (Парфеньевский р-н); 'подъём (об участке дороги)' (Островский р-н).

Грива (Л 395, СМ 406). «Лес; оттого и город: Кологрив», – объясняет А.Н. Островский. Это слово, как и термин *гривы лесные*, на Северной Волге обозначающий, согласно помете, «высокие леса, растущие полосами» [Островский X: 471], писатель включил в Материалы для словаря русского народного языка (в ЧСЯО: III период, нехудожественные тексты). Как синонимы они встречаются в очерке «Грибовник» С.В. Максимова: <город Кологрив> ...как известно, получил и своё имя от того, что лежит коло грив или около грив лесных, т. е. сплошных полос: одна идёт в Вологодскую губернию и исчезает вместе с архангельскими лесами на тундру, другая соединена с лесами вятскими и пермскими, а стало быть, и сибирскими, то есть не имеет конца [Максимов, 92].

Слово *грива* полисемично. В СРНГ представлены 19 толкований, в том числе 15 как географического термина. В значении, которое дает А.Н. Островский, термин зафиксирован в архангельских, владимирских, тамбовских, тверских, ярославских говорах, а также в макарьевских Костромской области. Как «место, где растут кучно ягоды, грибы, деревья» слово толкуется в уральских говорах; «неширокое, но длинное возвышение между двумя логами или пропастями» – в сибирских говорах; «продолговатое сухое место на болоте» – в северодвинских; «более возвышенный участок низкого берега, идущий обыкновенно грядой» – в ярославских и новосибирских; «длинный узкий мыс» – в пермских; «обрывистый берег реки» – в вологодских; «склон горы» – в восточно-сибирских; «поле на возвышенности на месте выкорчеванного леса» – в архангельских; «поляна в лесу» – в астраханских, воронежских, рязанских, новосибирских; «островок, оставшийся незатопленным во время разлива Волги» – в астраханских (оттенок значения «островок, покрытый лесом, оставшийся неза-

топленным во время разлива» – в воронежских и владимирских говорах); «быстрое течение реки» и «ряд подводных камней в порогах» – в архангельских говорах [СРНГ VII: 143]. В СНГТ даются также такие объяснения, как «каменистая мель на Чудском озере», «горный хребет» (Алтай), «покатошь гор в Восточной Сибири» [СНГТ, 158]. Как видим, лексемой *грива* обозначается и возвышенность на суше, и возвышение на дне водоема, что и было отражено еще в Словаре Академии Российской: «продолговатый островерхий холм» и «мель, подводная коса» [САР, 345]. В костромских говорах термин употребляется в основном для номинации такого элемента ландшафта, как «возвышенность, покрытая лесом» (Антроповский, Буйский, Вохомский, Галичский, Кадыйский, Кологривский, Костромской, Красносельский, Макарьевский, Мантуровский, Нейский, Павинский, Парфеньевский, Поназыревский, Шарьинский р-ны) [КрКОС, 91-92]. В некоторых говорах зафиксированы значения 'участок леса, растущий особняком' (п. Никольское Костромского р-на); 'вытянутый лесной участок, чаще всего находящийся на границе смежных земельных, сенокосных, пастбищных участков' (д. Шастово Антроповского р-на); 'большая полоса леса в поле' (д. Тарабыкино Островского р-на); 'возвышенный луг' (п. Вохма); 'возвышение в лугах, которое остается незатопленным вешней водой' (д. Масленниково Вохомского р-на); 'возвышенность на сенокосных угодьях' (д. Зубакино, Петрецово и Хмельёвка Вохомского р-на; д. Стрельниково Костромского р-на); 'неширокое и недлинное извилистое возвышение' (с. Сущёво Костромского р-на); 'длинный узкий мыс' (Солигалич) [КОС].

Увал (ЛСЛ 388). Лексему *увал*, обозначающую «холмистое возвышение», А.Н. Островский включил в Материалы для словаря народного языка с пометой «сибирское» [Островский X: 518]. Э.М. Мурзаев, толкуя слово как «гряда с пологим склоном, широким, плохо выраженным гребнем; цепь более или менее ровных холмов, иногда небольшой холм» [СНГТ, 571], уточняет семантику и географию распространения термина: «южный безлесный склон горы, где хорошие пастбища» (Восточная Сибирь); «невысокое побережье с заметно выраженным скатом в долинах Оби и Васюгана, где возможно земледелие» (Западная Сибирь);

«холм, косогор, обрыв, осыпь» (Урал, Сибирь, северные области); «гора» (Северный Урал); «крутое и высокое побережье реки; гористая гряда, сопровождающая долину» (район Белого моря); «обрыв, глубокое место в реке» (бассейн Пинеги); «уступ дна, круто падающий склон» (район Каспийского моря) [СНГТ, 571-572]. В Пермском крае *увалом* называют вытянутую, длинную гору, а также ее вершину и ее склон; «высокий коренной берег реки» [Полякова, 380]. По данным Словаря вологодских говоров, в сямженских говорах термин толкуется как «крутой откос на берегу реки, обрыв» [СВГ, 101].

В костромских говорах слово *увал* употребляется в значениях «сухое, возвышенное место» (Кадынский, Макарьевский, Мантуровский, Нейский, Шарьинский р-ны [КрКОС, 320]); «возвышение в лесу» (с. Петрилово Костромского р-на); «отлогий склон (холма, пригорка, горы)» (д. Знаменка Мантуровского р-на) [КОС].

Выемка (ЛСЛ 521). «Большая прорубь, в которую вталкивают невод в озёрной, подлёдной ловле», – объясняет А.Н. Островский этот термин, который дает с пометой *Осташк.* [Островский Х: 468]. В СРНГ представлены лексемы *выем* (Свердл.) и *выемная* (Пск.), обозначающие прорубь для подледной рыбной ловли (выем – «прорубь, из которой вынимают невод при подледном лове рыбы – приемная майна», *выемная* – «прорубь, через которую вытаскивают невод, “вытягальное корыто”») [СРНГ V: 277]. Слово *выемка* известно в Костромской области. Термин зафиксирован в с. Адищево Островского р-на (находится вблизи Щелыкова – усадьбы драматурга), но его семантика не связана с рыболовством. В Картотеке костромского областного словаря слово представлено в значении «большая прорубь, в которой полощут белье».

Хиб (ЛСЛ 461). А.Н. Островский включил термин в значении «омут» с пометой *Каляз.* в Материалы для словаря русского народного языка [Островский Х: 519]. В Картотеке СРНГ зафиксировано, что данное слово в качестве народного географического термина употребляется в тверских (согласно сведениям из Словаря А.Н. Островского), вологодских и новгородских говорах. Лексема используется для номинации таких реалий, как

«возвышенное место грядой» (Мстинский р-н Новгородской обл.); «крутые горы» (Мошенский р-н Новгородской обл.); «залив (на озере)» (Боровичский и смежные районы Новгородской области); «заводь» – «место в реке, где стоячая вода» (Боровичский, Мошенский и Опеченский р-ны Новгородской обл.); «вогнутая сторона речной излучины» (Боровичский уезд Новгородской губернии); «выгнутый берег реки, противоположный рогу» (Опеченский уезд Новгородской и Шольский уезд Вологодской губернии); «глубокое место в реке, где бьют родники», «вихревое движение воды; водоворот» (Крестецкий р-н Новгородской обл.). В Картотеке СРНГ имеется информация о зафиксированных в новгородских говорах микропонимах *Хиб* (именование гористой местности) и *Хибы* (*Хипы*) (именование леса). По данным Картотеки КОС, слово *хиб* употребляется жителями Боговаровского р-на и в настоящее время (последняя карточка датируется 2007 г.). Значение термина – ‘излучина реки’.

Наши наблюдения показывают, что диалектные географические термины, несмотря на то, что относятся к наименее частотным словам, широко представлены в ЧСЯО. Основная их часть выявляется в нехудожественных текстах (в частности, в Материалах для словаря русского народного языка), относящихся к III периоду творчества писателя. Эти термины вошли в язык А.Н. Островского как результат лексикографических занятий писателя, смысл которых, как отмечал Е.Г. Холодов, «состоял не только и не столько в том, чтобы драматург мог за счет сделанных им словарных заготовок расширить лексику и фразеологию своих пьес, но и в том главным образом, что работа над словарем помогла ему постигнуть самый дух родного языка, познать законы словообразования и словоупотребления, почувствовать неповторимое своеобразие различных социально-речевых стилей» [Холодов, 129-128]. Исследование частотности лексических единиц, ставшее возможным благодаря ЧСЯО, не только позволяет выявить статистические особенности стиля А.Н. Островского, но и открывает широкие возможности для анализа языка писателя.

Литература

Островский А.Н. Полное собрание сочинений: в 12 т. М.: Искусство, 1973–1980.

Максимов С.В. Грибовник // Избранное / Подготовка текста, сост., вступ. ст., примеч. С.И. Плеханова; оформл. Ю. Алексеевой; ил. И.В. Тихонова. М.: Сов. Россия, 1981. С. 80–99.

Холодов Е.Г. Мастерство Островского. М.: Искусство, 1967.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. 2-е изд., испр. значит. умножен. по рукописи авт. Спб.: Изд. М.О. Вольфа, 1880-1882.

Ганцовская Н.С. Живое поунженское слово. Словарь народно-разговорного языка Е.В. Честнякова. Кострома: Костромаиздат, 2007.

КрКОС – Живое костромское слово. Краткий костромской областной словарь / Сост. Н.С. Ганцовская, Г.И. Маширова; отв. ред. Н.С. Ганцовская. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2006.

Полякова Е.Н. Словарь географических терминов в русской речи Пермского края. Пермь: Перм. гос. ун-т, 2007.

САР – Словарь Академии Российской. Спб., 1789-1794.

СВГ – Словарь вологодских говоров. Вып. 11. Вологда: ВГПУ: Изд-во «Русь», 2005.

СНГТ – *Мурзаев Э.М.* Словарь народных географических терминов. М.: Мысль, 1984.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1-43-. М., Л.; Спб.: Наука, 1965–2010-.

Л.С. Нечаева (Пермь)

Лексикографическое представление гриба волнушка розовая в северных русских говорах

Объектом данного исследования являются наименования гриба волнушка розовая с корнем *-волн-* и его фонетическими вариантами *-волв-*, *-волм-*, *-волг-*, *-волд-*, представленные в слова-

рях севернорусских говоров. Выбор темы в первую очередь был обусловлен широкой вариативностью наименований волнушки розовой с указанными корнями в картотеке «Словаря русских говоров севера Пермского края», создаваемого на кафедре общего и славянского языкознания Пермского государственного университета. При составлении словарных статей на «В» коллектив авторов, естественно, обращался к другим словарям северных говоров, и там обнаружилась сходная ситуация: обилие вариантов корней и аффиксов в наименованиях волнушки розовой.

В нашей статье мы попытаемся ответить на следующие вопросы:

1. Какая информация о грибе волнушка розовая отражается в иллюстративной части словарной статьи?
2. Какие признаки номинации отражены в словах с корнем *-волн-*?
3. Какая реалья может стоять за исследуемыми единицами с корнем *-волн-* и его фонетическими вариантами? Только ли это гриб волнушка розовая?
4. Как географически распределяются наименования гриба волнушка розовая с корнями *-волн-*, *-волв-*, *-волм-*, *-волг-*, *-волд-*?

Материалы для исследования были собраны из «Словаря говоров Русского Севера», «Словаря русских народных говоров», «Архангельского областного словаря», «Словаря вологодских говоров», «Словаря пермских говоров», «Словаря русских говоров южного Прикамья», «Словаря говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области», электронного макета 1 выпуска «Словаря русских говоров севера Пермского края», «Псковского областного словаря», «Областного словаря вятских говоров», «Новгородского областного словаря».

Волнушка розовая (*lactarius torminosus* или *agaricus torminosus*) распространена в Европейской части, в Западной Сибири и на Дальнем Востоке. Это пластинчатый гриб, имеющий плоскую, с сильно завернутым пушистым краем, шерстисто-волокнистую, красновато-розовую шляпку 5-12 см в диаметре. Растет в березовых и смешанных лесах с березой, обычно группами, в июле-октябре. Условно съедобен. Используется исключительно для

засола [Большая книга. Грибы 2009: 36]. Это подтверждается данными словарей:

Волдинця – мохнатый такой гриб [СГРС II: 149]; **Волденюк** мостом выросло, хоть лопатой гребни [там же: 148]; *От берёзы к берёзе ходил да волнухи и белянки ломал* [АОС V: 38]; **Вовничь** много было насолено [СВГ I: 78]; **Волвенцы** – розовеньки, маленькие такие, завитые бока. А большие, ростреплются дак, не завитые уж; **Волвенчи**, обабки, красны грибы растут под березником; **Волвинка** – красненькая такая. Эти губы солим [СРГСПК].

Мы видим, что словарями фиксируются контексты, совпадающие с объективными данными о реалии.

Из приведенных материалов мы видим, что в основе номинации гриба волнушка розовая лежит внешний признак – его шляпка покрыта волосками. Эта особенность гриба привела к тому, что он назван был «шерстяным» грибом в восточнославянских и западно-славянских языках [Меркулова 1967: 172]. М. Фасмер возводит этимологию к общеславянскому *vьlna в значении ‘овечья шерсть’ и сопоставляет данное слово с укр. **вовна**, блр. **воўна**, др.-русск. **вълна**, болг. **вълна**, чеш. **vlna**, в том же значении [Фасмер I: 339]. Подтверждение этимологическим данным мы находим и в русских говорах. Так, в «Словаре русских народных говоров», в «Словаре русских говоров севера Пермского края» и в «Словаре говоров Русского Севера» зафиксированы лексемы **во’лна** и **волна** в значении ‘овечья шерсть’ (*Волна какая на баране выросла; Вся волна вылезла с этой овцы* [СРНГ V: 43]; *Бабы волну собирают* [СГРС II: 150]; *Какая хорошая волна на овце* [СРГСПК]).

От общеславянского *vьlna ‘шерсть’ образовано прилагательное *vьlnepь ‘шерстяной’, от которого, в свою очередь, возникло название гриба с синонимичными суффиксами -ька/-ица: *vьlněпька / *vьlněпiца. Уже на русской почве в части говоров название этого гриба было переоформлено по активной словообразовательной модели в названиях грибов: **волну’ха**, **волну’шка**, **волня’нка**. Памятники русской письменности вплоть до конца XVIII в. фиксируют названия гриба **волнянка**, **волняница**. Но в то же время под воздействием разрушения этимологической свя-

зи с лексемой **во'лна** в значении 'шерсть' в русских говорах происходят различные изменения во внешнем облике слова, делающие его подчас почти неузнаваемым. Чаще других отмечена форма, полученная в результате ассимиляции: **во'лвянка**, **во'лвеница**, **во'лвенца**, **во'лвница**, **волвену'шка**. Появляются и искаженные формы, образованные в результате диссимилиации: **во'лгинка**, **во'лганца**, **волгу'шечка**, **волдёнка**, **во'лдинец**, **во'лданца** [Меркулова 1967: 173].

Перейдем к рассмотрению семантики лексических единиц с корнями *-волн-*, *-волв-*, *-волм-*, *-волг-*, *-волд-*. По данным словарей, лексемы с этими корнями имеют различную семантику в разных говорах, хотя, несомненно, наиболее распространенным значением в исследуемых говорах остается 'гриб волнушка розовая'. Но существуют и значения, отличные от основного. Рассмотрим их:

1. **Гриб волнушка розовая**. Исследуемые единицы чаще всего в говорах имеют значение 'гриб волнушка розовая'. Этот факт объясняется, в первую очередь, повсеместным распространением данного гриба на территориях Русского Севера и сопредельных областей. Все рассмотренные нами словари фиксируют эту семантику у наименований с корнем *-волн-* и его фонетических вариантов. Приведем примеры:

Во'лденца 'гриб волнушка' (*Волденца растёт, по-нонешнему волнушка*) [СГРС II: 148].

Волну'ха 'гриб волнушка розовая' (*А вот так у нас губы называли: волнуха, рыжики, грузди*) [АОС V: 38].

Во'лдене'ц 'гриб *Lactarius torminosus*; волнушка' (*Пестери на спине носили, по рыжики ходили, по воуденцы*) [СВГ I: 78].

Во'лвенка 'гриб волнушка розовая' (*А волвенки – такие красненькие, розовые грибочки, краечки-то загнутые вот*) [СРГ-СПК].

2. **Любой съедобный пластинчатый гриб, пригодный к засолке**. Помимо того что рассматриваемые единицы могут обозначать конкретный гриб – волнушку розовую, в говорах они также могут иметь значение 'любые съедобные пластинчатые грибы, пригодные к засолке'. Обусловлено это, на наш взгляд, типичной для диалектного языка номинацией по аналогии. Сознанием диалектоносителя из массы признаков конкретного вида

грибов вычленяются существенные: пластинчатость (внешний признак), съедобность, пригодность к засолке (признаки, актуальные для хозяйственной деятельности). Эти признаки присутствуют и у массы других грибов, вследствие чего по принципу подобия наименования типа *волнушка* становятся родовыми для целого ряда грибов *Agaricus* – пластинчатых грибов. Приведем примеры, фиксируемые словарями:

Волнуха. Чаще множ. ‘любые грибы, идущие на засолку’ (*В городах грибы солёные зовут, а у нас волнухи. Грибы-то у нас которы жарят, а волнухи солили*) [СГРС II: 150].

Волнушка. Чаще множ. ‘любые грибы, идущие на засолку’ (*Если солим – дак волнушки, если жарим, дак грибы*) [там же: 151].

Волнуха ‘любой съедобный пластинчатый гриб’ (*Хоть кака, тут осолят, хоть грузди, всё тут волнухами называется*) [АОС V: 38].

3. **Любой гриб из рода млечников.** По тому же принципу аналогии и расширения семантики лексемы с корнем *-волн-* иногда получают значение ‘любой гриб из рода млечников’. Отметим, что млечник (лат. *Lactarius*, от слова «молоко») – это род пластинчатых грибов семейства сыроежковые. Назван он так из-за имеющихся в мякоти млечных сосудов, содержащих млечный сок, вытекающий при повреждении плодового тела. К этому роду относятся такие общеизвестные грибы, как рыжик, груздь, волнушка белая. Волнушка розовая также принадлежит к этому роду. Сделаем оговорку: исследуемые нами единицы с такой семантикой фиксируются только в «Архангельском областном словаре». Приведем примеры:

Волнуха 2. ‘любой пластинчатый гриб из рода млечников (*lactarius*)’. (*Волнухи разны – вроде как белянки, такие же, только светлы; Красны и белы волнухи – их тоже моцят, они горьки*).

Волнушина ‘то же, что **волнуха** во 2 знач.’ (*А он идёт, в руках волнушина здорова такая*).

Волнушка ‘то же, что **волнуха** в 2 знач.’ (*Сырком эти можно солить, белы и красны волнушки*) [АОС V: 38-39].

Рассмотренные нами значения 2 и 3 ‘любой съедобный пластинчатый гриб, пригодный к засолке’ и ‘любой гриб из рода

млечников' выделяются «Словарем говоров Русского Севера» и «Архангельским областным словарем». Иллюстративные материалы, приведенные в данных словарях, не доказывают, что иные пластинчатые грибы (не из рода млечников) могут называться единицами с корнем *-волн-* и его фонетическими вариантами. Возможно, что их допустимо объединить в одно значение 'любой гриб из рода млечников', так как жителями сельской местности считаются пригодными к засолке, как правило, грибы только из рода млечников, а именно разные виды груздей, «путиков», рыжиков и волнушек. Другие пластинчатые грибы (разные виды сыроежек, лисички) собираются редко, в неурожайные годы и чаще употребляются в вареном и жареном виде.

Лексемы с корнем *-волн-* и его фонетическими вариантами в северных русских говорах могут называть, кроме волнушки розовой, другие конкретные грибы в том случае, если к данным единицам присоединяются прилагательные. Вероятно, это происходит, как и в предыдущих случаях, в результате переноса значения по сходным признакам, только в описываемой ситуации в результате переноса возникает не обобщенное родовое значение, а новое конкретное значение. Семантика уточняется качественными прилагательными, такими как *белый, бурый, жёлтый, синий, масляный*. То есть лексема с корнем *-волн-* с обобщенным значением 'пластинчатый гриб' становится уже не гиперонимом, а названием конкретного вида грибов, дифференциальный признак которого выражен прилагательным. Так, единицами с корнем *-волн-* в говорах могут быть названы лисички, рыжики, грузди, сыроежки и др. Отметим, что данные наименования грибов встретились нам только в «Архангельском областном словаре». Приведем примеры: $\diamond$ **волну'ха бе'лая, волну'шка бе'лая** 'гриб белянка' (*На болотах растёт бела волнуха*); $\diamond$ **волну'ха бу'рая** 'гриб горькушка или сыроежка темно-красного цвета?' (*Вот это бура волнуха*); $\diamond$ **волну'ха жёлтая** 'гриб лисичка' (*Жёлты были волнухи, так то лисички*); $\diamond$ **волну'ха ма'сляная** 'гриб груздь жёлтый' (*Ходь бы масляные волнухи побрать*); $\diamond$ **волну'ха си'няя** 'рыжик еловый?' (*Есть сини волнухи, они очень хороши*) [АОС V: 38-39].

Географически распределение корней выглядит следующим образом. Инвариантным для всех территорий севера России является корень *-волн-*. По данным словарей, доминирующим он является в псковских и архангельских говорах, также широко распространен данный корень в пермских и вологодских говорах. Кроме общерусской лексемы *волнушка*, отмеченной словарями полного типа (Архангельским, Акчимским, Псковским), в наших материалах присутствуют единицы, образованные от данного корня посредством разнообразных аффиксов, как характерных для названий грибов в русском литературном языке, так и собственно диалектных, например: **во'лник**, **волни'ца**, **волну'ра**, **волну'шина** (арх.); **волна'вка**, **во'лненца**, **волну'ша**, **волны'ха** (влг.); **волня'нка**, **во'лнешница**, **во'лница**, **волни'ца**, (перм.); **волне'йка**, **волни'к**, **волня'шенка**, **волня'ха** (псков.); **волну'шник** (новг.).

Отметим, что в северных русских говорах корень *-волн-* может выступать в полногласном варианте *-волон-*. Так, пермские словари фиксируют лексемы **во'лонец**, **во'лонка**, сохраняющие результаты второго полногласия.

Кроме того, интересным является то, что «Областной словарь вятских говоров» не фиксирует названий волнушки розовой с корнем *-волн-*. Поскольку этот словарь является словарем дифференциального типа, можно предположить, что общерусский вариант **волну'шка** в вятских говорах присутствует, но словарем не отмечен, а корень *-волн-* не является продуктивным.

Доминирующими на территории архангельских и вологодских говоров являются лексемы с корнями *-волг-/волд-*, появившиеся предположительно в результате диссимиляции согласных звуков в корне, например: **во'лгеница**, **во'лгинца**, **во'лденец**, **во'лденина**, **во'лденец**, **волдене'ц**, **во'лденка**, **во'лденица**, **волдени'ца**, **волдени'чка**, **во'лденина**, **волдён'ка**, **во'лдица**, **волде'шица**, **волдо'ница** и др. (влг.); **во'лганка**, **во'лганца**, **во'лгенка**, **во'лгеница**, **волгу'шечка**, **во'лданица**, **во'лданка**, **во'лданца**, **во'лдена**, **во'лденка**, **во'лденца**, **волдини'ца**, **волдини'чник**, **волдя'нка**, **волдяну'шка**, **волдене'ц**, **во'лденга**, **во'лденька** и др. (арх.).

В пермских говорах наиболее распространенными являются корни *-волв-* и *-волм-*, вероятно, возникшие в ходе ассимиляции сонорных согласных *-н-* и *-м-* и смешения губных звуков *-м-* и *-в-* в корне. Данные корни присутствуют в пермских говорах в ряде следующих лексем: **во'лвенка, во'лвенец, во'лвница, во'лвинца, во'львеница, волвену'шка, во'лменка, во'лменец, во'лмик, во'лминка, во'лмена, во'лменец, волмы'нка, во'лменька, во'лменичка, во'лменина** и др.

Также весьма продуктивными, но не превалирующими, корни *-волв-* и *-волм-* являются в архангельских и вологодских говорах. В «Словаре говоров Русского Севера» и в «Архангельском областном словаре» фиксируются следующие единицы с этим корнем: **во'лванка, волвану'ха, во'лванца, во'лвинка, во'лменка, во'лменца, во'лмица** и др. (арх.) **во'лменца, во'лмуха, волму'ха, волму'шка** и др. (влг.). Двумя единицами (**во'львеница, во'лвенка**) представлен данный корень в вятских говорах.

Приведем данные о соотношении корней на разных территориях севера Европейской части России в таблице:

	-волн- (лекс. ед.)	-волг-	-волд-/ -волж-	-волв-	-волм-
арх.	32	9	28	11	3
влг.	13	2	21	0	4
вят.	0	0	4	2	2
новг.	1	0	0	0	1
перм.	7	0	1	14	15
псков.	10	0	0	0	0

Мы видим, что лексемы, называющие волнушку розовую, с близкими по звучанию корнями *-волн-*, *-волв-*, *-волм-*, появившимися в результате ассимиляции согласных в корне, распространены практически на всех рассмотренных нами территориях. Причем лексические единицы с вариантными корнями *-волм-*, *-волв-* локализуются преимущественно в пермских говорах, хотя широко распространены также в вятских, архангельских и воло-

годских говорах. Характерными и наиболее распространенными для говоров архангельско-вологодской группы являются единицы с корнями *-волг-*, *-волд-*, причем на других территориях севера Европейской части России лексические единицы с данными корнями отсутствуют. На наш взгляд, это может быть объяснено тем, что архангельские и вологодские говоры, во-первых, являются старейшими говорами Русского Севера и формировались они в условиях тесного взаимодействия русского населения с местным финно-угорским, что обусловило большое разнообразие и широкую вариативность корневых морфем, аффиксов и значений лексических единиц. Во-вторых, говоры данной территории давно изучаются диалектологами и, возможно, представлены в словарях, создававшихся в разное время разными научными коллективами, более полно.

Таким образом, рассмотрев имеющиеся материалы, мы можем сделать следующие выводы:

1) информация, которая содержится в иллюстративной части словарных статей, посвященных грибу волнушка розовая, отражает основные характерные признаки этого гриба, а именно красновато-розовый цвет, загнутую форму и ворсистость шляпки, съедобность, пригодность к засолке и распространенность в березовых лесах.

2) исследуемые единицы не всегда выступают в значении 'волнушка розовая', они могут называться как съедобные пластинчатые грибы вообще, так и другие конкретные виды пластинчатых грибов.

3) лексические единицы с корнем *-волн-* и его фонетическими вариантами широко распространены в северных русских говорах, но, как правило, тот или иной вариант данного корня закрепляется на определенной территории.

Литература

АОС – Архангельский областной словарь. Вып. 5 / Под ред. О.Г. Гецовой. М.: Изд-во МГУ, 1987.

Большая книга. Грибы / Авт.-сост. Н.Е. Макарова. М.: АСТ; Мн.: Харвест, 2009.

Меркулова В.А. Очерки по традиционной русской народной номенклатуре растений. Травы. Грибы. Ягоды. М.: Наука, 1967.

Новгородский областной словарь. Вып. 1 / Под ред. В.П. Строговой. Новгород: Изд-во Новгородского гос. пед. ин-та, 1992.

Областной словарь вятских говоров. Учебное пособие по русской диалектологии. Вып. 2 / Под ред. В.А. Бердинских. Киров: Кировская областная типография, 1997.

Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 4. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1979.

СВГ – Словарь вологодских говоров. Вып. 1. Вологда, 1983.

СГРС – Словарь говоров Русского Севера. Т. 2 / Под ред. А.К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002.

Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области. Вып. 1 / Под ред. Ф.Л. Скитовой. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1984.

Словарь пермских говоров. Вып. 2 / Под ред. А.Н. Борисовой и К.Н. Прокошевой. Пермь: Книжный мир, 2002.

СРГСПК – Словарь русских говоров севера Пермского края. Вып. 1 (А-В). Электронный макет.

Словарь русских говоров Южного Прикамья. Вып. 1 / Под ред. И.А. Подюкова. Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2010.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 5. Л.: Наука, 1970.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М.: Прогресс, 1986.

Т.Э. Поваляева (Орел)

Лексикографическая интерпретация инвективных зоометафор в словарях разных типов

Предметом нашего исследования являются негативно-оценочные зоометафоры, используемые в речи как инвективные. Выбор такого предмета связан с необходимостью использования

лексикографических источников разных типов при проведении лингвистических судебных экспертиз по делам об оскорблении.

Инвектива – это «резкое выступление против кого-, чего-либо; оскорбительная речь; брань, выпад» [Цена 2002: 284], в инвективе содержится резкая отрицательная оценка другого лица, выражаемая в скрытой или явной агрессии [см.: Осадчий 2007: 30-31]. Авторы книги «Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации» отмечают признаки, важные для характеристики слов при их отнесении к инвективным: «Инвективная лексика относится к сфере речи эмоционально повышенной, аффективной. Для такой речи исключительное значение имеют:

– ситуация конкретного речевого акта, в котором фигурируют экспрессивно-окрашенные слова и выражения или лексико-фразеологические единицы, наделяемы экспрессией под влиянием контекста эмоционально напряженной речи или аналогичной речевой ситуации;

– намерения (интенции) говорящего (пишущего). Эти интенции могут быть самыми разнообразными: от дружески-грубофамиллярных («амикошонских») до явно оскорбительных;

– социальное положение и социальные роли адресата (или объекта инвективы) и говорящего (пишущего)» [Цена 2002: 286].

К инвективной лексике относятся, прежде всего, «слова и выражения, употребление которых в общении нарушает нормы общественной морали. Это могут быть как слова жаргонные, диалектные, просторечные, так и слова, относящиеся к собственно литературному языку» [Бельчиков и др. 2010: 15]. В различных источниках по лингвистической судебной экспертизе выделяют следующие разряды потенциально инвективных слов, такие как: констатирующие номинации лица, обозначающие негативную с точки зрения интересов общества (или его большинства) деятельность, занятия, поступки, поведение кого-либо (*бандит, мошенник, проститутка*); слова, содержащие экспрессивную негативную оценку поведения человека без отношения к указанию на конкретную деятельность, обычно – с экспрессивной окраской публицистического характера (*предатель, ренегат*);

названия ряда профессий, которые в переносных значениях приобретают резко негативную оценку, обычно сопровождаемую экспрессией неодобрения, презрения и т.п. (*коновал, мясник*); зоосемантические метафоры, содержащие, как правило, негативные оценки адресата речи и грубую экспрессию неодобрения, презрения, пренебрежения и т.п. (*кобыла, свинья*); глаголы с осуждающим значением или прямой негативной оценкой (*хулиганить, прикармливать*); прилагательные с осуждающим значением или прямой негативной оценкой (*продажный, подлый*); эвфемизмы для слов первого разряда, сохраняющие тем не менее их негативно-оценочный характер (*женщина легкого поведения, падшее создание*); слова и словосочетания, в самом значении которых заключена негативная (бранная) оценка кого-либо как личности, с достаточно сильной негативной экспрессией и явной инвективной функцией (*дурак, гадина*); нецензурные слова, использованные в качестве характеристики определенного лица; специальные негативно-оценочные окказиональные образования, создаваемые с целью оскорбить, унижить адресата, подчеркнуть со стороны говорящего (пишущего) активное неприятие адресата, его деятельности, поступков, презрение к нему и т.п. (*коммуняка, дерьмократ*); ненормативные единицы из жаргонов, территориальных диалектов, просторечия (*растащилровка, вертухай*); пейоративные имена (*Колька, Люська* – в определенном контексте); диминутивы с суффиксами, придающими слову пренебрежительно-уменьшительный оттенок (*депутатишка, лекаришка*); сравнения с одиозными историческими и литературными персонажами [см., например: Бельчиков и др. 2010; Грачев 2009; Цена 2002 и др.]. Как видно из представленного списка, к одному из разрядов инвективной лексики относят зоометафоры, содержащие экспрессию неодобрения, презрения, пренебрежения.

Зоометафора или анималистическая метафора (от лат. *animal* «животное») – это «метафора, основанная на сравнении с животным» [Москвин: 396]. В основе негативно-оценочных зоометафор могут лежать различные представления (о внешности, поведении, образе жизни животного), с позиций юридической лингвистики, одной из функций инвективных зоометафор являет-

ся оскорбление человека (унижение чести и достоинства личности) в форме сопоставления его с каким-либо животным.

Рассмотрим некоторые особенности лексикографической интерпретации негативно-оценочных зоометафор на примере зоометафоры **козел**, которая, как показывает практика лингвистической экспертизы, довольно часто является предметом рассмотрения по делам об оскорблении.

В ходе исследования мы обращались к различным лексикографическим источникам, что позволило составить определенную картину употребления слова в словарях разных типов.

В ряде нормативных словарей, таких как «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой и четырехтомный «Словарь русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой, негативно-оценочная номинация **козел** как отдельное слово не фиксируется, а есть только не содержащее оценки наименование человека – игрока, проигрывающего в игре «в козла». В данных словарях слово **козел** приводится в составе устойчивых словосочетаний, таких как: **козел отпущения** – «о человеке, на которого постоянно сваливают чужую вину, ответственность за чужой проступок (первоначально козел у древних евреев, на которого особым обрядом возлагались грехи всего народа)», **драть козла** – «петь плохо, неприятным голосом», **пустить козла в огород** – «дать кому-л. доступ туда, где он может быть особенно вреден; допустить кого-л. к тому, из чего он и хочет извлечь корысть», **как от козла молока** – «о человеке бесполезном в каком-л. отношении» и др. [см.: СОШ: 281; МАС II: 68].

В «Большом академическом словаре русского языка» у слова **козел** фиксируется десять значений [БАС 8: 194-195], одно из которых агентивное, а именно: «О неумном, упрямом, неприятном в общении человеке». Слово в данном значении сопровождается пометами, которые указывают на метафорический характер слова (помета *переносное*), на то, что слово выходит за рамки литературного языка (помета *просторечное*), а также на инвективность слова (помета *бранно*). Та же помета отмечена у слова **козел** в «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова при значении «О человеке, вызывающем раздражение своей упорствующей глупостью» [ТС: 437]. Однако в

«Современном толковом словаре русского языка», опубликованном в 2008 году также под редакцией С.А. Кузнецова, слово в указанном значении уже отсутствует.

Представленная фиксация инвективной зоометафоры **козел** в словарях литературного языка уже сама по себе может свидетельствовать о том, что слово является ненормативным. Термин «ненормативная лексика» в практике лингвистической экспертизы используется для обозначения «того слоя, разряда слов и выражений, употребление которых в речи (устных и печатных текстах) нарушает нормы общественной морали, общепринятые в данном социуме представления о приличии / неприличии» [Цена 2002: 281]. И действительно, если обратиться к данным словарей, фиксирующих ненормативную лексику, то мы увидим, что анализируемое слово представлено гораздо шире, чем в словарях нормативных.

Так, в «Толковом словаре ненормативной лексики русского языка» Д.И. Квеселевича в словарной статье при слове **козел** отмечено четыре значения [ТСНЛ: 341], при первом из которых даны только устойчивые словосочетания **драть козла** – «плохо, фальшиво петь или играть на музыкальном духовом инструменте», **как (что) с козла молока** – «никакой пользы, никакого толку от кого-л., чего-л.», **козла дрочить** – «отнекиваться, притворяться непонимающим, разводиться канитель». Характерно, что в данном лексикографическом источнике указанные словосочетания сопровождаются пометами, указывающими на разную степень сниженности стилистической окраски и инвективности: **драть козла** – «*груб.-прост., неодобр.*», **как (что) с козла молока** – «*прост., пренебр.*», **козла дрочить** – «*вульг.*». Во втором значении слово зафиксировано как грубо-просторечное с прямым указанием в дефиниции на инвективный характер слова: «2. *груб.-прост.* Бранное слово по отношению к мужчине». Два из значений, представленных в данном словаре, отнесены автором к жаргону: «3. *жарг.* Доносчик. 4. *жарг.* Педераст».

Те же значения слова **козел** представлены в толковом словаре «Молодежный сленг» Т.Г. Никитиной: «3. Предатель, доносчик. 4. Гомосексуалист» [МС: 290], однако, в отличие от предыдущего источника, здесь слово дано в сопровождении по-

мет, указывающих не на сферу употребления слова (жаргон), а на эмоционально-экспрессивную окраску слова, которая, в свою очередь, различается в зависимости от значения: в значении «предатель, доносчик» слово отмечено как *презрительное*, в значении «гомосексуалист» – *пренебрежительное*.

В.С. Елистратов в «Толковом словаре русского сленга» отмечает слово **козел** как ругательство и указывает возможные варианты употребления инвективной зоометафоры в сочетаниях с некоторыми прилагательными (**вонючий**, **безрогий** и т.п.), при этом собственно толкование слова в данном словаре отсутствует [ТСРС: 178].

В «Большом словаре русской разговорной экспрессивной речи» толкования слова **козел** и устойчивые словосочетания, включающие зоометафору, даны более детализировано: «1. *Груб. бран. разг.-сниж.* О мужчине, вызывающем раздражение своим упрямством, глупостью, ненужностью. 2. *Презр. жарг.* Грубое оскорбление мужчины. Изначально – «пассивный гомосексуалист», часто произносится с усиленным акцентированием на «к»: *К-казел! Как от козла молока, сравнит. Неодобр. насмешл. разг.* О том, кто бесполезен в чем-л. **Козел вонючий!** *Груб. бран. вульг.* Оскорбительно о мужчине» [БСРРЭР: 262-263].

Наконец, в «Словаре русской брани» В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной слово **козел** представлено следующим образом: «1. *Вульг.-прост. Бранно.* Мерзкий, подлый, вредный мужчина. < Отрицательная оценка козла имеет древние метафорические и мифологические корни и связана как с его физиологическими качествами (напр., дурной запах и похотливость), так и с представлениями о козле как одном из воплощений дьявола (ср. античного козлоногого *Пана*, русского *черта* с козлиными копытами и т.п.). ♦ **Безрогий козел.** *Вульг.-прост., бранно.* О гнусном, мерзком, но не способном принести значительного ущерба человеку. **Вонючий козел.** *Вульг.-прост., бранно.* О дрянном, злобном и вредном человеке. **Козел ебанный (недоебанный).** *Общ. Вульг.-прост. Бранно.* О мерзком, гнусном человеке. **Козел недоебанный.** *Грубо-прост. Бранно.* О дрянном, злобном и вредном человеке. **Козел облезлый.** *Вульг.-прост. Бранно.* О мерзком, гнусном,

обычно старом, потрепанном человеке. **Упрямый козел.** *Вульг.-прост. Бранно.* Об упрямом, несговорчивом человеке и др.

2. Похотливый, сладострастный мужчина.

3. Вонючий мужчина.

4. *Жарг.* Тяжкое оскорбление в преступной среде. Делать / сделать козлом кого. *Жарг.* 1. Совершать насильственный акт мужеложества с кем-л. 2. Распускать слух о связях кого-л. с милицией.

5. *Жарг.* Пассивный гомосексуалист.

6. *Жарг.* Преследуемый и презираемый заключенный.

7. *Жарг.* Доносчик, осведомитель.

8. *Жарг.* Заключенный, добровольно сотрудничающий с ИТУ.

♦ **Бородатый козел.** *Вульг.-прост. Презр. Бранно.* О бородатом человеке. **Горный козел.** *Жарг. Ирон.* О кавказце. **Козел недопущения.** *Вульг.-прост. Нов. Редко. Ирон.* О человеке, долго таящем обиды. < Каламбурный вариант оборота *козел отпущения*» [СРБ: 171].

Картина лексикографической интерпретации зоометафоры **козел** указанными лексикографическими источниками не ограничивается. Однако уже приведенные сведения позволяют нам прийти к некоторым выводам.

Употребление в речи негативно-оценочных зоометафор по отношению к конкретному лицу в практике лингвистической экспертизы рассматривается как оскорбление, при этом следует учитывать намерения говорящего, которые могут быть установлены только в связи с конкретной ситуацией. Открытым остается вопрос о том, как следует учитывать социальное положение и социальные роли адресата (или объекта) инвективы и говорящего (пишущего), а также как определить, употребление каких именно слов и выражений в речи нарушает нормы общественной морали, и где критерии, определяющие границы этих норм приличия. При обращении к лексикографическим источникам приходится признать: в рассмотренном нами случае нормативные словари оказываются практически бесполезными. Даже сама трактовка слова, например, в «Большом академическом словаре русского языка» («О неумном, упрямом, неприятном в общении человеке»)

или в «Большом толковом словаре русского языка» («О человеке, вызывающем раздражение своей упорствующей глупостью»), несмотря на представленную помету *бранно*, вряд ли отвечает тому значению, которое реализуется при реальном употреблении слова в качестве оскорбления. Но и словари ненормативной лексики дают весьма пеструю картину, как в плане семантической интерпретации слова, так и плане стилистического и эмоционально-экспрессивного его представления. При такой неоднозначной трактовке единственным прямым показателем инвективного характера слова следует считать размещение при слове пометы «бранное» или указание на бранный характер слова в его дефиниции. Именно такой показатель в той или иной мере представлен в большинстве приведенных источников, что, собственно, и позволяет отнести негативно-оценочную зоометафору *козел* к оскорбительной (в правовом отношении) лексике.

Литература

Бельчиков Ю.А., Горбаневский М.В., Жарков И.В. Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ. М., 2010.

Грачев М.А. Лингвокриминалистика. Нижний Новгород: Нижегородский государственный университет им. Н.А. Добролюбова, 2009.

Осадчий М.А. Правовой самоконтроль оратора. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007.

Цена слова: Из практики лингвистических экспертиз текстов СМИ в судебных процессах по искам о защите чести, достоинства и деловой репутации / Под ред. проф. М.В. Горбаневского. 2-е из., испр. и доп. М.: Галерея, 2002.

БАС – Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. К.С. Горбачевич. Т. 8. М., СПб.: Наука, 2007.

БСРРЭР – Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: Норинт, 2004.

БТС – Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000.

МАС – Словарь русского языка. В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. Т. II. М.; Рус. яз., Полиграфресурсы, 1999.

Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи: Тропы и фигуры. Терминологический словарь. 3-е изд. Ростов-на-Дону: Феникс, 2007.

МС – Никитина Т.Г. Молодежный сленг: Толковый словарь: более 12000 слов: свыше 3000 фразеологизмов. М.: Астрель: АСТ, 2003.

СОШ – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999.

СРБ – Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Словарь русской брани: матизмы, обцензизмы, эвфемизмы: 4400 слов и 4000 устойчивых сочетаний. СПб.: Норинт, 2004.

СТС – Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., М.: Рипол-Норинт, 2008.

ТСНЛ – Квеселевич Д.И. Толковый словарь ненормативной лексики русского языка: ок. 16000 слов. М.: Астрель: АСТ, 2005.

ТСРС – Елистратов В.С. Толковый словарь русского сленга. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005.

М.В. Подскребко (Санкт-Петербург)

Синонимия в русском языке XIX века: *дикий* – *мрачный* – *темный* (на материале романтической прозы)

Исследователи русского языка по памятникам второй половины XVIII-XIX вв. (З.М. Петрова, Л.И. Шощкая и др.) отмечали, что формирование синонимии в текстах указанного периода сыграло ключевую роль в складывании русского литературного языка. Особо актуальным данное наблюдение является для имен прилагательных, поскольку именно эта часть речи переживала процесс становления в XVIII-нач. XIX вв.

Романтизм как новое течение литературы на рубеже веков стал одним из важнейших факторов в оформлении прилагательного как части речи. Как отмечала З.М. Петрова, «важнейшим

результатом семантического развития класса имен прилагательных явилось выдвижение эпитета на ведущее место в системе как индивидуальных художественных средств, так и типичных, определивших основные направления развития русской прозы и поэзии допушкинского периода. В поэтических и прозаических произведениях особенно часто наблюдается формирование переносных значений прилагательных» [Петрова 1983: 373].

В данной статье представлены результаты анализа прилагательных *дикий – мрачный – темный*, образующих лексические ряды с данными единицами в составе. Материалом для исследования послужили тексты русских писателей-романтиков Е.А. Баратынского, К.Н. Батюшкова, А.А. Бестужева-Марлинского, В.Т. Нарезного, В.Ф. Одоевского, А. Погорельского, В.П. Титова, О.П. Сомова, а также ранние повести Н.В. Гоголя. Функционирование указанных слов в отобранных контекстах рассматривалось с привлечением данных «Словаря русского языка XVIII века» (далее – СРЯ XVIII), «Словаря церковнославянского и русского языка» 1847 года, «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Даля и материалов Картотеки СРЯ XVIII.

В литературе, посвященной исследованию русского литературного языка данного периода, особое внимание уделялось языку романтической поэзии, а также изучению стиля, прежде всего, таких авторов, как А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, В.А. Жуковский, в то время как язык романтической прозы в целом анализировался сравнительно мало. Между тем, он достоин более пристального, детального рассмотрения, поскольку, с одной стороны, именно малоизвестные произведения или малоизученные тексты известных авторов могут отражать «новые языковые веяния... еще до того как они получают авторитетное, окончательное признание выдающимися мастерами слова» [Шоцкая 1979: 39]. С другой стороны, в них закрепляются и развиваются те или иные неологизмы, благодаря авторитету писателя.

Представляется важным рассмотреть функционирование указанных прилагательных именно в составе «лексических рядов», так как использование синонимии как стилистического средства позволяет «ярче оттенить значение каждого из компо-

нентов лексического ряда, поскольку они с большей четкостью и определенностью взаимно подчеркивают присущие им оттенки в данном употреблении» [Шоцкая 1970: 110], и тем самым с большей очевидностью проследить изменения в семантике конкретного прилагательного.

Рассматриваемые прилагательные *дикий* – *мрачный* – *темный*, по данным СРЯ XVIII и его Картотеки, сформировали разветвленную систему значений уже к началу XIX века. Прилагательное *дикий* в лексикографической фиксации начала XVIII века [Поликарпов 1704: 43] представлено одним значением ‘*не прирученный человеком, неодомашненный (о животных)*’. Уже в конце века САР¹ отмечает следующие значения: 1. То же что дикий. *Дикие яблоки, плоды*. 2. Неручной, непривыкший, неприрученный к человеческому общежитию. 3. Необходительный, грубый, не знающий обращения. 4. *Говоря о месте, ненаселенный, необитаемый, пустынный. 5. *Станный, чудный, необычный. Последние два значения у слова САР¹ выделяет в качестве переносных [САР¹ 1790: 667].

Обратимся к рассмотрению особенностей употребления прилагательного *дикий* в синонимических рядах. В отобранных нами контекстах (около ста контекстов) мы наблюдаем некоторые изменения в использовании слова как в его основных, так и переносных значениях, по сравнению с употреблением прилагательного в текстах XVIII века. Динамика проявляется в расширении сочетаемости, поскольку *дикий* начинает использоваться в качестве эпитета для характеристики довольно большой группы явлений и предметов: а) лицо, глаза (*дикий, неподвижный взор; лица суровые, дикие*); б) явления природы (*дикое, необитаемое ущелье; пустыня дикая, мрачная*); в) звуки (*дикий, неистовый вопль радости*; в песнях — *нечто суровое, мрачное, дикое*); г) качества, свойства, состояния человека (*дикая, необразованная, распутная девка; султан дик и мрачен*). Например: *Георгій противъ обыкновенія вышелъ изъ своей комнаты, и сидель въ сеняхъ, поджавши ноги, въ созерцаіи ужасной картины; тело его казалось прямее, лице важно, быстрые глаза были неподвижны, горели дикимъ, роковымъ светомъ* [Титов 1837: 42].

СРЯ XVIII фиксирует прилагательное *дикий* как многозначное слово. В рамках первого значения '*находящийся в первобытном, природном состоянии*' [СРЯ XVIII 1991: 130] словарь отмечает три оттенка. При оттенке '*свойственный не прирученному животному; свирепый, злой или пугливый, робкий*' дано устойчивое сочетание *как дикий зверь*. Данное образное сравнение использовалось для характеристики человека. Одним из наиболее распространённых механизмов образования новых значений и оттенков у прилагательных исследователи считают метафорический перенос. В этом конкретном случае наблюдается перенос признака, присущего животному, на человека. В результате действия данного механизма формируется новый оттенок значения, который (безотносительно денотата) фиксирует Словарь Даля '*свирепый, необузданный*' [Даль: 387]. Отмечено, что у качественных прилагательных наблюдается более высокая степень абстракции, нежели у отсубстантивных прилагательных: при переносе признак абстрагируется не от предмета, а от другого признака [Петрова 1983: 310].

Указанный оттенок прилагательное *дикий*, как показывают отобранные контексты, реализуется у авторов XIX века при синонимических отношениях с прилагательными *буйный, безумный, бешеный, запальчивый, мстительный, несправедливый, непреклонный*, например: *Для снятия паутины и сметения пыли с изображений употреблялась единственная дочь его Евдокия, которая столько же была кротка, приятна, обходительна, сколько безумен и дик отец ее* [Нарежный]. Стоит отметить, что БАС выделяет данный оттенок уже как отдельное, самостоятельное значение '*неудержимый, необузданный*' [БАС 1954: 784-785].

В рамках данного значения СРЯ XVIII указывает также на употребление '*глухой, пустой, необитаемый, не обжитой человеком*'. Подобное употребление, как свидетельствуют тексты XIX века, получает дальнейшее развитие. Механизм закрепления данной семантики на уровне оттенка наблюдается при формировании соответствующих синонимических связей. В сочетании с прилагательным *дикий* в синонимических рядах встречаются *непосещаемый, бесплодный, безлюдный, безыскусственный* (при описании природы); *мрачен, пасмурен* (при описании человека).

Отобранные языковые факты позволяют предположить, что данное употребление в первой трети XIX века закрепляется как оттенок значения, который может иметь как положительную, так и отрицательную окраску: *Северные народы с избытком одарены воображением: сама природа, дикая и бесплодная, непостоянство стихий и образ жизни, деятельной и уединенной, дают ему пищу* [Батюшков: 102]; *И сколько чудных, но диких, но и безыскусственных красот может представить слог, выброшенный прямо из души* (автор сопоставляет душу поэта с горным пейзажем) [Бестужев-Марлинский: 293].

Третий оттенок ‘суровый, мрачный, первозданный (о романтическом пейзаже)’, судя по материалам Картотеки, формируется в самом конце XVIII века – в литературе предромантизма: *Дикие, мрачные берега* [Карамзин: 87] – и продолжает развиваться уже в текстах XIX века, расширяя как свою сочетаемость, так и круг синонимичных связей: *мрачный, грозный, величавый, суровый, прелестный, живописный*. Например: *...как дика, и величавая, и грозная являлась там природа, но еще грозней стала она от вражды человека* [Бестужев-Марлинский: 115].

Второе значение прилагательного *дикий*, зафиксированное в СРЯ XVIII, – ‘*первобытный или стоящий на низких ступенях общественного развития (о народе, племени)*’. В романтической прозе XIX века *дикий* продолжает употребляться в этом значении, устанавливая синонимические отношения со словами *зверский, грозный, свирепый, суровый, лихой*. Так, например: *Народы иноплеменные, дикие и грозные толпы, скитавшиеся среди гор Днепровских, познали благо общежития и покорили умы свои Кию, мудрому князю Полянскому* [Нарежный]; *Глаза их загораются; темнокрасный цветъ внутренности палатки отражается на ихъ лицахъ суровыхъ, диких* [Титов 1837: 110].

В третьем значении *дикий* ‘странный, непривычный, необычный’ СРЯ XVIII выделяет оттенок ‘неестественный, устрашающий’. Материалы Картотеки позволяют утверждать, что *дикий* в данном значении употреблялся в основном для характеристики взгляда или голоса: *Тогда услышали мы дикий голос, который точно походил на крик умирающего человека* [Чулков 1789: 35]. В текстах XIX века для подобного употребления

прилагательного *дикий* характерны синонимические ряды со словами *пронзительный, огненный, мрачный, роковой, безумный, охрипший, нечеловечий, неприятный*. В исследуемом материале *дикий* расширяет свою сочетаемость, начиная употребляться также и для описания лица героя. Например: *по (лицу мачехи) проскальзывало что-то столь неприятное, столь **дикое**, что каждый тотчас спешил перенести встревоженный взгляд свой на веселенькое личико дочери* [Гоголь].

Проанализировав употребления прилагательного *дикий* как в прямых, так и в переносных значениях, мы можем сделать вывод относительно активного развития контекстуальных синонимических связей данного прилагательного и на этой основе формирования «устойчивых» сочетаний-формул с прилагательными *мрачный, суровый, грозный*. Так, одним из первых авторов, в чьих произведениях встречаются подобные формулы, стал Н.М. Карамзин; вслед за ним писатели-романтики дополнили и развили данное употребление.

Столь же динамичным было развитие в языке произведений писателей-романтиков семантики прилагательного *мрачный*. Данная лексема употребляется ими для характеристики следующих групп понятий и предметов: а) глаза (*мрачные, помертвелые глаза*); б) явления природы (*мрачные, бешеные волны; земля мрачна и угрюма*); в) звуки (*слышится нечто мрачное, глухое; глубокое, мрачное молчание*); г) чувства (*мрачное, ужасное чувство*); д) состояния человека (*важный и мрачный Данте; Агарев мрачен и печален*); е) абстрактных понятий (*мрачные, таинственные мысли*). В сравнении с прилагательным *дикий* лексема *мрачный* охватывает более широкий круг понятий: *...я скоро стал смеяться над своими прежними страхами, удалил от себя все **мрачные**, таинственные мысли и наконец уверился, что вся тайна скрывается в моей физической организации* [Одоевский: 26].

СРЯ XVIII выделяет следующие значения у слова *мрачный*:

1. Погруженный во мрак, окутанный мраком, темный, сумрачный.
2. Пребывающий в угнетенном, подавленном состоянии, испытывающий чувство тоски, безнадежности.
3. *Перен.* Безрадостный, тяжелый; производящий гнетущее впечатление

[СРЯ XVIII 2003: 157-158]. Подробный анализ употреблений прилагательного *мрачный* дан З.М. Петровой, которая выделяет несколько принципиальных особенностей его развития на протяжении XVIII века. Как показала исследовательница, с 40-х гг. XVIII века расширяется сочетаемость слова, его семантика обогащается новыми оттенками, связанными с выражением грусти и печали; в последнее десятилетие века слово становится ключевым эпитетом предромантизма и обретает самую широкую сочетаемость, характеризуя обширный круг предметов, например: *Большой зеленый луг, обсаженный деревьями и называемый звездой, мне очень понравился; но еще более понравились мне дикие, мрачные берега стремительно текущего ручья* [Карамзин: 87].

В текстах указанных авторов XIX века *мрачный* сохраняет сложившуюся в XVIII веке систему значений, оставаясь одним из ключевых эпитетов в прозе романтизма. В то же время писатели-романтики усиливают эмоциональность и художественную выразительность описаний, расширяя и конкретизируя семантику *мрачный* путем использования синонимических рядов с прилагательными *темный, резкий, бешеный, дикий, неясный, неопределенный, угрюмый, бесконечный, убийственный, впалый, помертвелый*, например: *...когда все гласы, все громы сольются воедино и составят нечто **мрачное**, неопределенное и беспреданно возрастающее, – эту минуту поэт описывает с необыкновенной верностью...* [Батюшков 1989: 67].

Сопоставив данные СРЯ XVIII, наши материалы, а также данные БАС, мы можем отметить, что система значений данного слова практически не менялась на протяжении всего указанного периода времени, однако реализация данных значений имела свою специфику в конкретных текстах, проявляясь в развитии новых смысловых оттенков, особом употреблении и расширении сочетаемости прилагательного *мрачный*.

Что касается употребления прилагательного *темный* в анализируемых текстах, то можно отметить, что оно использовалось для характеристики следующих предметов, явлений: а) лицо (*темную, суровую физиогномию*); б) природа (*темная, гладкая поверхность вод; темная, дождливая ночь*); в) абстрактные понятия (*безотчетное, темное чувство веры; темное, беспред-*

метное недовольство): *Он радовался, как ребенок, которого нога соскользнула было в глубокий колодец и который, удачно спасшись от смерти, все еще стоит на срубе колодца и весело смотрит на темную, гладкую поверхность воды* [Сомов].

Таким образом, рассмотрев функционирование прилагательных *дикий – мрачный – темный* в произведениях романтической прозы первой половины XIX века в сопоставлении с данными словарей, можно сделать некоторые предварительные выводы.

Наши наблюдения над употреблением указанных прилагательных позволяют отметить следующую динамику: расширение сочетаемости, установление устойчивых синонимических отношений и контекстуальных связей, появление под влиянием этих связей дополнительных новых, часто «неявных» оттенков смысла, выделение в качестве самостоятельных оттенков уже сложившихся ранее употреблений.

Литература

Батюшков К.Н. Опыты в стихах и прозе. Т. 1. М., 1989.

Бестужев-Марлинский А.А. Кавказские повести. СПб.: Наука, 1995.

Гоголь Н.В. Сорочинская ярмарка (1831-1832). Цит. по <http://www.ruscorpora.ru>

Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Ч. 2. СПб., 1797.

Нарежный В.К. Славенские вечера. (1809). Цит. по <http://www.ruscorpora.ru>

Одоевский В.Ф. Косморама (1839). Цит. по <http://www.imwerden.de>

Петрова З.М. Развитие лексического состава русского языка XVIII века (имена прилагательные). Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Л., 1983.

Сомов О.М. Сказки о кладах (1829). Цит. по <http://www.ruscorpora.ru>

Титов В.П. Неправдоподобные рассказы Чичероне дель К...о. Ч. 1. СПб., 1837.

Чулков М.Д. Пересмешник, или Славенские сказки. 3-е изд. с поправлением. Ч. 1. М., 1789.

Шоцкая Л.И. Семантические изменения в лексике русского литературного языка в первой половине XIX в. // Вопросы лексической и фразеологической семантики: Межвуз. сб. науч. тр. Ростов на-Д., 1979. С. 37-45.

Шоцкая Л.И. Синонимы в лексических рядах (на материале художественной прозы 30-40-х годов XIX века) // Синонимия в языке и речи. Новосибирск, 1970. С. 107-121.

БАС – Словарь современного русского литературного языка. Т. 3. М.-Л.: Наука, 1954.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 1863.

Картотека Словаря русского языка XVIII века (СПб., ИЛИ РАН).

Поликарпов Ф.П. Лексикон треязычный. Сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище. М., 1704.

САР¹ – Словарь Академии российской. Ч. 1-6. СПб., 1789-1794.

СРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII века. Вып. 6. М.-Л.: Наука, 1991; Вып. 13. СПб., 2003.

Словарь церковно-славянского и русского языка. Т. 1. СПб., 1847.

А.С. Поляков (Орел)

К проблеме лексикографического описания ненормативной этнонимии

Этнонимы – это названия различных видов этнических общностей, племен, племенных союзов, родов и т.п. [Лингвистический...: 598]. Этнонимы могут иметь литературный характер – это названия этнических групп, утвержденные в литературном языке как официально принятые и употребляемые в межнациональном общении. В русском языке у наиболее употребительных

этнонимов может существовать по несколько ненормативных синонимов, которые служат для передачи отношения говорящего к представителям именуемого этноса, при этом характер этого отношения может варьироваться от шуточного до резко неодобрительного и оскорбительного. Объектом нашего исследования является ненормативная этнонимика, под которой понимаются неофициальные названия представителей этносов, выходящие за пределы литературной нормы. Для подобных языковых единиц используются различные термины, такие как: «прозвищные этнонимы», «этнические клички», «пейоративные этнонимы», «вторичные этнонимы», «экспрессивные этнонимы» и др. [см.: Березович 2007; Грищенко, Николина 2006; Грищенко 2007].

Предметом нашего исследования являются ненормативные этнонимы, содержащие негативную оценку представителей называемых этносов. Для таких этнонимов в западной традиции используются термины «этнофолизм» и (реже) «эктроним» [см.: Грищенко, Николина 2006: 175]. В.И. Жельвис относит такие этнонимы к ксенофобским прозвищам и кличкам, т.е. к брани, оскорбляющей чужую нацию [см.: Жельвис 2000: 194-206], О.Н. Матвеева использует термин «национал-инвективы» [см.: Грачев 2009: 41].

Использование негативно-оценочных ненормативных этнонимов в речи является одним из эксплицитных способов проявления враждебного отношения говорящего к представителям того или иного этноса. Здесь мы остановимся на ненормативном этнониме **чурка**, который является одним из наиболее употребительных в речи многих слоев населения для обозначения выходцев из Кавказа и Средней Азии. Обращаясь к различным лексикографическим источникам, мы составили следующую картину представления слова в словарях разных типов.

Первая особенность, которую мы отметили, заключается в том, что в различных лексикографических источниках данная лексема в интересующем нас значении может быть как зафиксирована, так и не зафиксирована вовсе, что, видимо, диктуется различными авторскими соображениями. Так, в «Голковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой в словарной статье к слову **чурка** зафиксировано только одно прямое

значение, а именно: «короткий обрубок дерева» [СОШ: 890]. Четырехтомный «Словарь русского языка» также не дает никакого представления о переносных значениях данного слова [см.: МАС 4: 694]. В семнадцатитомном «Словаре современного русского литературного языка» обнаруживаем второе значение, данное с пометами *переносное* и *просторечное*: «О малоподвижном или бесчувственном и глупом человеке», а также дается устойчивое сочетание «чурка с глазами», помеченное как *бранное* [БАС 17: 1206]. Следует отметить, что том нового издания Большого академического словаря, содержащий слова на букву «Ч», как известно, на данный момент еще не вышел в свет. Есть вероятность, что интересующее нас значение будет включено в соответствующую статью. Однако его отсутствие будет не менее закономерным и оправданным, чем его наличие, поскольку речь идет о нормативном словаре, фиксирующем литературный русский язык. Отсутствие языковой единицы в словарях литературного языка (во всех или в некоторых из них) косвенно указывает на ее ненормативность.

Следует отметить, что наш интерес к данному разряду лексики и ее отражению в словарях вызван возможностью практического применения теоретических и лексикографических источников в практике проведения лингвистических экспертиз по делам о возбуждении национальной ненависти и вражды. Однако использования одних только нормативных словарей при работе эксперта недостаточно. По поводу относительной пригодности обычного толкового словаря в качестве источника для выяснения смыслового содержания спорного текста исследователи отмечают: «Толковый словарь – не источник сведений о бранности того или иного слова, если вспомнить, какими принципами руководствуются лексикологи – описание словарного состава литературного языка» [Сперанская 1999: 95]. И действительно, в издании 2000 года «Большого толкового словаря русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова слово **чурки** фиксируется с пометой «*грубо*» в значении: «О жителях Средней Азии» [БТС: 1487]. Характерно, что в «Современном толковом словаре русского языка», изданном восемью годами позже под редакцией также С.А. Кузнецова, данное значение не фиксируется [см.: СТС: 930]. Есть основания

считать это явление не случайным, образно выражаясь, к концу десятилетия ненормативный этноним получил статус «вне закона».

Перейдем к ненормативным словарям. Важная информация для лингвиста-эксперта содержится в пометах, даваемых к словарной статье. Однако может оказаться так, что при слове, имеющем явный негативно-оценочный и бранный характер, какие-либо пометы вообще отсутствуют. Именно с этим мы и столкнулись, обратившись к «Толковому словарю русского сленга» В.С. Елистратова. Интересующее нас значение слова **чурка** здесь определено как «житель Кавказа, Закавказья и Средней Азии», автор приводит также пояснение о возможном происхождении слова в данном значении: «возм. через *уг.* или *арм.* (о военнослужащих из азиатских республик бывшего СССР)» [ТСРС: 470-471]. Сам факт наличия слова в словаре ненормативной лексики указывает на его потенциальную негативную коннотацию, однако без экспрессивных (или хотя бы стилистических) помет невозможно точно установить, считает ли автор словаря возможным отнести слово к разряду оскорбительных для представителей именуемых этнических групп.

В других лексикографических источниках пометы при интересующем нас значении слова **чурка** представлены следующим образом. В «Толковом словаре ненормативной лексики русского языка» Д.И. Квеселевича в словарной статье при слове **чурка** – «прозвище кавказцев и жителей Средней Азии» – даются пометы *просторечное* и *пренебрежительное* [ТСНЛ: 975]. В «Большом словаре русской разговорной экспрессивной речи» при слове **чурка** в значении «о коренном жителе Кавказа или Средней Азии» помещено пояснение: «оскорбительное сравнение с обрубком бревна из-за плохого знания русского языка и обычно вследствие этого непонятливости человека, раздражающей говорящего» [БСРРЭР: 718]. В данном источнике при слове дан целый комплекс помет: стилистическая помета *разговорно-сниженное* указывает на стилистическую ограниченность употребления слова, пометы *уничижительное*, *презрительное* и *бранное* говорят о высокой степени инвективности слова, при этом помета *бранное* является прямым указанием на функцио-

нальное использование слова именно в качестве бранного с целью оскорбления адресата речи. Такая помета дана при слове **чурка** и в «Словаре русской брани» В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной (здесь имеются также пометы *грубо-просторечное* и *презрительное*): «об азиате, кавказце» [СРБ: 386], а также в «Большом словаре русских прозвищ», где одно из значений слова **чурка** – «прозвище коренного жителя Кавказа или Средней Азии» – сопровождается следующим пояснением: «из речи уголовников, жаргонизированная разговорная речь, бранное» [БСРП: 607]. Отдельно отметим, что по поводу презрительного характера высказывания М.А. Осадчий пишет: «Чувство презрения мы испытываем к людям, которых ставим ниже себя по социальному или интеллектуальному параметру. ... Презрительная ... фраза не просто выражает отрицательную оценку, но и принижает адресата речи, осмеивает его. Именно презрительность, уничижительность и может быть сочтена судом “оскорбительной эмоциональной окраской”» [Осадчий 2007: 44].

Само слово **чурка** – только начальная точка, от которой отталкивается народное словотворчество. В тех же словарях, к которым мы обращались в ходе исследования, зафиксированы слова **чуркестан** / **чуркистан** и **чуркестанец**. Они образованы по продуктивной модели, известной литературному языку: Таджикистан → таджикстанец; Узбекистан → узбекистанец и т.п. В «Большом толковом словаре русского языка» при слове **чуркестан** / **чуркистан** даются два значения: первое, с пометой *пренебрежительно*: «в СССР: о республиках Средней Азии»; второе, с пометами *собирательное* и *грубо*: «о жителях этих республик» [БТС: 1487]. Уничижительная окраска слова **чуркестан** отмечена в «Большом словаре русской разговорной экспрессивной речи», где при слове размещены пометы *грубо*, *уничижительно*, *разговорно-сниженное*. На словообразовательные особенности указывает данное после дефиниции пояснение «пародийное образование по модели Туркменистан, Узбекистан и др., которые якобы населяют ЧУРКИ» [БСРРЭР: 718]. Как уже отмечалось, в «Толковом словаре русского сленга» В.С. Елистратова пометы к интересующим нас словарным статьям либо не даны вовсе, либо даны непоследовательно. Кроме того, в дефинициях родственных слов

обнаруживаются расхождения. Так, значение слова **чурка** (в качестве этнонима) согласно данному словарю таково: «житель Кавказа, Закавказья и Средней Азии» [ТСРС: 470]. Следующее сразу за этнонимом **чурка** слово **чуркестан** дано в значении «южные республики бывшего СССР (чаще о республиках Средней Азии)», а слово **чуркестанец** – «южанин, азиат» [ТСРС: 471]. Непонятно, почему в значениях производных слов потерялся компонент, связанный с Кавказом и Закавказьем?

Следует отметить, что слово **чуркестан** – единственное производное слово, зафиксированное в рассмотренных нами лексикографических источниках. Однако в речи фиксируется гораздо большее количество производных слов, детальное рассмотрение которых требует углубленного анализа, поэтому ограничимся только приведением некоторых примеров, почерпнутых нами из Интернета (см. список Интернет-источников): *Мы вместе с чурой жрем мясо белого медведя(сало)* [1]; *Чурканы – Дагестанский рэп* [2]; *Ну а где народ то, типа русские мужики которые должны были попросту смять чуркеноса... Хотя, о чем я* [3]; *Слонищеее!: ... ЧУРКИЩЕ!* [4]; *Чуркобес избил мать троих детей* [5]. Приведенные примеры и другие потенциально возможные отэтнонимные образования составляют словообразовательное гнездо. Не исключено, что в Интернете можно найти еще много примеров производных слов, ведь словотворчество и языковая игра – очень распространенные и активные процессы в сетевом общении.

В заключение отметим: в необходимости составления словаря экспрессивных этнонимов русского языка исследователи не сомневаются [см., например: Грищенко 2006: 707-710], как не сомневаются и в применении именно гнездового принципа в таком словаре. При этом, по нашему мнению, имеет смысл очертить более узкий круг ненормативной этнонимии, а именно – содержащий только национал-инвективы. Именно такая, более узкая группа лексики может и должна быть описана в специализированном словаре, предназначенном для узко профессиональных целей проведения лингвистической судебной экспертизы по вопросам разжигания межнациональной розни. Экстремизм как социальное явление несет в себе огромную общественную опас-

ность, а унижение достоинства человека по национальному признаку является противоправным деянием экстремистского характера. Употребление в речи любого из ненормативных этнонимов может стать предметом судебного разбирательства, что, в свою очередь, может повлечь за собой необходимость проведения судебной лингвистической экспертизы. Причины и цели составления словаря национал-инвектив для лингвиста-эксперта очевидны: при проведении лингвистической экспертизы необходимы ссылки на лексикографические источники, но что делать, если исследуемого слова в словарях нет или наблюдаются значительные для решения задач лингвистической экспертизы расхождения в описании слова (даже в пределах одного словаря)? Огромное количество материала ожидает лексикографического описания в специализированном словаре без допущения непоследовательностей в содержании словарных статей.

Литература

Березович Е.Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования. М.: Индрик, 2007.

Грачев М.А. Лингвокриминалистика. Нижний Новгород: Нижегородский государственный университет им. Н.А. Добролюбова, 2009.

Грищенко А.И. Принципы составления словаря экспрессивных этнонимов русского языка // Проблемы семантики языковых единиц в контексте культуры (лингвистический и лингвометодический аспекты): Международная научно-практическая конференция 17-19 марта 2006 г. М., ООО «Издательство “Элпис”», 2006. С. 707-710.

Грищенко А.И., Николина Н.А. Экспрессивные этнонимы как приметы языка вражды // Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте современности: Коллективная монография / Отв. ред. И.Т. Вепрева, Н.А. Купина, О.А. Михайлова. – Труды Уральского МИОНа. Вып. 20. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. С. 175-187.

Жельвис В.И. Слово и дело: юридический аспект сквернословия // Юрислингвистика-2: русский язык в его

естественном и юридическом бытии: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. С. 195-206.

Осадчий М.А. Правовой самоконтроль оратора. М.: Альпина Бизнес Букс, 2007.

Сперанская А.Н. Оскорбление словом в обыденном и правовом сознании носителей русского языка // Юрислингвистика: проблемы и перспективы: Межвуз. сб. научных трудов / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 91-98.

БАС – Словарь современного русского литературного языка. В 17-ти т. Т. 17. М., Л.: Наука, 1965.

БСРП – *Вальтер Х., Мокиенко В.М.* Большой словарь русских прозвищ. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007.

БСРРЭР – Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: Норинт, 2004.

БТС – Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2002.

Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990.

МАС – Словарь русского языка. В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз., Полиграфресурсы, 1999.

СОШ – *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 1999.

СРБ – *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Словарь русской брани: матизмы, обсценизмы, эвфемизмы: 4400 слов и 4000 устойчивых сочетаний. СПб.: Норинт, 2004.

СТС – Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., М.: Рипол-Норинт, 2008.

ТСНЛ – *Квеселевич Д.И.* Толковый словарь ненормативной лексики русского языка: ок. 16000 слов. М.: Астрель: АСТ, 2005.

ТСРС – *Елистратов В.С.* Толковый словарь русского сленга. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005.

Интернет-источники

<http://www.slovonovo.ru/term/Чура>
<http://www.zaycev.net/pages/693/69380.shtml>
<http://www.dpni.su/forum/showthread.php?t=459>
<http://4atec.net/945.html>
<http://www.dpni.su/forum/showthread.php?t=4599>

Е.А. Рогожникова (Пермь)

Отражение «магической» семантики глагола *чертить* и его дериватов в диалектных словарях

В ходе изучения корневой группы **-черт-** мы выяснили, что в говорах широкое распространение имеет «магическая» семантика слов с данным корнем. Однако отмечено это далеко не на всей территории страны. «Магическая» семантика глагола **чертить** зафиксирована «Словарем русских говоров Среднего Урала», «Словарем русских говоров Новосибирской области», «Словарем русских говоров Сибири», «Словарем вологодских говоров» и словарями русских говоров Пермского края. Повидимому, это связано с тем, что многие диалектные словари еще не дошли до буквы «Ч», но вполне возможно, что такая семантика существует локально. Отметим также, что в материалах картотеки «Словаря русских народных говоров» (далее – СРНГ) глаголов с корнем **-черт-**, имеющих «магическую» семантику, нами не обнаружено.

Носители русских говоров севера Пермского края глаголом **чертить** называют действие, относящееся к лечебной магии. Значение его такое: ‘излечивать магическим способом, проводя чем-либо по телу больного’: *Чертили руками. Рукой, телом своим лечат* [Акчим VI: макет] *Слова говорит и чертит рукой с головы до ног и всё слова говорит и рукой водит* или *Знахарка нам стаканом чертит* [КСРГСПК]. В «Словаре пермских говоров» есть глагол **начертать** со значением ‘заговорить больное место, дополнительно обведя его пальцем, крестом, камнем и пр.’: *Она*

мне галечкой какой-то начертала по животу [СПГ I: 580]. В Акчимском словаре есть похожий глагол **начерти'ть** 'с верой в исцеляющую силу знахарских действий поводить крестообразно (угольком, медвежьим когтем и т.п.) по больному месту': *Она ему начертила – и всё прошло* [Акчим III: 59]. В русских говорах Коми-Пермяцкого округа данная семантика также представлена: *У нас бабушка Матвиixa тут жила, вот она зубы заговаривала. Она мне коточком (это лапти которым раньше плели) почертила, потом этот коточик, на полу тут сучок, об сучок постучит, постучит, опять поводит. А потом уже ножиком. Ножиком почертит, чё-то говорила она, какие-то слова. И у меня правда зуб не стал болеть, и этот зуб до сих пор у меня стоит. Все зубы выпали, а он стоит; Чтобы прошел чирей, чертили углем древесным* [Бахматов 2008: 212-217].

Нельзя забывать, что заговор изначально сопровождался неким магическим действием – зачерчиванием. Для зачерчивания были нужны конкретные предметы сакрального свойства, «которым приписывается магическая сила: земля, громовая стрела, нож и др. острые предметы» [Левкиевская 1999: 350]. Со временем этот ритуал стал забываться, и появилось множество вариантов предметов, с помощью которых зачерчивались болезни (палец, стакан, сучок и т.п.).

Глагол **чертить** (и его дериваты **начертить**, **зачертить**, **почертить** и др.) «обозначает круговое движение или движение в виде креста безымянным пальцем правой руки или предметом в правой руке (громовой стрелой, ножом, мелом, бруском)». Обведение кругом неслучайно, ведь «замыкая круг, знахарь локализует болезни и опасности вне него» [Ермакова 2005: 131, 272]. Что касается креста, то в мифопоэтических и религиозных системах это «один из наиболее распространенных символов, нередко функционирующий как символ высших сакральных ценностей» [Топоров 1992: 12]. «Движения в форме креста (перекрещивания) в лечебном ритуале семантически связаны с религиозным, христианским компонентом» [Ермакова 2005: 276].

Исходя из приведенных выше контекстов, трудно судить, какие именно – круговые или крестообразные – движения совершаются при заговоре. Многое здесь зависит, конечно, и от

самого знахаря. Любопытный контекст был зафиксирован в 2010 году во время диалектологической экспедиции в Чердынский район Пермского края: *Загово'р знаю от зубов. Обожди, вот видишь. «Месяц аврал, ты везде побывал, живых и мёртвых – всех повидал. Как у мертвых людей зубы не болят, так и у живых не болят у рабы божей имя» там, кому **чертишь**, и надо водить палочкой. Зубом, можно от расчёски зубами, зубами водить вот. Только там, там восток, против солнца, против солнца надо водить.* (Показывает и объясняет еще раз. Нужно держать палочку или зуб и водить ею против часовой стрелки, словно рисуя круг около рта). *Вообще, у меня есть зуб, человеческий зуб. У меня его выдергивали, я его обработала и вот **че'ртила**. А вот иным помогает, иным помогает. Дак я их много разных знаю, дак забыла. Многие, многие. А вот иные говорят, помогает-де да. У меня вот тут внук был, ну он и сейчас есть. Маленький ешо такой был, заболел, я ему **поче'ртила**. Легче-де стало. А потом опять загово'р: «На Саянских горах есть мертвые люди – железные зубы. Зубы не немеют, не опухают, не краснеют, так и у рабы (опять же имя) зубы не болейте, не опухайте, не краснейте. Вот. И после заговора «аминь» говорить, опять **заче'ртить** против солнца, против солнца (Рябинино Черд.).* Здесь знахарка-информант рассказывает о том, как она проводит лечение болезни. Отметим, что проведение магическим предметом по телу больного – это неотъемлемая составная часть заговаривания болезни, поэтому от него успех всего магического действия зависит не меньше, чем от применяемых словесных заклинаний. С помощью лексемы **чертить** и ее дериватов **начертить**, **зачертить**, **почертить** указывается, что линии при заговоре должны быть особые, служащие определенной цели. В приведенном выше примере магическая линия, сопровождаемая заговор, тоже круг, проводимый «против солнца».

Интересно, что в говорах наблюдается трансформация значения 'излечивать магическим способом, проводя чем-либо по телу больного': в некоторых случаях полностью утрачивается элемент 'проводить черту, линию', и глагол **чертить** используется в значении 'излечивать магическим способом', или, как толку-

ет «Словарь пермских говоров», ‘заговаривать болезни’: *Словами, всяко чертю, словами да чё чертю, чё у тебя болит и вычерчиваю; Лечут – чертят ее; Я болела, она всё меня лечила, всё чертила* [КСРГСПК], *У которой гребли, она ведь словница, слова наговаривает. Болит – она слова говорит, чертит* (Рожнёво Черд.) [Русинова 2009: 196]. Можно отметить производные от чертить приставочные глаголы: **вычерчивать** (пример см. выше), **зачертить**: *Она быстрехонько ему грыжу-то зачертила* [СПГ I: 318], *Пупок и мудышки чертить будем, не реви – зачертим* [СПГ II: 529], **почертить**: *Как почертят, легота живет* [СПГ I: 193].

Эта трансформация отмечена не только пермскими источниками. «Словарь русских говоров Среднего Урала» подает два самостоятельных значения глагола **чертить**:

1. Заговаривать болезни знахарским способом. *Баушка-то у нас чертит немножко. Сходи-тко к Марии, она все у нас чертит.*

2. При заговоре делать особые жесты. *Чертила и приговаривала, в две нидили убрался (рак)* [СРГСУ VII: 27].

«Словарь русских говоров Новосибирской области» приводит такое значение: **Чертить**, -чу, -тишь, несов.; перех. По суев. представлениям, заговаривать от болезней скот. – *Это есть бабки, чертят лошадей от ногтя. И от змеи чертят, если она лошадь укусит, человека не чертят* (Искитим., Легостаево) [СРГНО 1979: 585].

С.А. Токарев пишет о традиции заговаривания следующее: «Заговор как элемент знахарского обряда фигурирует постоянно. Но известны случаи, когда он выступает в качестве лечебного средства и самостоятельно или когда сопровождающее его действие превращается во второстепенную деталь магического акта. Но и в этих случаях видны бывают следы позднего происхождения «вербальной» магии: заговор как бы вытеснил собой производившийся прежде обряд, и в нем сохраняется лишь словесное описание последнего» [Токарев 1990: 476]. Таким образом, в семантике **чертить** элемент ‘проводить черту, линию’ утрачивается, и глагол **чертить** приобретает значение ‘заговаривать болез-

ни'. Утрата компонента значения связана с постепенным утрачиванием самого ритуала «зачерчивания» в народной культуре.

Приведем еще одно «магическое» значение из пермских материалов. В северных говорах Пермского края встречается глагол **причертить** в значении 'присушить': *Причертит бабушка, приговорит – сохнуть будешь* [КСРГСПК]. Как видим, магические действия, называемые глаголом **чертить**, могут иметь диаметрально противоположный характер: от помощи человеку до причинения вреда. Такую семантику имеет и глагол **исчерчивать**, употребляющийся в значении 'вызвать болезнь колдовством': *Меня когда-то исчерчивали. Когда я была маленькая, мне женщина дала сухарик обычный, магазинный. И я заболела, живот заболел* [КСМЛПК].

В картотеке «Словаря говора деревни Акчим Пермской области» есть еще одно значение глагола **чертить** – 'воздействовать на предмет магическим способом, предохраняя его от негативного воздействия внешних факторов': *Чё-то она чертила в яме... то ли чтоб картов не гнила или мыши не ходили* [КАС]. Этот пример показывает, что «магическая» семантика глаголов с корнем **-черт-** предельно расширяется. Глагол **чертить** может обозначать любое магическое действие, связанное с заговариванием, при этом данное действие совсем не обязательно должно быть направлено на человека.

Причиной такого переосмысления семантики могло стать отмеченное С.А. Токаревым замещение обряда его словесным описанием, что и представляет собой заговор. Как известно, заговоры бывают нескольких видов: *лечебные* – от зубной боли, от кровотечения, от укуса змеи, от глазных болезней <...>; *хозяйственные* (обеспечивающие урожай, защиту его от вредителей, <...>); *промысловые* (способствующие успешной охоте, рыбной ловле, пчеловодству и др., в том числе и заговоры, помогающие воровству); *любовные* («присушки» и «отсушки»); заговоры, защищающие от стихийных бедствий (града, засухи, пожара и др.) и демонов; заговоры, регулирующие общественные отношения (от недругов и воров, на счастье и благополучие семьи, на удачную куплю-продажу, на дорогу, на судей и начальство, на почет и т.п.)» [Левкиевская

1999: 241]. Получается, что обозначение заговорного действия глаголом **чертить** и его дериватами может быть применено не только к лечебным заговорам, но и к любым другим, что и демонстрируется приведенными выше контекстами.

Еще одно «магическое» значение глаголов с корнем **-черт-** связано со святочными гаданиями: в «Словаре русских говоров Сибири» зафиксирован с пометой “устар.” глагол **чертиться** ‘загадывать желание на Святках, выходя в полночь на перекресток дорог (росстань), очертить там вокруг себя круг и нарисовать в нем крест’: *Ходили чертица на Святках на рогатня. Придешь на рогатня, щепкой круг начертишь, крест в кругу, и ждешь, чо пригрезица* [СРГС II: 286]. Этот же глагол есть и в «Словаре вологодских говоров»: **чертиться** ‘очерчивать вокруг себя круг во время гадания’: *Помню, гадали о святках, девки как-то чертилисе, а не знаю чем. Чертилися, кому что приблизнит. Но по большим дорогам я не ходила чертиться* [СВГ XII: 36].

В материалах, отражающих лексику русских говоров Пермского края, это слово не зафиксировано, но подобная семантика представлена другими лексемами с тем же корнем: **очертить**, **обчертить** ‘провести магический круг при гадании’: *В крещиэние ходили раньше на реку. Одни в Камгорте пошли ворожить накануне крещиэнья на коже теленка. Послали и сели. Хвост-то они не очертили, дьявол их и уволок; Мама сказывала, что, когда они гадали, кожу приволокли на реку, сели, обчертили. Бес их и поволок за хвост* [КСРГСПК].

В источниках есть также приставочно-суффиксальные дериваты глагола **чертить**. Таковы, например, глаголы **очертиться** / **обчертиться** ‘при гадании обвести себя кругом’: *Уселась на нее (шкурку телячью) и очертились* [Акчим III: 153]; *Вот этим ожогом, мы с тобой сили, и надо этим ожогом очертиться, круги делать сидеть в этом кругу. И вот чё ты учуешь* [КСРГСПК]. Представляем еще одну пару глаголов – **обчерчиваться** / **обчертиваться** ‘при гадании обводить себя кругом’: *И бадожок этот из бани возьмешь, сожженный, грязный и идешь на этот, на рогатни, где вот дороги в стороны расходятся, и этим бадожом обчерчиваешься кругом* [КСРГСПК]. Ту же семантику имеет и глагол **зачертиться**, встречающийся в северных говорах

Пермского края: *Подмела пол, в сенки села... зачертилася, села, сидит. Только, говорит, закрыла глаза и слышу... доски чёшутся, вот как гроб делают, рубанком колотят* [КСРГСПК].

Семантика корня **-черт-**, связанная с гаданиями, несомненно, соотносится с проведением при гадании магической черты. Эта магическая черта носит замкнутый характер и представляет собой круг. Функция этого круга – охранительная, логична его «цель, направленная на проведение границы и “закрытие” своего пространства» [Черных 2008: 90]. «Часто при гадании на перекрестке проводили дополнительную границу, “зачерчивались”»: «Ходили слушаться. **Очерчивались**: «Черти по-за кругу, а мы в кругу!» Сидят, прислушиваются: где колокольчик звенит – оттуда жених будет. Потом **расчерчивались**, надо **расчерчиваться**: «Черти в кругу, мы по-за кругу» (Степановка Куед.) [Черных 2008: 101-102]. Отметим антонимичные отношения глаголов **зачерчиваться**, **очерчиваться** и **расчерчиваться**. Последнее магическое действие символизировало завершение гадания, расчерчивались “по солнцу”, или, как говорят в народе, “по Божьи”, «верили, что если не “разворожиться”, то можно сойти с ума или навсегда попасть во власть нечистой силы» [Виноградова 1995: 482].

Данные словарей говоров Севера, Сибири и Урала, которые фиксируют «магическую» семантику глагольных лексем с корнем **-черт-**, отражают древнейшие культурные традиции, которые до сего времени не просто сохранились в народном сознании, а продолжают развиваться, обогащаясь новыми смыслами.

Литература

Бахматов – Бахматов А.А., Голева Т.Г., Подюков И.И., Черных А.В. Русские в Коми-Пермяцком округе: обрядность и фольклор. Материалы и исследования. Пермь, 2008.

Ермакова Е.Е. Сибирская заговорная традиция (конец XX – начало XXI вв.) / Под ред. И.С. Карабулатовой. Тюмень: Издатель Пашкин, 2005.

Русинова И.И. Вербальная магия в лексике русских говоров Пермского края // Живая речь Пермского края в синхронии и

диахронии: материалы и исследования / Отв. ред. И.И. Русинова; Перм. гос. ун-т. Пермь, 2009. Вып. 3. С. 174-182.

Токарев С.А. Ранние формы религии. М.: Политиздат, 1990.

Топоров В.Н. Крест // Мифы народов мира. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1992. С. 12-14.

Черных А.В. Русский народный календарь в Прикамье. Праздники и обряды конца XIX – середины XX в. Ч. II. Зима. Пермь: Пушка, 2008.

Акчим – Словарь говора деревни Акчим Пермской области: в 6-ти вып. / Под ред. Ф.Л. Скитовой. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1984-2003. Вып. 1-5.

Виноградова Л.Н. Гадание // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. В 5 т. Т. 1. М.: Междунар. отношения, 1995. С. 482-486.

КАС – Картотека «Словаря говора деревни Акчим Пермской области».

КСМЛПК – Картотека «Словаря магической лексики Пермского края».

КСРГСПК – Картотека «Словаря русских говоров севера Пермского края».

Левкиевская Е.Е. Знахарь // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. В 5 т. Т. 2. М.: Междунар. отношения, 1999. С. 347-350.

СВГ – Словарь вологодских говоров. Вып. 12. Вологда, 2007.

СПГ – Словарь пермских говоров / Ред. А.Н. Борисова, К.Н. Прокошева: В 2-х вып. Пермь: Книжный мир, 2000-2002.

СРГНО – Словарь русских говоров Новосибирской области. Новосибирск, 1979.

СРГС – Словарь русских говоров Сибири: В 2 т. Т. 2 / Под ред. А. И. Федорова. Новосибирск: Наука, 1999-2001.

СРГСУ – Словарь русских говоров Среднего Урала. Т. 7. Чабура-Ямной / Авт.-сост. Ю.П. Алабугина и др. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988.

Условные сокращения районов Пермского края

Черд. – Чердынский

Куед. – Куединский

Н.А. Румянцева (Санкт-Петербург)

Античный мир в «Русском ассоциативном словаре»

Эллада и Древний Рим – чрезвычайно значимые составляющие истории человеческой цивилизации, а культура античности – ее достояние, на протяжении веков формировавшее интеллектуальный багаж образованного человека. Заметные изменения, происходящие в лексиконе и тезаурусе современной языковой личности, делают актуальным вопрос о том месте, которое занимают в ее структуре слова, связанные с античностью.

Для исследования элементов «мира античности» в лексиконе современной языковой личности целесообразно обратиться к ассоциативному тезаурусу современного русского языка, поскольку «ассоциативные поля представляют язык в его предречевой готовности, отражают фрагменты вербальной памяти человека, фрагменты образов сознания, мотивов и оценок, значительную экстралингвистическую информацию» [Козырев, Черняк 2000: 159], а также, по словам Ю.Н. Караулова, «русский ассоциативный словарь (РАС) моделирует вербальную память и языковое сознание «усредненного» носителя русского языка» [РАС 1994: 5]. Материал словаря представляет собой результат ассоциативного эксперимента, в котором испытуемыми являлись студенты первых-третьих курсов (17-25 лет) разнопрофильных вузов, для которых русский язык является родным. Представленный ниже материал – результат анализа 5-го тома РАС. Выбор этого тома диктуется тем, что именно на третьем, завершающем этапе эксперимента в качестве слов-стимулов выступали многие слова интересующего нас семантического поля, в том числе и имена собственные.

При выборе слов нас заинтересовали слова, непосредственно связанные с античностью (*Амур, Сократ, Фемиды*) или предполагающие связь с античностью (*император, греческий, философ*).

Анализ словарных статей позволил разделить слова-реакции, связанные с актуализацией элементов семантического поля «Античность», на следующие группы: мифология; история,

культура; внешний вид; характер, деятельность; обыденные представления; периферийные ассоциации; другое лексическое значение.

В первую группу были включены реакции, указывающие на то, что слово-стимул вызывает ассоциации, связанные со знанием античной мифологии. Например, слово *Ариадна* вызвало следующие реакции: *нить 30, богиня 5, Тесей 2, и ее нить, ниточка, нить Ариадны*; слово *Амур* – *любовь 28, бог 2, купидон 2, любви, Психея; Фемиды – богиня 33, правосудие 9, богиня правосудия* (здесь и далее цифра после реакции указывает на число одинаковых реакций, отсутствие цифры – на единичную реакцию). Подобные ассоциации показывают не только способность испытуемых соотнести имя с конкретным мифом, но и наличие у них общего представления о его содержании.

Реакции, включенные во вторую группу, связаны со знанием истории и культуры Древней Греции или Древнего Рима. Так, реакции на слово-стимул *Венера (Милосская, голая, рука, статуя)* указывают на ассоциации, связанные с представлением о культурном наследии Древней Греции – скульптуре Венеры Милосской. Реакции на стимул *Александр (Македонский 20, великий 2)* свидетельствуют о некоторых знаниях из области истории. Также показательны и реакции на слова *Греция (Афины 6, Древняя 6, Рим 2; акрополь, амфора, античная культура, античность, колонна, туника, ученые, Эллада, эллины)* и *греческий (нос 9; профиль 8, зал 4, миф, философ 3; мир 2, атлет, Афины, бюст (скульптура), ваза, история, культура, поэт, розовый мрамор, старинный, статуя, стиль, тип, ученый, храм)*, свидетельствующие о том, что слова-стимулы актуализируют достаточно разветвленные узлы ассоциативно-вербальной сети.

Реакции третьей группы связаны с представлением о внешнем виде человека, героя или бога. Подобные представления могут появиться под влиянием произведений искусства, изображающих античных персонажей, или описания, встречающегося в мифе. Например: *Амур* – *стрела 5, лук 2, стрелы 2, Love (или маленький мальчик с луком и стрел.), и стрелы, крылатый, мальчик с крыльями, со стрелами; Ариадна* – *девушка 4, женщина 4, красива, красивая, красивая женщина, прекрасна, прекрасная; Со-*

крат – борода, лоб, лысый; **Фортуна** – колесо 5. Кроме реакций, отражающих черты внешнего облика человека, героя или бога, встречаются и реакции, связанные с их характером или родом деятельности (**Александр** – мужественный; **Амур** – подлый, пронзил, стреляет, шалит; **Фортуна** – отвернулась 3; улыбается, улыбнулась 2; изменила, любит, помогла, пришла, ушла). Слова, включенные в третью и четвертую группы, несомненно, показывают знание античной культуры. Ассоциации, вызванные словами-стимулами первых четырех групп, связаны с культурными представлениями и отражают уровень культурных знаний реципиентов.

Пятая группа слов представляет ассоциации, не связанные с культурой античности. Эти реакции, вероятно, обусловлены современным видением описываемых предметов и явлений, в их основе лежат обыденные представления о денотатах. (**Греция** – страна 23; все есть 7, солнечная 5; отдых, тепло, Турция 3; курорт, грек, древнейшая страна на юге, жаркая страна, жарко, красивые люди, красота, корона; место, где все есть; мех, мечта, море, пальма, пляжи, прекрасна, путешествие, солнце, там хорошо, теплая, хорошо, хочу, экзотика, экзотическая; **Марс** – Сникерс 18; шоколад 7; шоколадка 3; и Сникерс; **Фортуна** – судьба 6; лотерея 4; победа 3; деньги, азарт, игра, много денег, случай, экзамен; **Фемида** – истина, прокуратура). Данные ассоциации обусловлены значимыми семантическими компонентами значений слов. Так, правосудие возможно только в случае установления истинного положения вещей, а работники прокуратуры – люди, эту истину устанавливающие.

Группа периферийных ассоциаций отражает своеобразие современной языковой личности. Как правило, периферийные ассоциации носят единичный характер, а их связь с античностью в некоторых случаях устанавливается уже на втором шаге семантического анализа, например, *Ариадна – шелкопряд* (ср. в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова: *шелкопряд*, -а, м. Бабочка, гусеница к-рой вьет коконы, идущие на изготовление шелка). Таким образом, в развернутом виде ассоциативная цепочка представляется в следующем виде: *Ариадна – нить (шелковая) – шелкопряд*.

Слова *амазонка* и *нимфа* как реакции на слово *Ариадна* позволяют сделать вывод о том, что это имя связывается с мифологией, но знания в данной области поверхностны, что обуславливает ошибочность ассоциаций. Это свидетельствует о частичной агнонимичности слова (ср. значения в словаре Ожегова:

Амазонка, -и, ж. 1. В греческой мифологии: всадница-воительница.

Нимфа, -ы, ж. В древнегреческой мифологии: божество в виде женщины, олицетворяющее различные силы природы. Морская н. Лесная н.).

В сознании современной языковой личности слово *фортуна* выступает в качестве синонима к слову *удача* (ср. значение в «Толковом словаре иноязычных слов» Л.П. Крысина: *фортуна*, ы, ж [лат. fortuna]. Судьба, счастливый случай, счастье.). Эта устойчивая лексико-системная связь отражается в ассоциативной цепочке Фортуна – Поле чудес.

Наконец, нам показалось целесообразным выделить и последнюю группу, названную нами «другое лексическое значение». В нее вошли слова, указывающие на то, что слово-стимул вызывает в памяти человека реакцию, отражающую способность слова быть соотношенным с разными денотатами (*Амур – Енисей, река большая; Венера – планета 45, Марс 5, Луна 2, Меркурий 2, голубая звезда, космос, круглая, ночь, Сатурн, Юпитер; Марс – планета 38; Венера 6; космос, Луна, Юпитер 2; 4-я планета, вселенная, далекий, далекий, далеко, звезда, красный шар, марсиане, Меркурий, не изведать никогда, необитаемый; Юпитер – планета 61; Марс 11; Сатурн 3; звезда, космос 2; большой, Венера, далекий, далеко, далекое, Земля, летает, Плутон; Фомальгаут (звезда).*

В указанных реакциях отражаются различные семантические процессы, связанные с омонимией имен собственных (например, название античного божества – название планеты). Обращает на себя внимание то, что если реакции на слово *Амур* (*Енисей, река большая*) единичны, то реакции на слова *Венера, Марс, Юпитер*, указывающие на восприятие их как планет солнечной системы, превышают реакции, связанные с мифологией.

Таким образом, слова, входящие в семантическое поле «Античность», являются неотъемлемой частью лексикона современной языковой личности. Их уместное использование в речи позволяет говорить об определенном уровне культурной грамотности человека. В то же время слова, входящие в исследуемое семантическое поле, нередко являются полными или частичными агнонимами, что вызывает ошибочные ассоциации и прогнозирует потенциальные речевые ошибки.

Литература

Козырев В.А., Черняк В.Д. Вселенная в алфавитном порядке: Очерки о словарях русского языка. СПб., 2000.

РАС – Русский ассоциативный словарь. Кн. 1. Прямой словарь: от стимула к реакции. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Ч. I / Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. М.: Помовский и партнеры, 1994.

С.В. Самойлова (Москва)

Отражение современных экономических реалий в текстах словарей: лексический аспект

Современные лексикографические источники отражают языковое сознание носителей языка, вся жизнедеятельность которых протекает в лоне отечественной культуры. Поэтому толкование слов зачастую зависит от менталитета народа в целом.

Бурные общественно-политические сдвиги в России последних десятилетий привели к коренному изменению общественного уклада российского общества, что, естественно, не могло не сказаться на состоянии русского языка. Большое влияние на язык в целом и на человека, как носителя языка, в частности оказало развитие в стране рыночной экономики, которое привело к появлению новых сфер экономической и финансовой деятельности, возникновению новых и восстановлению старых, дореволюционных учреждений. Сегодня возникают понятия, харак-

теризующие различные аспекты рыночных отношений, что приводит к заимствованию современной рыночной терминологии, активным семантическим процессам в лексике.

Данную тенденцию влияния современных экономических реалий на язык подтверждают и цифры: в «Толковом словаре русского языка начала XXI века. Актуальная лексика» под редакцией Г.Н. Складневской нами было выявлено 862 лексические единицы, содержащие пометы *экон.*, *фин.*, *коммерц.* и имеющие непосредственное отношение к экономической сфере. Учитывая, что словарь содержит около 8500 слов и устойчивых сочетаний, объем экономической лексики современности, отраженный в данном лексикографическом издании, составляет 10%.

Вместе с тем реальное положение русского языка в современной России вызывает у лингвистов серьезную тревогу в связи с все более усиливающимися процессами варваризации, вульгаризации и жаргонизации русской речи, сужении не только внешних, но и внутренних функций русского языка.

Выявляя рыночную экономическую лексику в новых толковых словарях русского языка, созданных под редакцией Г.Н. Складневской, мы обратили внимание на то, что в этих словарях в сфере экономики представлено не только большое число экономической терминологии, но и лексика устной речи, в основном разговорной и жаргонной (свыше 100 лексических единиц).

В названных выше словарях разговорная лексика во многих случаях словообразовательно связана с экономической терминологией, как вошедшей в русский язык в последние два десятилетия, так и перешедшей из пассива в актив, например: *акцизка* – акцизная карта (от *акциз* – `косвенный налог на товары массового потребления, включаемый в цену товаров или плату за услуги`); *оффшорка* (от *оффшор* – `центр совместного предпринимательства, представляющий льготный режим для кредитных операций с зарубежными партнерами; компания, работающая на территории другой фирмы`). Обычно при этом используется суффикс *-к-*. Примечательно, что последний пример также демонстрирует написание, которое не закрепилось в языке. Автор словаря приводит три варианта: *оффшор*, *офшор*, *офф-шор*. В «Толковом

словаре иноязычных слов» под редакцией Л.П. Крысина наблюдаем только один вариант написания: *офшор*.

Также налицо значительное число обозначений лиц мужского и женского пола, например с продуктивным суффиксом -ш-: *менеджерша* – `женщина-специалист в области менеджмента`; *дилерша* (от *дилер* – `лицо или фирма, выступающие биржевыми или торговыми посредниками между продавцами и покупателями при покупке или продаже товаров, ценных бумаг`); *таймшерщик* – `работник организаций, занимающихся предоставлением услуг тайшера`; *фондовик* – `участник фондового рынка, фондовой биржи`; *бюджетник* – `работник учреждения, находящегося на бюджете` и др.

Среди разговорной лексики, использующейся в экономической сфере, немало образований от слов, привычных для носителей русского языка или актуализировавшихся в последние годы: *беззарплатный*; *магазинщик*; *налоговик*; *богачиха*; *богачка*; *коробейник*, *антирыночник*; *недоимщик*; *контрактник*; *частник*.

Актуализировались такие разговорные слова: *взвинтить* – `чрезмерно резко повысить цены`; *взвинчивание* (от *взвинтить*); *вздоржание*; *накрутить* – `чрезмерно и необоснованно увеличить (сумму) цену, нередко за счет каких-либо махинаций, посреднических услуг`; *накрутка* (от *накрутить*, см. выше); *обложить* – `принудить (предприятие, обычно коммерческое) к уплате какой-либо суммы путем вымогательства, запугивания`; *разбалансировка* (вм. *разбалансированность*); *наложка* – `налоговая инспекция`.

Некоторые аббревиатуры становятся разговорными при изменении по падежам: ЕЭС, НДС, МРОТ; отдельные из них выступают производящими основами для образования названий лиц мужского пола: *убэповец* (УБЭПовец) и др.

Значительное место среди разговорной лексики занимают обозначения денежных единиц и денежных отношений в обществе. Некоторые слова названы по аналогии или ассоциации с зарубежной валютой: *зеленые*; *еврик*; *валютка*.

Однако большая часть лексики этой тематической группы мотивирована российскими реалиями, например: *грязные деньги* – `деньги, заработанные незаконно, мошеннически`; *деревянный*

рубль, ирон. – англ. bucks – `доллары`); *жидкая валюта* – `водка`; *обменник* – `пункт обмена валюты`.

Жаргонной лексики в указанных выше словарях отмечено значительно меньше. Как известно, жаргон – социальная разновидность речи, характеризующаяся, в отличие от общенародного языка, специфической (нередко экспрессивно переосмысленной) лексикой и фразеологией, а также особым использованием словообразовательных средств. Жаргон является принадлежностью относительно открытых социальных и профессиональных группы людей, объединенных общностью интересов, привычек, занятий, социального положения и т.п. (например, жаргон моряков, летчиков, спортсменов, музыкантов, учащихся, актеров).

В лингвистической литературе отмечается неустойчивость жаргонной лексики, что можно проследить и в указанных выше словарях, где состав жаргонизмов не полностью совпадает.

Так, в словаре под редакцией Г.Н. Складневской, изданном раньше, слово *кусок* относится к разновидности лексики, а во втором словаре – к жаргонной. Отметим жаргонные слова, представленные в «Толковом словаре русского языка начала XXI в. Актуальная лексика»: *заколачивать* – `зарабатывать деньги (обычно в большом количестве)`; *зелень* – `доллары США`; *капуста* – `деньги (обычно об американских долларах)`; *бабло* – `деньги`.

Большую часть номинативного пространства экономики, отраженного в текстах современных словарей, занимают «экономические предикаты», которые передают основные процессы в сфере экономики и различные типы экономических отношений. Проследим это на примерах.

1) *При этом оно не обязано индексировать пенсии в той же пропорции, в которой растут цены* [Борис Вишневский. Азартная игра на пенсию // «Московские новости», 2003];

2) *Естественно, невозможно приватизировать Третьяковку, сокровищницу русской культуры* [Екатерина Васенина, Илья Васюнин. Только не ставьте в мавзолей джакузи (2003) // «Новая газета», 2003.01.02];

3) *Понятно, что если элитам дадут коммерциализировать мирный процесс, использовать ресурсы, которые идут на организацию мирной жизни, то очень многие будут заинтересованы,*

чтобы своими руками подержаться за этот поток [Кто и чего добывается от выборов? // «Время МН», 2003].

Значительную часть семантического пространства экономики составляют субъекты экономической деятельности, в качестве которых могут выступать как физические и юридические лица (*заемщик, арендатор, маркетолог, риэлтор, розничник, оптовик, челнок, бюджетник* и др.), так и государственные и коммерческие структуры (*холдинг, биржа, агентство, партнерство* и др.). В настоящее время наблюдаются активные процессы в области функционирования подобных лексических единиц. При этом на страницах газет и журналов встречаются новые слова, многие из которых отсутствуют в толковых словарях: *ритейлер, мерчендайзер* и др.:

1) *В феврале известный ритейлер ЗАО «ТД Перекресток» поменял свою точку зрения на прямо противоположную* [События (2004) // «Бизнес-журнал», 2004.03.16];

2) *Через два-три года здесь будет построен большой торгово-развлекательный центр европейского класса – с крытым продовольственным рынком, специализированным магазином для ветеранов, инвалидов и пенсионеров, а также кафе, кинотеатр, центр бытового обслуживания, аптека, стоматологическая клиника, автостоянки* [Евгений Денисов. «ДОН-Строй»: взгляд в будущее (2002) // «Вечерняя Москва», 2002.08.08];

3) *Я пришла в автосалон, где продавец-консультант «принял к сердцу» все мои проблемы – мол, в первый раз покупает машину, интересуется сигнализациями...* [Нам пишут и снимают (2004) // «За рулем», 2004.02.15];

4) *Фрилансерам выгоднее жить за рубежом?* [Заголовок // АиФ, 2010. 06.01].

Эти примеры демонстрируют также тот факт, что перемены в экономической жизни страны повлекли за собой изменения в наименованиях профессиональной деятельности людей.

Таким образом, в лексикографических изданиях отражены многие экономические реалии современности. Но также большое количество лексем, употребляемых носителями языка в устной речи и используемых для создания публицистических текстов, пока находятся за пределами словарей. Наблюдаются неодно-

значные толкования, различные варианты написания и произношения слов экономического дискурса.

Литература

Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2010.

Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Под ред. Г.Н. Складневской. СПб., 2000.

Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Г.Н. Складневской. М.: Эксмо, 2007.

Е.Е. Севостьянова (Санкт-Петербург)

Концептуальное поле «История» в словарном воплощении

Словарь характеризует не только непосредственно лексические единицы, но и лингвокультурное сообщество, специфику представления определенных фрагментов действительности в сознании носителей языка. Специфику представления мира истории в сознании носителей русского языка целесообразно исследовать, анализируя материал, предлагаемый различными лексикографическими изданиями.

По данным «Историко-этимологического словаря» П.Я. Черных, слово «история» существовало уже в древнерусском языке, в котором появилось из греческого: «Первоисточник – греч. *ἱστορία* – «расспрашивание», «расспросы», «исследование», «наука», «историческое повествование». Позже это слово «было вторично заимствовано с Запада в форме *гистория*, которая долго употреблялась наряду с формой без начального *г*, пока не была вытеснена старой формой *история*».

С течением времени количество значений лексемы «история», как это происходило и со многими другими словами в языке, увеличивалось; особо следует отметить, что с ходом времени слово «история» все чаще используется для обозначения сохранившихся в памяти носителей языка фактов прошлого: такое употребление рассматриваемой лексической единицы, ставшее

регулярным, свидетельствует о том, что в сознании членов языкового сообщества история как «наука о прошлом» слилась с историей как «памятью о прошлом».

Толковые словари XX века представляют слово «история» как многозначную лексическую единицу, однако количество значений, выделяемое одним лексикографическим изданием, не совпадает с количеством значений, предложенным другими словарями.

Так, например, «Словарь русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой и «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова предлагают восемь значений слова «история»; «Большой академический словарь русского языка», «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова и «Большой толковый словарь русского языка» (гл. ред. С.А. Кузнецов) в словарной статье к рассматриваемой лексеме приводят семь значений.

Выбрав в качестве «эталонного» набор значений, фиксируемый «Большим академическим словарем русского языка», приведем значения лексемы «история» в современном русском языке:

1. Процесс развития природы и общества, действительность в ее движении, развитии <...>;
2. Последовательный ход движения, развитие, изменение чего-л. <...>;
3. Прошлое (с совокупностью фактов, событий и т.п., относящихся к нему), сохраняющееся в памяти человечества <...>;
4. Совокупность общественных наук, изучающих ход развития человечества; историческая наука <...>;
5. Наука, изучающая ход развития какой-л. области знания в хронологическом порядке <...>;
6. Рассказ, повествование <...>;
7. Разг. Происшествие, приключение, случай (обычно неприятные)ʹ.

Можно предположить, что интересующее нас значение '3. Прошлое (с совокупностью фактов, событий и т.п., относящихся к нему), сохраняющееся в памяти человечества' наряду со значениями '6. Рассказ, повествование' и '7. Разг. Происшествие, приключение, случай (обычно неприятные)' является основным зна-

чением полисемантической единицы «история» в современном русском языке. Именно эти значения имеют регулярные семантические аналоги в языке, что нашло отражение в словарях синонимов: в «Большом синонимическом словаре русского языка» А.Ю. Кожевникова (2003), в «Словаре синонимов русского языка» З.Е. Александровой (1968) и в «Словаре синонимов» под редакцией Т.Н. Гурьевой (2002) в качестве синонимических слову «история» приводятся лексические единицы «прошлое», «рассказ» и «событие».

Анализ материалов «Русского ассоциативного словаря» также позволяет выявить значения лексической единицы «история», которые можно отнести к активному словарному запасу носителей русского языка.

Лексема «история» в качестве стимула была предложена анкетиремым на первом этапе проведения ассоциативного эксперимента (1986-1991) и на третьем (1994-1996). Наибольшее количество реакций в соответствующих словарных статьях реализуют следующие значения рассматриваемой лексемы (в скобках указана общая частота ответов с данным значением):

1. Прошлое (с совокупностью фактов, событий и т.п., относящихся к нему), сохраняющееся в памяти человечества: *наша, прошлое; все, что было раньше; хранит, память* (30);

2. Совокупность общественных наук, изучающих ход развития человечества; историческая наука: *СССР, Руси; это величайшая наука; с географией, школьный учитель* (74);

3. Рассказ, повествование: *длинная, сказка, книга, рассказать, юмористическая* (36).

Таким образом, очевидно, что одним из наиболее актуальных значений слова «история» с точки зрения функционирования языка является интересующее нас значение «прошлое, сохраняющееся в памяти людей». Это позволяет говорить о высокой степени культурной значимости концептуального поля «история» для русского языкового сообщества.

Но концептуальное поле, конечно, не исчерпывается словом, его номинирующим; целесообразно будет рассмотреть и специфику лексических единиц, семантика которых так или иначе связана с миром истории.

Для того чтобы отобрать существующие в языковой системе слова, наполняющие концептуальное поле «История», наиболее подходящим методом представляется создание многоуровневой модели, характеризующей особенности представления мира истории в сознании человека. Отвечая на вопрос «как мыслится история?», мы параллельно будем отбирать из языковой системы лексические единицы, соответствующие каждому уровню описываемой модели.

1. Совершенно очевидно, что историческое прошлое в сознании человека представлено не «монолитно», а как совокупность разного рода временных промежутков, для обозначения которых в языке существует множество лексических единиц:

‘*Эпоха* – **1.** Продолжительный период времени, характеризующийся какими-л. выдающимися событиями, явлениями, имеющий какие-л. характерные особенности’;

‘*Время* – <...> **4.** <...> Период, эпоха (в жизни человечества, какого-л. народа, государства, общества и т. п.) <...>’;

‘*Период* – **1.** Промежуток времени в развитии чего-л., характеризующийся теми или иными признаками, особенностями <...>’;

‘*Эра* – **1.** Начальный момент, от которого ведется летосчисление, а также соответствующая система летосчисления. <...> **2.** Большой исторический период, коренным образом отличающийся от предыдущего <...>’.

Все перечисленные выше лексические единицы имеют в своем составе сему «промежуток времени».

Кроме того, к этому же уровню мы будем относить «конкретные реализации» временных промежутков, существовавших или существующих в действительности: *средневековье, сталинизм, время правления Екатерины I, XIX век и т.д.* Такого рода лексические единицы служат для обозначения уникального периода времени, характеризующегося особыми признаками как в силу особенностей соответствующих явлений, так и в силу специфики осмысления этих явлений носителями языка.

2. Составляющими этого уровня будем считать исторические события, наполняющие тот или иной промежуток времени; приведем примеры соответствующих этим событиям лексем и их

дефиниции:

‘*Война* – **1.** Организованная вооруженная борьба между государствами или общественными классами <...>’;

‘*Восстание* – Массовое вооруженное выступление для защиты своих классовых или национальных интересов <...>’;

‘*Бунт*¹ – Стихийное восстание; мятеж’;

‘*Реформа* – <...> **2.** Политическое преобразование, не затрагивающее основ существующего государственного строя’.

К этому же уровню отнесем уникальные исторические события и соответствующие им лексические единицы: *битва под Аустерлицем, война Красной и Белой роз, Нюрнбергский процесс, Французская революция и т.д.*

3. Этот уровень составляют лица, так или иначе формирующие исторический процесс:

‘*Монарх* – Наследственный или выборный единовластный глава государства (царь, король, император, негус, шах, султан и т. п.)’;

‘*Полководец* – Крупный военный деятель; военачальник’;

‘*Президент* – <...> **2.** Выбранный на определенный срок глава государства с республиканской формой правления’;

‘*Герой* – **1.** Человек, совершивший (совершающий) подвиги мужества, доблести, самоотверженности <...>’.

Сюда же относим конкретных исторических лиц и соответствующие им единицы языка: *Аттила, Брежнев, Кутузов, Емельян Пугачев и т.д.* В качестве составляющих этого уровня мира истории целесообразно рассматривать и известные высказывания, приписываемые историческим лицам:

4. В качестве единиц, наполняющих последний уровень модели мира истории, будем рассматривать реалии культуры и быта, характерные для определенного исторического времени и определенного устройства общества на том или ином этапе его развития:

‘*Налог* – Устанавливаемый государством обязательный сбор, уплачиваемый предприятиями, учреждениями, населением и т. п.’;

‘*Классы (общества)* – <...> **2.** «Классами называются большие группы людей, различающиеся по их месту в историче-

ски определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают». Ленин, Великий почин <...>';

'(Политические и общественные) движения – <...> 6. Общественная деятельность, преследующая определенные цели <...>'.
'

На разных этапах развития человечества такими явлениями можно считать, например, следующие: *ацтеки (астеки), индугенция, барщина, народники, КПСС и т.д.*

При рассмотрении лексических единиц, относящихся ко всем уровням приведенной выше модели концептуального поля, особое внимание следует обратить на названия уникальных явлений каждого уровня; большинство из них мы можем встретить в толковом словаре только в качестве иллюстративного материала.

В полной мере осветить специфику существования мира истории в сознании носителей языка помогают материалы, предлагаемые «Русским ассоциативным словарем».

Зафиксированные в словаре ассоциации, апеллирующие к историко-культурной лексике, отражают внеязыковые знания различного рода.

Прежде всего нас будут интересовать знания, имеющие непосредственное отношение к миру истории. Отражение в ассоциациях нашли многочисленные факты и явления прошлого: имена исторических лиц, широко известные исторические события, явления культуры и быта, характеризующие разные исторические периоды:

В ЧЕРНОБЫЛЕ ← авария, взрыв

КУЛИКОВСКАЯ ← битва

АЛЕКСЕЕВИЧ ГАГАРИН ← Юрий

НЮРНБЕРГСКИЙ ← процесс

СИГИЗМУНДОВИЧ ← Феликс

БОЯРСКАЯ ← дума

Однако такого рода ассоциации отражают общее представление об истории носителей русского языка; гораздо более важ-

ным представляется рассмотрение ассоциаций, отражающих конкретные знания об историко-культурных реалиях. Сведения, закрепившиеся в памяти носителей языка, о том или ином факте истории чрезвычайно разнообразны. Часто среди ассоциаций можно найти указание на временной промежуток, когда жил какой-либо исторический деятель или происходило важное историческое событие:

РЕВОЛЮЦИЯ ← 1917 год

ПОЛЕТЕЛ В 1961 ГОДУ В КОСМОС ← Гагарин

РЫЦАРИ ← Средневековье

В ассоциациях восстанавливаются прозвища и перифрастические сочетания, служащие для обозначения конкретных исторических лиц, а также высказывания, приписываемые определенному историческому персонажу:

АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ – ЦАРЬ ← тишайший

ВЕЛИКИЙ РЕФОРМАТОР ← Петр I

ПРОЦЕСС ПОШЕЛ ← Горбачев

Прочно вошли в ассоциативно-вербальную сеть носителя языка различного рода устойчивые вербальные формы, лозунги и призывы Советской эпохи:

КПСС! ← слава

КОММУНИЗМА ← победа

ОПЛОТ МИРА ← СССР

Многие сведения об исторических фактах вошли в «Русский ассоциативный словарь» в виде реакций, связанных с наглядно-чувственным образом. В вербальной фиксации такие реакции опознаются благодаря тому, что у читателя или лингвиста-комментатора выбранные для передачи знаний слова вызывают либо визуальный образ, либо «образы», связанные со слуховыми, вкусовыми, осязательными и обонятельными ощущениями:

КОТОВСКИЙ ← лысина (в языке существовало даже выражение «подстричь "под Котовского"», т.е. наголо)

МАРТИН ЛЮТЕР КИНГ ← негр

ЛЕНИН ← кепка

Часто ассоциации актуализируют в сознании ментальную структуру, близкую по характеру к «образам» – фрейм; в нем за-

фиксированы характерные признаки общепонятных ситуаций, которые в вербальном воплощении задаются выразительным словом или словосочетанием:

ДЕКАБРИСТЫ ← *виселица*

А. МАТРОСОВ ← *подвиг*

Можно предположить, что для первого примера реальным стимулом оказалась незафиксированная первая реакция испытуемого – пресуппозиция – слово «казнь».

В «Русском ассоциативном словаре» зафиксировано огромное количество ассоциаций, отражающих отношение к тем или иным историческим реалиям. В первую очередь, к ним относятся эмоционально-оценочные ответы:

КОММУНИЗМ ← *идеал*

СТАЛИН ← *великий, вор, кретин*

Как составляющую этого типа ассоциаций будем рассматривать и языковые игры, отражающие оценку явления носителем языка:

СОЮЗ НИЩИХ И ГОЛОДНЫХ ← *СНГ*

КЛИНТОН ← *блин*

Следует заметить, что СНГ во время проведения эксперимента не являлся исторической реальией: для испытуемых это было актуальное настоящее; однако для современного носителя языка СНГ – хотя и недавнее, но все же прошлое.

К описываемому типу ассоциаций отнесем и примеры метафорического осмысления действительности, когда для оценки одного явления используется другое явление, характеризующее типовыми признаками, которые и служат основой осмысления первого:

ФАШИЗМ ← *жестокость*

Без сомнения, к этому типу ассоциаций относятся элементы национального самосознания, национальные оценки и предпочтения:

КАПИТАЛИСТ ← *загнивающий* (в советскую эпоху такая оценка капитализма десятилетиями вдалбливалась в сознание масс)

Кроме ассоциаций, актуализирующих знания, относящиеся к миру истории непосредственно, в «Русском ассоциативном

словаре» мы можем найти ассоциации, составляющими которых будут обозначения исторических реалий, но тем не менее ассоциации эти не имеют прямого отношения к миру истории. Например:

КУТУЗОВА ← проспект

НАПОЛЕОН ← коньяк, торт

КАРДИНАЛ ← джинсы

Таким образом, ассоциации, апеллирующие к историко-культурной лексике, могут отражать общее представление об истории, конкретное знание о каких-либо исторических фактах и отношении, оценку исторических явлений. Кроме того, лексические единицы, выбранные в качестве объекта настоящего исследования, могут быть составляющими ассоциаций, не имеющих прямого отношения к миру истории.

Литература

Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. М., 1968.

Большой толковый словарь русского языка. СПб., 2004.

Кожевников А.Ю. Большой синонимический словарь русского языка: В 2 т. СПб., 2003.

Русский ассоциативный словарь / Под ред. Ю.Н. Караулова. Кн. 1; 2. М., 1994. Кн. 3; 4. М., 1996. Кн. 5; 6. М., 1998.

Русский ассоциативный словарь: В 2 т. / Под ред. Ю.Н. Караулова. М., 2002.

Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1957–1961.

Словарь синонимов / Под ред. Т.Н. Гурьевой. М., 2002.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.

Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935-1940.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1993.

Н.В. Скрыбина (Санкт-Петербург)

**Эволюция взглядов на хирургию до и после Н.И. Пирогова
сквозь призму терминов *хирург, оператор и медико-хирург***

В специальных отраслях знаний, начиная с петровского времени, русская терминология еще только вырабатывалась: частично пересаживались лишь с легким грамматическим приспособлением наиболее устоявшиеся интернациональные (чаще всего латинские) термины, иногда создавались в большей или меньшей мере напоминавшие их кальки по церковнославянским образцам, совсем редко делались попытки создавать термины заново.

Все выработанное служило сугубо практической и специальной цели – овладению науками, уже заявившими себя в Европе как полезная и важная сила, которую надо было перенять посвятившим этому делу или выдвинутым на него русским людям.

Начало XIX века застаёт русскую науку и русскую беллетристику в этом отношении в положении, мало чем отличающимся от того, что они представляли во второй половине XVIII века [Булаховский 1941: 322]. Специфику поведения медицинской лексики в русском языке в XVIII-XIX веках обусловила следующая внеязыковая причина: заимствование традиции преподавания медицины в Лейденском университете, развитой Германом Бурхааве [Самойлов 1997: 42-43]. Отличительной чертой средневековой медицины являлась обособленность хирургии от ученой медицины, не известная античной древности [Лахтин 1901: 191]. В арабский период связь между внутренней медициной и хирургией не была еще совершенно порвана. С течением времени под влиянием запрещения церкви заниматься хирургией отношение к последней сделалось чрезвычайно предубежденным; хирургия стала считаться занятием низким, недостойным образованного врача; связь между хирургией и внутренней медициной стала слабеть все более и более и, наконец, наступило полное разъединение этих двух отделов медицины [Лахтин 1901: 33-34]. К моменту смерти Бурхааве (1738) на медицинских факультетах европейских университетов подготовка врача занимала

4 года и была оторвана от практики, от больниц и госпиталей. Под медициной понималось то, что сейчас называется терапией. Хирургия не преподавалась и выпускник университета (медикус) не должен был делать хирургические операции. Этим занимались цирюльники. Как и в старину, их обучение было ремесленным: один мастер учил всему [Самойлов 1997: 43].

В русском языке начиная с XVIII века словарями фиксируются единицы *хирургия* и *хирург*. Так, в первом издании Словаря Академии Российской обнаруживаем следующее: **Хирургия** – часть врачебной науки, основанная на трупоразъятии, в которой преподаются правила и способы употреблять лекарства к целению болезней наружных и другие средства простою рукою или снабженною приличными к тому орудиями; там же: **Хирург** – лекарь, кто упражняется в хирургии, знает хирургию. В этом же словаре отмечено производное прилагательное от вышеуказанных единиц: **Хирургический** – принадлежащий, относящийся до хирургии. *Хирургические орудия* [САР¹ 4, 534].

На момент начала XIX века в словарях нерегулярно отмечается указание на обязательную связь данной области медицины с лечением наружных заболеваний: **Хирургия** – часть врачебной науки, в которой преподаются правила отвращать или по крайней мере облегчать различные припадки чувствам подверженных болезней, как посредством известных лекарств, так и самых операций; там же: **Хирург** – Гр. лекарь; кто упражняется в хирургии; действительно отправляющий должность хирурга, относящуюся ко врачеванию хирургических болезней. Здесь же имеется словосочетание **хирургические болезни**: *Хирургические болезни разделяются от многих писателей на пять классов, а именно: на опухоли, раны, чирьи, или вереды, перелом костей и вышибы костей из суставов* [Яновский 1806: 1113-1114].

Ближе к середине XIX века в словарях вновь появляются указания на то, что хирургия занимается лечением исключительно наружных болезней: **Chirurgia** – рукодеятельная врачебная наука, преподающая наставление о наружных повреждениях, о лечении их наружными средствами и кровавыми операциями; от *χείρ* – рука и *εργον* – работа [Никитин 1835: 108]; **Хирургия** – часть врачебной науки, в которой преподаются правила и спосо-

бы к лечению наружных болезней; **Хирург** – врач, занимающийся преимущественно лечением наружных болезней. [Словарь 1847, 4: 400].

В отраслевом (медицинском) словаре Гринберга появляются наименования областей самой хирургии: *Общая хирургия. Судебная хирургия. Инструментальная хирургия. Хирургия врачебная, медицинская, терапевтическая. Рукодеятельная, или оперативная хирургия. Умозрительная хирургия.* [Гринберг 1840: 1, 431].

В индивидуальном словоупотреблении Н.И. Пирогова появляются словосочетания *образовательная хирургия* и *пластическая хирургия*, встретившиеся в тексте научного характера: *Эти немногие строки объясняют лучше, нежели школьные доводы, все достоинства образовательной (пластической) Хирургии, и практическое её назначение в обществе* [Пирогов 1836: 4]; *В классической медицине греков и римлян мы также не много находим положительного о пластической хирургии* [Там же: 30].

Первое из двух словосочетаний осталось термином, второе впоследствии стало полноправным терминологическим сочетанием.

Кроме слова *хирург* еще одна лексема обозначала представителя хирургической должности – *оператор*.

В словарях русского языка данный термин отсутствует до начала XIX века. Между тем он употребляется в нормативных актах с 30-х годов XVIII столетия: *А в Санкт-Петербургском Генеральном Сухопутном Госпитале, також в одном или в двух больших Морских госпиталях содержать .. для обучения подлекарей и учеников: 1. Оператора, 1. рисовального мастера для лучшего обучения в Анатомии, 1. студюоза для обучения Латинского языка* (Генеральный регламент о госпиталях и должностях, 1735) [Рихтер 1820, 3: 23]. О содержании этого термина можно узнать из описания обязанностей оператора в предисловии к анатомическим таблицам М. Шеина профессором Шрейбером на латинском языке: *производить анатомические демонстрации в анатомическом театре* <пер. автора – Н.С.> [Syllabus 1752: 4-5]. В докладе Медицинской коллегии об учреждении Медицинских

управ «для лучшего наблюдения за аптеками и госпиталями» от 19 января 1797 года этим словом обозначена несколько иная должность: *Хотя каждого Врача есть первый долг быть человеколюбиву, и во всяком случае готову к поданию помощи людям болезнями одержимым; но качества сии для **Оператора** несравненно еще нужнее, поелику действует его рука, и без помощи его иногда никакие средства не в состоянии не только исцелить, ниже облегчить болезни. На таковой конец, если **Оператор** призван будет к болящему, над которым нужно будет сделать операцию, буде время и обстоятельства терпят, без советов и присутствия других Врачей, совершать оную не должен, особливо при важных случаях* [ПСЗ 1830: 24, 295].

Эволюция номинативного значения на протяжении XVIII века происходит таким образом: от наименования должности в медицинском учебном заведении до обозначения исполнителя хирургических функций во врачебной инстанции.

Изменения сравнительно с предыдущим столетием мы обнаруживаем уже в начале XIX века: *Медико-хирург, желающий получить степень Доктора Медицины и Хирургии, .. должен быть уже известным **Оператором**, а потому и требуется, чтобы доставил историю многих болезней, выпользованных им посредством операций, с засвидетельствованием врачебного начальства, в ведомстве коего находится* [ПСЗ 1810, 1830: 31, 259].

В новом значении слово также присутствует в толковых словарях: **Оператор**. Лат. Кто делает хирургические операции. .. **Оператору** нужно иметь совершенное зрение, здоровые руки и ноги свойственных им хороших качеств; .. **Оператор**, при всем своем искусстве и нужной ему смелости, должен иметь жалость к людям самого низкого состояния .. *И тот оператор заслуживает порицания, который при производстве операций над бедными и низкого состояния людьми, забывает чувствования, свойственные всякому живому человеку* [Яновский 1806: 54-55]. С тем же значением слово оказывается в толковом словаре русского языка: *Оператор – производящий операцию хирург* [Словарь 1847, 3: 68].

В Лексиконе Гринберга имеется толкование лексемы *Operateur* (нем.) и *оператор* (рус.), данное на латинском языке: ‘хирург опытный, врач, умело владеющий скальпелем; который знает толк в лечебном применении ножа, хирург в использовании железных орудий наиопытнейший’ <пер. автора> [Гринберг 1841, 3: 545]. Примечательно, что данные наименования зафиксированы лишь в русском и немецком языке. Косвенно это объясняется историческими данными о положении хирургии в Германии, когда наиболее сведущие из низших хирургов (*Wundarzt*), становясь хирургами высшего порядка, «режущими врачами» (*operatores*), начинали вести жизнь оседлую и получали должности городских военных врачей. В 1525 году в Аугсбурге даже выстроен был дом (*Schneidehaus*) для производства хирургических операций [Мороховец 1903: 352].

Применительно к ситуации в отечественной медицине можно отметить следующий характер употребления этого слова в XIX веке:

1) В научных текстах данная единица употребляется в основном в 30-е и 40-е годы: *При эфировании должно постоянно наблюдать за действием прибора для вдыхания эфирных паров, а потому .. оператор должен иметь уже некоторую опытность и наглядность, если он хочет оперировать действительно без боли и вреда* [Пирогов 1847: 77]; *Разрез .. канала для извлечения этого большого камня, как уверял меня сам Оператор, не простирался однако ж за границы предстательной железы; от чего, очень вероятно, и зависел счастливый исход операции в этом как для больного, так и для Оператора, трудном случае* [Иноземцев 1836: 127]; *По нашему мнению аппарат этот столь удобный для оператора и больного, требует следующих улучшений <...>* [Маклаков 1847: 83].

2) Начиная со второй половины XIX века данное обозначение практически не отмечается в научных текстах: отсутствует в произведениях «Начала общей военно-полевой хирургии, взятые из наблюдений военно-госпитальной практики и воспоминаний о Крымской войне и Кавказской экспедиции» (1864) и «Военно-врачебное дело и частная помощь на театре войны в Болгарии и в тылу действующей армии в 1877-1878 гг.» (1879), зато активно

употребляется в воспоминаниях, дневниках, письмах врачей и некрологах: *Двое из моих врачей вчера возвратились из экспедиции в Козлов, куда я их посылал, и они двое только и были там операторами на 600 раненых (это – Каде и Беккерс)* (Н.И. Пирогов – А.А. Пироговой) [Пирогов 1907: 115]; *Немало операций в госпиталях Обуховском и Марии Магдалины было сделано мной в это время, и я, как это всегда случается с молодыми хирургами, был слишком ревностным оператором, чтобы отказываться от сомнительных и безнадежных случаев* [Пирогов 1881: 313]; *Обыкновенно Юрий Николаевич выходит из своего равновесия молчания, когда начнут рассказывать о каком-нибудь операторе, который много сделал ампутаций на перевязочном пункте; тут сыплется на этого оператора целый дождь самых отборных бранных выражений: и дьявол, напр., и прочее, нецензурное* [Боткин 1893: 286]; *При обширной, всем известной, эрудиции, покойный обладал выдающейся клинической опытностью и совершеннейшей техникой искусного оператора* (Некролог проф. С.П. Коломнина) [Троянов 1886: 1]; *Вопрос был решен опытом; муштаид приказал персу, оператору снять катаракту его (муштаида) повару* [Филатов 1909: 115]; *Этого многие ассистенты не понимают: они интересуются самой операцией, забывая свои обязанности, они не вовремя лезут в рану, заслоняя поле операции, они волнуются тогда, когда и оператор не волнуется* [Оппель 2002: 240].

3) Исключением выглядит обнаружение интересующей нас лексической единицы в научном тексте: *Руки оператора и помощников тщательно моются в продолжении нескольких минут мылом с теплой водой, обтираются спиртом и опускаются на несколько минут в раствор антисептической жидкости* [Брокгауз, Эфрон 1903, 73: 299]. Принимая во внимание историю вхождения слова *оператор* в русский язык, следует отметить, что в конце XIX столетия, оно используется примерно с тем же значением ‘тот, кто производит операцию’ и в немецких научных текстах: *Der Kranke liegt horizontal am Rücken. Der Operateur steht am dessen rechter Seite. Vor der Operation muss man sich durch Untersuchung auf Fluctuation und durch Percussion die Lage und Grenzen der vollen Blasé klar machen, und wenigstens sich darüber*

Gewissheit verschlaffen, dass die Blasé die Symphyse um einige Zoll überrage [Handbuch 1872: 162].

Таким образом, в XIX – начале XX вв. у лексемы *оператор* имеется унаследованное от эпохи начала XIX века значение, а его использование в научных текстах после появления двух вышеупомянутых научных работ Н.И. Пирогова сокращается.

Также большой интерес представляет ряд *медико-хирургия* – *медико-хирург* – *медико-хирургический*. Толковые словари начинают частично отражать эти слова лишь с начала XIX века. Между тем, одно из производных фиксируется в нормативных актах Российской Империи уже в XVIII веке: *Февраля 8 дня сего 1754 года поданным Святейшему Правительствующему Синоду Медицинская Канцелярия доношением представляла: понеже Медицинская Канцелярия ныне желает и всякое к тому прилежное старание приложить имеет, чтобы из самых природных Российских достойных людей в **Медико-хирургию** и Фармацию, воспитав в тех искусствах, произвести в лекари и аптекари для употребления в Высокославной, Её Императорского Величества службе* [ПСЗ 1830: 14, 37]. Существительное *медико-хирургия* не зафиксировано в толковых словарях русского языка XVIII-XIX веков.

Употребление прилагательного *медико-хирургический* в текстах XVIII века также отмечено: *Медико-хирургический (также слитно) – относящийся к медицине вообще и к хирургии в частности* [Словарь XVIII: 12, 108]. В словарях начала и середины XIX оно зафиксировано в составе словосочетания: **Медико-хирургическая академия** – *академия, в которой обучают медицине и хирургии* [Словарь 1847, 1: 294]. Дольше всего это название просуществовало у Императорской Академии в Петербурге: с 1798 по 1881 годы. По политическим и экономическим причинам в 1881 году, имея во главе своего правления начальника из врачей с высшей ученой степенью, Академия должна была подчиняться непосредственно военному министру, а в видах соответствия новому порядку, вводимому в ней ее следовало переименовать в «Императорскую Военно-Медицинскую Академию» [История 1898: 702]. Примечательно, что в Петербурге существовал также *Медико-хирургический институт: Учреждение **Медико-***

Хирургического института за Калинкиным мостом последовало в 1783 году в Царствование блаженной и вечной славы достойныя памяти Императрицы Екатерины II [ПСЗ 1830: 27, 374]. Н.И. Пирогов достаточно часто использует привычное наименование старейшего учебного заведения: *В 1840 г. вручаю Клейнмихелю, назначенному тогда попечителем (Петербургской медико-хирургической академии), об учреждении в России госпитальных классов для оканчивающих курс и молодых врачей* (Н.И. Пирогов – И.В. Бертенсону) [Пирогов – Бертенсону 1962: 44].

Примечателен факт появления *медико-хирургического магазина* при Академии: *Каталог изданий Медико-хирургического книжного магазина Н.Н. Петрова в С.-Петербурге на Выборгской стороне по Нижегородской улице, в д. № 15 против Императорской Военно-Медицинской Академии. Продажа исключительно русских медицинских книг и пособий (анатомич. модели, натуральные черепа, собранные скелеты и отдельные кости человека, инструменты и т.п. (на титуле)* [Каталог 1893: 1].

Название ученой степени *медико-хирург* отмечается в словарях лишь с середины XIX века. Опять же нормативные акты Российской Империи опережают в этом отношении лексикографические источники: *Лекарь, состоящий в Российской военной, либо гражданской службе, желающий получить степень Медико-Хирурга, должен представить от главного своего врачебного начальства надлежащее свидетельство о сделанных им с успехом, .. трех важных операциях над живыми людьми* («Высочайше утвержденные правила об экзаменах Медицинских Чиновников», 1810) [ПСЗ 1830: 31, 253]. Первая фиксация слова дана в Словаре 1847: *Медико-хирург. Врач, имеющий дозволение лечить внутренние болезни и производить хирургические операции* [Словарь 1847, 1: 294]. В Словаре Даля (2 изд.) указывается на класс этого медицинского чиновника по табели о рангах: *Медико-хирург – ученое звание, врачебная степень, с правами 8 класса, даваемая искусным операторам* [Даль 2: 510].

Интересно отметить в произведениях Н.И. Пирогова употребление данной единицы: *В старом экзаменационном статуте допускались целых шесть медицинских степеней: три степе-*

ни лекаря (лекарь 1-го, 2-го и 3-го отделения), доктор медицины, доктор медицины и хирургии и медико-хирург. Я предложил сокращение на две степени: лекаря и доктора медицины, но мой проект не прошел, и вместо двух были приняты три степени (лекарь, доктор медицины, доктор медицины и хирургии) [Пирогов 1881: 340].

Следует отметить, что в Лексиконе Гринберга единицы *Medico-Chirurg* и *Медико-хирург* отмечены в русском и немецком языках [Гринберг, 3: 471; 4: 258].

Рассмотрев наименования должностей лиц, задействованных в хирургии, приходим к следующим выводам:

1. Наиболее ранним обозначением является *хирург*. Оно продемонстрировало исключительную устойчивость в употреблении и используется в настоящее время.

2. Слово *оператор*, пришедшее из латинского языка через посредство немецкого, в русском языке пережило эволюцию от наименования конкретной (номенклатурной) должности до развития общего значения 'тот, кто выполняет операции'.

3. Слово *медико-хирург*, также имеющее соотносимую единицу в немецком языке, существует на протяжении практически всего XIX века.

4. Единица *медико-хирургический* продолжает активно использоваться в конце XIX века, получив новое значение при снятии противопоставления медицины (внутренних болезней) и хирургии (лечения наружных болезней).

5. Русская хирургическая традиция в плане терминопользования при сопоставлении с немецким материалом обнаруживает свою немецкую основу.

Литература

Боткин С.П. Письма С.П. Боткина из Болгарии 1877 г. СПб., 1893.

Булаховский Л.А. Русский литературный язык первой половины XIX века. Киев, 1941. Т. 1.

Иноземцев Ф.И. Обзор операций, назначаемых в каменной болезни // Военно-медицинский журнал. Ч. 27, кн. 1, 1836. С. 111-130.

История 1898 – История Императорской Военно-Медицинской (бывшей Медико-Хирургической) Академии за сто лет. 1798-1898 / Сост. под ред. проф. Ивановского. СПб., 1898.

Каталог 1893 – Каталог изданий Медико-хирургического Книжного Магазина Н.П. Петрова в С.-Петербурге. СПб., 1893.

Лахтин М.Ю. Этюды по истории хирургии. М., 1901.

Маклаков Н.В. Об употреблении в оперативной медицине паров серного эфира. М., 1847.

Мороховец Л.З. История и соотношение медицинских знаний. М., 1903.

Оппель В.А. Мое жизнеописание. СПб., 2002.

Пирогов – Бертенсону – *Пирогов Н.И.* Письмо к И.В. Бертенсону (Село Вишня, 1880 г., декабря 27) // Пирогов Н.И. Собрание сочинений в 8 томах, М.-Л. Т. 8. 1962.

Пирогов Н.И. О пластических операциях вообще, о ринопластике в особенности // Военно-медицинский журнал. Ч. 8, кн. 2, 1836. С. 3-36.

Пирогов Н.И. Отчет о путешествии по Кавказу. М., 1952.

Пирогов Н.И. Севастопольские письма Н.И. Пирогова 1854-1855. СПб., 1907.

Пирогов Н.И. Дневник старого врача // Пирогов Н.И. Собрание сочинений в 8 томах. М.-Л., 1959-1962.

ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. СПб., 1830. Т. 1-45.

Рихтер В.М. История медицины в России. М., 1814-1820. Т. 3.

Самойлов В.О. История российской медицины. М., 1997.

Троянов А.А. Некролог Сергея Петровича Коломнина. СПб., 1886.

Филатов П.Ф. Письма из Персии. Одесса, 1909.

Syllabus – Hanhart Johann Baltasar. Mellen Christoph Jacob von Syllabus, seu Index omnium partium corporis humani figuris. Illustratus: In usum chirurgiae, studiosorum qui in nosocomiiis Petropolitans aluntur publica, auctoritate conscriptus et vulgatus. – Petropoli [St.-Petersburg]: Typis Academiae scientiarum, [1774]. 7, 69, 3 с. Анатом. Табл. Сост. М.И. Шеиным, гравир. Трофимом Ульяновым, Предисл. Написал проф. Шрейбер.

Брокгауз, Ефрон – Энциклопедический словарь / Под ред. проф. И.Е. Андреевского. Издатели Ф. Брокгауз и И.А. Ефрон. Т. 1-82, 1890-1907.

Гринберг Л.П. Всеобщий терминологическо-медицинский лексикон на латинском, немецком и русском языках со включением всех к физике, фармации, медицинской химии, естественной истории, ботанике, равно как и ветеринарной науке принадлежащих наименований и выражений и с этимологическими изъяснением всех в медицине употребляемых греческих слов. Ч. 1-4; 4 т. Берлин, Лейпциг, 1840-1842.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 2001. Т. 4.

Никитин А.Н. Врачебный словарь, изъясняющий принятые в медицине греческие и латинские термины с прибавлением кратких биографических очерков известных древних врачей, составленный доктором медицины, надворным советником и кавалером Александром Никитиным, Медико-хирургической академии членом-корреспондентом и Обществом русских врачей в Санкт-Петербурге членом и секретарем. СПб., 1835.

САР¹ – Словарь Академии Российской 1789-1794. М., 2001. Т. 1-6.

СРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII века, вып. 1-15. Л., СПб., 1984-2005.

Словарь 1847 – Словарь церковно-славянского и русского языка. Т. 1-4. СПб., 1847.

Яновский Н.М. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту, содержащий: разные в российском языке встречающиеся речения и технические термины. СПб., 1803-1806. Т. 3.

Handbuch – Handbuch der allgemeinen und speciellen Chirurgie. III. Abt. II. Erlangen, 1872.

Ю.В. Смутницкая (Санкт-Петербург)

Словообразовательная семантика отрицания в оценке личности (по «Материалам для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского)

Материалом статьи является пласт лексики древнерусского языка со словообразовательной семантикой отрицания, представленный в «Материалах для словаря древнерусского языка... по письменным памятникам» И.И. Срезневского [Срезневский 1893]. Нами были рассмотрены лексемы, содержащие префиксы без- (бес-) и не-.

Под словообразовательной семантикой понимается «значение словообразовательного ряда, выражаемое тем или иным формантом при наличии словообразовательных связей между производящим и производным словом» [Балалыкина, Николаев 1985: 71]. В рассмотренном материале общность словообразовательного значения заключается в наличии в производном слове семы «отсутствия или полной противоположности того, что выражает слово без приставки» [БТС]. Другими словами, производные слова с приставкой не- и без- (бес-) утверждают «как факт действительности противоположность тому, что дано в производящем слове».

Словообразовательное значение всегда передается какими-либо средствами, т.е. «имеет специальные показатели – форманты, которые выделяются при сопоставлении производящей и производной основ». Словообразовательное значение отрицания в древнерусском языке выражено преимущественно двумя префиксами – не- и без- (бес-).

Префикс – это «словообразующий аффикс, осложняющий производящую основу в процессе словопроизводства в препозиции» [Балалыкина, Николаев 1985: 111]. Тип значения, формирующегося в результате префиксального, а также префиксально-суффиксального и конфиксального способов словообразования относится М. Докулилом к модификационному, т.е. такому, при котором к семантике производящего слова добавляется небольшой семантический компонент [Современный русский язык

1989: 76]. В нашем материале таким компонентом выступает значение отрицания (т.е. отсутствия чего-либо) в широком понимании.

Безмилостыемъ сѧ хвалаше – “немилосердие”, нелѣность безсоніе не мѧгцелеганіе – “бессонница”, по старости неплодѣ-ства – “бесплодие”, бысть имъ непомочь – “отсутствие помощи”, взплотисѧ ѿ дѣвы чисты безмужны – “без мужа”, нечтѡмаа-го отъ члкъ – “непочитаемый”.

Еще И.И. Срезневским отмечалось, что «народ выражает себя всего полнее в языке своем. Народ и язык один без другого представлен быть не может» [Срезневский 1977: 136]. В настоящее время принято говорить о так называемом принципе антропоцентризма в языке. Человек в языке фигурирует как субъект речи (говорящий), субъект сознания, восприятия, воли, эмоций и т. д. и даже просто как физическое тело, имеющее определенное строение (лицо, голову, ноги и т. д.) и занимающее определенное положение в пространстве [Касьяненко 2009: 53].

В древнерусском языке человек рассматривается с трех сторон – как духовная личность, как физическое, телесное существо и как социальное составляющее.

1. Традиция оценки человека как духовной личности наследуется из старославянской книжности, где человек осмысливается как духовное существо. Большая часть проанализированных лексем описывает человека как грешного, т. е. отрицательно.

Безмилостыемъ сѧ хвалаше – “немилосердие”, нетрѣзвѣни и пнианьствы – “невоздержание”, оно бо лѣтѡсть, а се немужество – “трусость”, не прѣводитъ въ нем бесерѣжа – “бессердый”, неспо-страдающъ и безмилостивънъ любанъ сребро – “несострадательный”, члкъ твѣрдъ. и лоубкъ при всемъ, и нешкщивъ – “грубый”, необвѣданное стремленіе – “несдержанный”, жестовинномъ и необрѣзаномъ срцмъ – “несдержанный”, нелюбви – “недоброжелательный”, отъ говарница немлѡсерда и ѿ совѣда нелюба – “неприятный”, помыслите на ню нечлкъ – “бесчеловечно”.

В русле церковно-славянской традиции данная группа слов указывает, каким человек не должен быть, т. е. преследуется цель утверждения этических и моральных ценностей.

В языке оказывается закрепленным также идеал личности. Это лексемы, обозначающие положительные качества человека.

Ходяще простѣи и нетворомь и *непхистрою и непроказьнѣ* – “непритворность”, *сх великимъ неовиновѣемъ* – “смелость”, *непорочество мыштаеть съборна цркы* – “непорочность”, *взмѣздна крачка, неоплазихъ и кротокъ* – “не тщеславный”, и приставника створи когонзколенѣ дѣлѣ и мастера *непроста* преже написаны стѣны – “мудрый, искусный”, *любовь нелицемѣрноу* – “искренний”, *незловьнѣ вѣрочеть вьсегоу словеси* – “кроткий”, *дѣшоу неоскърьне-ноу съблюду шчо* – “чистый”, *нѣсть незазоримы развѣ тебе, непорочна* – “безупречный”, *дързновеи неязьримо* – “безупречный”, *вх тон днь гмы все незабранно* – “невозбранно”, *некъвьрьнь но приглаго еи* – “чисто”.

Эту же группу лексики можно рассматривать и в аспекте оценки человека как существа социального. Тогда перед нами уже ориентированность сознания на запрещение таких действий и качеств, которые могут привести к конфликтам в социуме. Этот социум находится в процессе формирования, поэтому важно установление равновесия в социальном пространстве

2. В древнерусском языке человек осмыляется и **как член определенного коллектива.**

Широко представлена в рассмотренном материале группа слов, обозначающих практическую деятельность человека. Данные лексемы имеют достаточно абстрактную семантику. Они не называют такие виды деятельности, как пахать, копать, работать, шить и т. д. Занятия характеризуются в самом общем смысле, по наличию или отсутствию деятельности, склонности к чему-либо, степени завершенности или незавершенности начатого и т. д.

Бездобьныи – “бесполезный, напрасный”, *вездѣнствьныи* – “без работы”, *некъвлица* – “неопытная”, *некъкъпныи* – “несовместный”, *недосѣгъ* – “отсутствие досуга”, *недържимо* – “без поддержки”.

Другой аспект характеристики человека как существа социального - опыт. Категория неопытности в чем-либо выходит на первый план и оказывается важнее, чем опытность, посвященность человека в каком-либо деле.

Людыскога ради нераченна – “беззаботность”, нецѣлься своимъ несмотреннемъ прекываган члвкы – “беспечность”, да не въ неродѣ живемъ – “беспечность”, нехудози зидари – “неискусный”, мужь бо етеръ ненкѣльнъ – “неопытный”, и истинники яко необмѣтели есмы – “неопытный”, необкы словъ правды – “необученный”, врачь нехытръ – “незнающий”.

Со знанием и умением связана характеристика умственных способностей и возможностей человека.

Изрода есть зобомыя безмодарне – “глупость”, се немисмыслъ- ныство – “глупость”, кротокъ словеси, грѣбенъ неразумъ – “неразумие”, въпроси вещина и неразумичьни – “неразумный”, немисмыслно мынчти – “глупый”, по невежествъ (бывае^т грѣхъ) ниже простыни необчены члкъ творитъ грѣхъ за мѣлннъ оумъ – “невежественный”, раздѣлять же си силы дшныя въ мыслно и безмыслно, вазнь и звѣздамъ неразумнѣ приточчати – “неразумно”.

Постоянная деятельность, освоение мира так или иначе сталкивают человека с другими людьми. Человек начинает осмысливать не только как нечто самоценное, законченное в себе и замкнутое на себе, но и через взаимодействие с другими людьми. Становятся важны отношения в коллективе.

Быть имъ непомочь – “отсутствие помощи”, и быть непо- собѣ псковичемъ, ино в нашомъ нежитѣи тѣои украиники позабирани земли – “вражда”, да бѣдетъ чи житие вездарно и везмыстно – “без мести”, для того непочетливого слова и похвалякы – “непочтительный”, въ то же время Черниговскомъ князю немирнѣ с Ол- гомъ Святославичемъ – “находящийся во вражде”, разумѣша бо, яко ничто ѿ сѣи хъ нехитръ и непопечно – “остающийся без попечения”, непривошченномъ быти – “не принятый к общению”, аще ли бѣдетъ ненавидно живѣще в распрахъ – “несогласно”, неповино- вѣтѣмъ и пресловшаніемъ – “непокорность”, оумъ мон, обдавленнъ терниемъ лѣности и ладною непокорьства – “непослушание”, не- прнклоненъ бывъ различными колѣзными – “непокоренный”, не достонтъ неповиношцимъ си засъ бѣдѣ тѣльствовати нерѣшомъ – “непокорный”, непоракошеноу сзвляюх еси дшов свою страми и сластьми тѣлесными – “непобежденный”.

Внимание к нюансам человеческих отношений – один из ключевых сквозных мотивов русской языковой картины мира. Отношение одного человека к другому – это часть его внутренней жизни [Зализняк, Левонтина, Шмелев].

Также в социуме устанавливается жесткая иерархия, где каждый человек занимает свое особое место. Это место также определяется через отношения людей, через их сопоставление.

Вѣ **нѣвѣсти** **ко** **лѣжитъ** **ншѣ** **ѡ** **хоженіи** **ѡ** **содѣ** – “неизвестность”, **нѣмѣніи** **снцѣ** **хвалитъ** – “бедность”, **взплотни** **ѡ** **дѣвы** **чисты** **взмѣжны** – “без мужа”, **нежененіа** **печатъся** – “неженатый”, **аще** **же** **кто** **прельсти** **необѣщанъ** – “необрученный”, **нечѣтомааго** **отъ** **члкъ** – “непочитаемый”, **взмѣжно** **смыслити**.

3. Лексика древнерусского языка со словообразовательной семантикой отрицания рисует человека не только как духовную личность, но и как **физически данное существо**: **безокъ** – “безглазый”, **безочный** – “безглазый”, **безочіе** – “безглазие”, **безпортъ** – “недостаток в одежде”, **некрасота** – “безобразие”, **необѣвѣны** – “безобуви”.

4. Мышление средневекового человека отличается особым **синкретизмом**, поэтому разные аспекты оказываются тесно взаимосвязанными и порой осмысляются один через другой. Некоторые стороны человека как существа тварного тесно связаны с духовными, эстетическими ценностями.

Так, с духовным аспектом соотносятся лексемы со значением «большой», «слабый», что является продолжением церковной традиции. Библия полна рассказами о сумасшедших и чудесном исцелении их [Решетников 1968: 43]. Христианство рассматривало болезнь и безумие как искупительное страдание: в больших падучей, умалишенных видели божьих людей [Вендина 2002: 66]: **безразуміе**, **безумливый**, **безумль**, **безумьство**, **неразуміе**, **неразумьны**, **неразумѣвыи**, **неразумѣніе**.

С религиозными представлениями связано и понятие о красоте. Оно наполнено не только эстетическим, но и духовным смыслом. Красота для средневекового человека – это, прежде

всего, понятие нравственное, соотносящееся с категориями добра и блага, поэтому красивый человек – человек добрый.

В рассмотренном нами материале чаще всего внешность человека предстает как отклонение от нормы. Человек некрасив и негармоничен.

Претворна еси нешаровьными цвѣтзми – “не относящийся к внешней красоте”, *неличнаи наша* – “наблагообразный”, *лице еси прокаженнємь кыпѣль догелѣ, необличенъ злобъ* – “безобразный”.

Однако большая часть лексем, характеризующих человека с точки зрения его телесности, не связана с эстетической оценкой называемых качеств, признаков, особенностей. Важным оказывается социальная роль и значимость признака.

Сюда можно отнести признак «бодрый», «бодрствующий». В данном случае уже нет связи с религиозными представлениями. Человек постоянно бодрствует - не спит, не утомляется, полон жизненной энергии. Это человек-деятель, активно осваивающий пространство вокруг себя.

Нелѣность безсоніе не малцелеганіе – “бессонница”, *неспаніе* – “бодрствование”, *почюднѣзси азъ ... нѣкоторыхъ вѣрѣ, и тѣопѣнню, и неѣтомленію* – “неутомимость”, *неоспнѣощіи очн* – “бессонный”, *стража неосыпаема* – “бессонный”, *неосыпающа имѣеть тѣ малѣвника* – “бодрствующий”, *въ службахъ веселъ, в вѣдахъ непочивенъ и въ отвѣтѣхъ нескоръ* – “неутомимый”.

Человек-деятель находится в постоянном движении и созидании.

Нынѣ князю мистерѣ недоуѣ на сѣздѣ быти – “недостаток свободного времени”, *неприазнъ нѣкаа* – “занятие”, и тако *итѣга зданню неощѣно* – “усердно”.

Таким образом, в древнерусском языке XI-XIV веков человек описывается с трех сторон: как духовная личность (церковнославянская традиция), как член социума (с точки зрения общественного положения и общественной роли) и как биологическое, физическое существо. Не всегда эти точки зрения четко отделены друг от друга, поскольку мышление человека в этот период отличается особым синкретизмом. Важная черта древнерусского язы-

ка состоит в том, что человек осмысливается с социальной точки зрения. Человек не просто венец творения, он принадлежит некому коллективу, перед которым он имеет обязательства и с которым определенным образом выстраивает отношения.

Литература

Балалыкина Э.А., Николаев Г.А. Русское словообразование: учеб. пособие. Казань, 1985.

Вендина Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М.: Индрик, 2002.

Зализняк Анна, Левонтина И., Шмелев А. Ключевые идеи русской языковой картины мира. URL: <http://www.strana-oz.ru/print.php?type=article&id=219&numid=4>

Касьяненко Л.С. Становление языковой картины мира // Вестник Северо-Кавказского государственного технического университета. 2009. № 3 (20). С. 51-62.

Решетников Н.А. Библия и современность. М.: «Мысль», 1968.

Современный русский язык: учеб. для филол. спец. ун-тов / под ред. В.А. Белошапковой. 2-е изд., испр. и доп. М., 1989.

Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка: в 6 т. СПб., 1893-1912 гг.

Срезневский И.И. Мысли об истории русского языка // Хрестоматия по истории русского языкознания / Сост. Ф.М. Березин. 2-е изд., испр. М.: Высшая школа, 1977. С. 136-146.

БТС – Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998.

Д.С. Соломеина (Екатеринбург)

**Трудовые ситуации в русской традиционной картине мира:
семантико-словообразовательный словарь¹**

В настоящее время создано большое количество словарей, которые отличаются по многим параметрам: способами отбора материала и способами его представления, задачами и целями создания такого типа словаря, ориентированностью на разные категории пользователей, их компетентность. Словари создаются в различных областях знаний, и чаще всего, чтобы максимально полно представить какой-то аспект исследования выбранного предмета, создатели словарей стараются максимально ограничить поле своего исследования, хотя в последнее время стали появляться словари, представляющие комплексный подход (например, в толковые словари стали включаться этимологические комментарии, а также синонимы, антонимы и исторические справки и т.п. («Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов» [Шведова 2007], «Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений» [Шведова 1998], «Новый объяснительный словарь синонимов русского языка» [Апресян 1999] и др.). Многие лингвисты (Ю.В. Откупщиков [Откупщиков 1967], Ж.Ж. Варбот [Варбот 1984, Варбот 1963, Варбот 2008], Ю.Д. Апресян [Апресян 1995] и др.) говорят об одной из наиболее характерных особенностей современного языкознания – стремлении найти подход к языку как явлению системного порядка, поэтому ученые отмечают важность соединения в исследовании нескольких компонентов (например, этимологического, семантического, словообразовательного и т.д.). Можно предположить,

---

¹ Исследование выполнено при поддержке госконтракта 14.740.11.0229 в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (тема «Современная русская деревня в социо- и этнолингвистическом освещении»).

что в дальнейшем будут появляться новые типы словарей, отражающих комплексный подход в исследовании и представлении материала.

Нам хотелось бы предложить проект семантико-словообразовательного словаря трудовых ситуаций. Данная идея появилась в процессе исследования этимолого-словообразовательного гнезда **шить**, поэтому принцип работы словаря мы постараемся представить на примере ситуации шитья.

Прежде всего, следует определить, что будет выступать в качестве объекта исследования в нашем словаре. Согласно нашей концепции, это будет ситуация, представленная в русском языке дериватами одного корня, то есть по сути своей данный словарь будет словарем отглагольной лексики. Таким образом, заглавной единицей в словаре будет не слово, а название ситуации, представляющее собой дериват глагола (существительное), номинирующий ситуацию в целом: например, ситуация шитья (представленная дериватами глагола **шить**). В словарь войдут глаголы и их дериваты, обозначающие в основном значение деятельность человека.

Чтобы составить текст самой словарной статьи, нужно провести большое исследование, которое предполагает:

- моделирование исторического варианта корня (с учетом древних чередований),
- определение круга дериватов исследуемого гнезда, их классификация с точки зрения семантической и словообразовательной производности,
- разделение прямых производных на группы с точки зрения лексического значения и выявление компонентов самой ситуации, которая отражена в семантике этих дериватов,
- определение регулярных сфер, на которые переносится ситуация, и описание оснований переноса,
- рассмотрение единичных значений производных и их интерпретация.

Методологическую базу подобного рода исследований составляют процедуры этимологического анализа и семантической

реконструкции, семасиологического и ономасиологического анализов.

Мы предлагаем использовать для составления текста словаря не только данные современного русского литературного языка, но и диалектные, жаргонные, просторечные данные, данные исторических и фразеологических словарей. Такой охват материала позволит заметить малейшие нюансы в изменении семантики дериватов, а также зафиксировать то, как ситуация осознается носителями языка, как она разрабатывается и как меняются ее компоненты.

На примере ситуации шитья картина, складывающаяся на основе исторических и диалектных данных, отличается от картины современного русского литературного языка. Ранее дериватами глагола **шить** обозначались следующие компоненты ситуации: само действие, субъект действия, качество действия, результат действия, материал, место действия, инструмент/приспособление, место хранения инструментов и приспособлений. При этом каждое действие, отраженное в лексемах, обладающих узким, конкретизированным значением, имеет не только свое особое название, но и своего субъекта, свой результат и материал:

сшивать – шиватель, шивалка, шивальщик – шивок,

прошивать – прошиватель, прошивальщик – прошивка,

это говорит о том, что процесс шитья является общественным производством: происходит разделение труда и соответственно возникает необходимость в конкретизации, уточнении ранее созданных номинаций.

В современном русском литературном языке представлены только следующие категории: само действие, его результат и субъект действия. Причина того, что словарный состав современного литературного языка уже, экстралингвистическая. Изменилась сама ситуация шитья: индивидуальный ручной труд заменился машинным, механизированным производством, отношения между производителем и потребителем потеряли ценность, теперь они опосредованы рыночными отношениями между продавцом и покупателем. Наши материалы показывают, что гнездо, имеющее разветвленную семантику на диахронном уровне, пред-

ставляет крайне узкую семантику на синхронном уровне и не сохраняет огромного количества лексем.

Таким образом, первой частью словарной статьи будет представление компонентов ситуации, выраженных дериватами гнезда, и сравнение двух языковых картин (современный русский литературный язык и диалектные и исторические данные). Выводы, которые можно сделать на основании данного сравнения, содержат в себе не столько лингвистическую, сколько культурную информацию и будут полезны для пользователей, заинтересованных в экстралингвистической интерпретации тех или иных слов.

Второй частью словарной статьи будет представление и классификация производных с переносным значением, выявление ситуаций, на которые возможен перенос.

Так, в исследуемой нами ситуации возможно расширение исходного значения. Процесс шитья может обозначать труд, работу вообще: *шить* ‘заниматься чем-либо’ [БСРЖ: 691], *лыко шить* ‘работать, делать дело’ [СПГ 2: 554], а также различные виды хозяйственной деятельности (рыболовство: *подшить* ‘скрепляя, присоединить к чему-либо, соединить вместе, подбрав (в каком-либо порядке) и скрепив’ [МАС 3: 230], *пришива* ‘сетное полотно, дополнительно пришиваемое к крыльям невода’ [СРНГ 32: 66], строительство: *шилэвать* ‘обшивать дом тесом’ [СРДГ 6: 367], *шилэвка* ‘самое обшивание дома’ [там же], производство из древесины лодок, саней, телег: *обшивки* ‘доски, из которых делается лодка’ [СРНГ 22: 270], *перёшва* ‘поперечный брус лодочного каркаса’ [СРГК 4: 476], *обшивенка* ‘сани-обшевни’ [СРНГ 22: 270], *пóшвальни* ‘легкие сани’ [СРНГ 31: 26], *расш́ива* ‘округлый кузов телеги из дугообразных поперечных и продольных брусьев’ [СГС 4: 147, СРНГ 34: 327], работу с металлом: *прош́ивка* ‘инструмент для проделывания, отверстий в металлических заготовках, слитках’ [БАС 11: 1552, МАС 3: 547], *прошивной пресс* ‘гидравлический пресс, применяемый в кузнечно-штамповочном производстве для глубокой прошивки отверстий’ [БАС 11: 1552], ткачество: *пришива* ‘передний вал в ткацком станке для укрепления нитей основы и наматывания готовой ткани’ [СРНГ 32: 66, СРГК 5: 229, СГС 4: 21, СГП: 224, СВГ 8: 73], *пришивильца* ‘деталь ткацкого станка, на которую наматывают

ткань' [ЛК ТЭ], соединение бумаг: *подшивать* 'присоединять (бумагу, документ), прикрепляя к чему-либо' [БАС 10: 701], изготовление предметов быта: *пóшвень* 'большой короб (с веревкой) для переноски корма скоту' [СРНГ 31: 26], строительство железных дорог: *шить* 'прокладывая железнодорожный путь, прикреплять рельсы к шпалам' [БАС 17: 1426], торговлю: *шилльничать* 'торговать разной мелочью' [СЗ: 463] и название субъекта *шилльник* 'торговец разной мелочью' [там же].

В большинстве случаев происходит расширение исходной семантики за счет устранения дифференциальных сем. В описании ситуации не отражается, кто, где, как совершает действие, возможные актанты и сирконстанты становятся менее предопределенными. Ведущей становится сема соединения, ее дальнейшая конкретизация целиком зависит от характеристик новой ситуации.

Ситуация шитья может переноситься на внешность человека, его поведение и нехозяйственную деятельность. Генезис нового значения может быть связан с переосмыслением роли, функции и оценки различных составляющих исходной ситуации. Ряд производных основаны на расширении используемых материалов шитья, оцениваемом как бесполезное или невозможное, откуда вытекают семы ненужности, общей отрицательной оценки: *пришей кобыле хвост* 'неизвестно кто такой и откуда' [СГС 4: 22], *пришей кобыле хвост* 'о ком-, чем-нибудь, не связанном с другим, лишнем, ненужном' [БАС 17: 104, СРНГ 32: 68]. Особое значение, которое можно выделить в рамках группы дериватов гнезда **шить**, – это сплетничанье: *перешивать* 'злословить, сплетничать о ком-либо' [СРНГ 26: 278, СГС 3: 219], *перешивница* 'сплетница' [СГС 3: 219], *шивáла* 'человек, сеющий раздор, сплетник' [СГС 4: 497, СГЗ: 402]. Очень часто ситуация шитья переносится на поведение человека–обманщика: *шиться* 'угол. выдавать себя за кого-то другого' [БСРЖ], *пришивать* 'ложно приписывать что-либо, ложно обвинять в чем-либо' [БАС 11: 888, МАС 3: 459]. Дериваты гнезда **шить** наделяются следующими значениями (с отрицательной семантикой), представленными в основном жаргонной лексикой, имеющей значение 'убивать' или 'бить кого-нибудь': *вшивать* 'бить кого-нибудь' [СРНГ 5:

242], *нашивáть* ‘побить, поколотить’ [СРНГ 20: 298], *нашить банок* ‘побить, поколотить’ [СРНГ 20: 298].

Наконец, третью часть словарной статьи будут составлять дериваты, имеющие автономную семантику – это слова, образующие самостоятельные микрогнезда. На примере ситуации шитья это лексемы *шило* и *подошва*. Лексема **ШИЛО** в современном русском языке деэтимологизировалась. Шило воспринимается не как инструмент, используемый для шитья, а, скорее, осознается как острый инструмент для прокалывания твердых поверхностей. В связи с тем, что слово **ШИЛО** утратило свою прямую семантическую связь с дериватами гнезда **ШИТЬ**, эта лексема образовала свое гнездо. В него входят, например, слова, называющие то, что имеет форму шила, похоже на него. Это такие дериваты *шило*, в значении которых на первый план выходит внешний вид шила, его форма. Часто эти слова состоят из двух корней, первый из которых сохраняет форму *шило-* и обозначает, что предмет, названный вторым корнем, похож на шило, имеет его форму. Сюда относятся такие составные производные, как: *шилочлювка* ‘птица семейства ржанок отряда куликов с длинным, тонким, загнутым кверху клювом’ [БАС 17: 1395], *шилохвость/шилохвостка* ‘дикая утка с длинными хвостовыми перьями’ [БАС 17: 1395, СА 4: 235, МАС 4: 715, СРГНО: 597, ЛК ТЭ] и др.

Подошва в современности воспринимается носителем языка не как нечто подшитое, а как ‘нижняя часть, низ обуви под ступней’ [БАС 10: 520], ‘нижняя поверхность стопы; ступня’ [БАС 10: 520, МАС 3: 208]. В связи с чем этот дериват имеет свое микрогнездо, где развитие значений уже не связано с процессом шитья: *подóшва* ‘нижняя часть, основание (горы, холма и т. п.)’ [БАС 10: 520, МАС 3: 208], *подóшва* ‘нижняя сторона лыжи, подбитая шкурой нерпы’ [СРНГ 28: 126], *подóшвица* ‘стелька в обуви’ [СРНГ 28: 126]. У всех вышеперечисленных производных можно выделить один общий компонент: подошва в этих случаях осмысливается как нижняя часть чего-либо.

Широкое представление материала, привлечение данных различных форм существования языка, использование различных методов позволит сделать большое количество выводов: модели-

рование исторической картины исследуемой ситуации, определение круга ситуаций, способных быть раскрытыми с помощью дериватов исходной ситуации, что говорит о схожести и связанности нескольких ситуаций в сознании носителя языка, объяснение тех дериватов, семантика которых вне гнезда кажется темной и не поддается объяснению. В нашем случае таким словом является **шваль**. М. Фасмер полагает, что **шваль** в значении ‘сволочь, сброд’ вряд ли может быть заимствовано из немецкого **schwall** ‘разбухшая масса’ [Фасмер 4: 417]. О.Н. Трубачев полагает, что это слово происходит от «имени новгородца Ивашки Шваля (нач. XVII), об измене которого сохранилось народное предание», также он отмечает, что мало вероятно заимствование этого слова из французского **cheval** ‘грубый человек’ [Фасмер 4: 417]. Рассматривая гнездо в совокупности, можно заметить, что в нем существуют внутренние потенции для развития значения ‘сволочь, сброд’. Нам кажется, что это значение может быть производным от **шваль** устар. ‘портной’ [БАС 17: 1313]. Шило могло использоваться не только как инструмент портного, но и как орудие разбойника, грабителя и т.п. Тогда мы можем выстроить модель модификации ситуации шитья:

Орудие шитья (*шило*) → оружие разбойника → действие, выполняемое этим орудием (*шить*) → субъект действия (разбойник, вор)

Приведем поговорки, которые отождествляют портного и вора:

Нет воров супротив портных мастеров (они пьют-едят готовое, носят краденое),

Портной – вор, сапожник – буян, кузнец – пьяница,

Портной на грош украдет, а на рубль изъяну сделает,

Портные – воры клетные (деревенские, бродячие портные),

Унести на ножницах (украсть, о портном)

[<http://www.aphorism.ru/dal/117.html>].

В дальнейшем могло произойти расширение значения: ‘разбойник, вор’ > ‘сволочь, сброд’.

Мы не смогли бы сделать каких-либо самостоятельных предположений по поводу этимологии данного слова, не иссле-

довав состава этимолого-словообразовательного гнезда в целом и не составив полную картину наполнения этого гнезда. Для наглядного представления данной картины и будет служить словарь ситуаций.

Предлагаемый тип словаря способен объединить данные различных словарей, облегчить поиск и сбор материала для исследователей, изучающих русскую традиционную культуру и ее отражение в языковой картине мира. Работа над таким словарем, безусловно, займет много времени и потребует привлечения данных других ученых, но в конечном итоге создание семантико-словообразовательного словаря трудовых ситуаций поможет в интерпретации фактов, до сих пор необъясненных лингвистической наукой.

Литература

Апресян Ю.Д. Избранные труды, т. 1. Лексическая семантика: 2-е изд., испр. и доп. М.: Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995.

Варбот Ж.Ж. О словообразовательном анализе в этимологических исследованиях // *Этимология*. 1963. М.: Наука, 1963. С. 194–212.

Варбот Ж.Ж. О возможностях реконструкции этимологического гнезда на семантических основаниях // *Международный симпозиум по проблемам этимологии, исторической лексикологии и лексикографии: тезисы докладов*. М.: Наука, 1984. С. 5.

Варбот Ж.Ж. Этимологические гнезда и лексико-семантические поля в диахронии и синхронии // *XIV Международный съезд славистов. Славянское языкознание*. М.: Индрик, 2008.

Откупщиков 1967 – Откупщиков Ю.В. Словообразовательные модели и этимология // *Этимология*. 1967. М.: Наука, 1969. С. 80–87.

Апресян 1999 – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск. 2-е изд., испр. / Под общим рук. акад. Ю.Д. Апресяна. М.: Школа «Языки русской культуры», 1999.

БАС – Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М.; Л., 1948–1965.

БСРЖ – Большой словарь русского жаргона / Под ред. В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной. СПб.: Норинт, 2000.

ЛК ТЭ – Лексическая картотека Топонимической экспедиции УрГУ (Архангельская и Вологодская области).

МАС – Словарь русского языка. В 4 т. / Под ред. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1984.

СПП – Словарь русских говоров Приамурья. М.: Наука, 1983.

СГС – Словарь говоров Сибири. Новосибирск: Наука. Сибирское предприятие РАН, 1999.

СЗ – Словарь русских говоров Забайкалья / Сост. Л.Е. Элиасов. М.: Наука, 1980.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 1–6. СПб.: Изд-во СПб ун-та, 2005.

СПГ – Словарь пермских говоров. Вып. 1–2. Пермь: Книжный мир, 2002.

СРГНО – Словарь русских говоров Новосибирской области / Под ред. А.И. Федорова. Новосибирск: Наука, 1979.

СРДГ – Словарь русских донских говоров. Т. 1–3. Ростов: Изд-во Ростовского ун-та, 1976.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. М.; Л., СПб., 1965-2010-. Вып. 1-43-.

Фасмер – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т.1–4. М., 1964–1973.

Шведова 1998 – Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / Российская академия наук. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова; Под общей ред. Н. Ю. Шведовой. М.: «Азбуковник», 1998.

Шведова 2007 – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: ИЦ «Азбуковник», 2007.

**Памятники письменности Беломорья XIX-нач. XX вв.
как лексикографический источник**

В Национальном архиве Республики Карелия (НА РК) хранятся памятники письменности, относящиеся к территории Карельского Поморья, которые интересны как историкам-краеоведам в плане становления социально-экономических отношений на севере Карелии в XIX-XX вв., так и лингвистам, изучающим вопросы формирования норм языка, функциональных стилей, становления региональной лексической системы.

Данные юридические документы, отражающие состояние делового стиля того периода, содержат богатейший пласт лексики разного происхождения и в связи с этим могут рассматриваться как ценный историко-лексикологический и лексикографический источник.

Материалом настоящего исследования являются тексты документов: «Указы Кемской городской ратуши 1825 г.» (УКГР)¹, «Кемская городская ратуша. Протоколы за 1827 г.» (КГР-П)², «Журналы Кемской городской ратуши 1827 г.» (ЖКГР)³, «Об открытии с 1 июля 1869 г. в селении Сороке Кемского уезда Таможенной Заставы» (ОСТЗ)⁴, «Об отдаче в оброчное содержание принадлежащих г. Кеми рыболовных заколов и заборов на реки Кеми на 1872 г.» (ОСЗ)⁵, «Торговый лист в Кемском Городском Общественном управлении по р. Кеми заколов и заборов на 1903 г.» (ТЛК)⁶, «Об учреждении в Сорокском порту – портового управления 1915 г.» (СП-ПУ)⁷.

¹ Национальный архив Республики Карелия. Ф. 262. Опись 1.

² Национальный архив Республики Карелия. Ф. 262. Опись 1.

³ Национальный архив Республики Карелия. Ф. 262. Опись 1.

⁴ Национальный архив Республики Карелия. Ф. 277. Опись 1.

⁵ Национальный архив Республики Карелия. Ф. 250. Опись 1.

⁶ Национальный архив Республики Карелия. Ф. 250. Опись 1.

⁷ Национальный архив Республики Карелия. Ф. 773. Опись 1.

Остановимся на содержании описываемых письменных памятников. В документах ОСЗ и ТЛК, имеющих подзаголовок «Кондиции», излагаются требования, обязанности, которые должны выполнять арендаторы при взятии в оброчное содержание рыболовных заколов и заборов для ловли семги и мелкой рыбы. Арендаторы обязаны ставить заколы и заборы на указанном пространстве один от другого и на дозволенной глубине. Никто не должен допускать никаких нарушений.

В документе ТЛК уделяется внимание лесопромышленникам, которые должны принять на себя обязательство отвечать за все убытки, за поломку заколов. Иногда возбуждались *пререкания*, после чего требовалось заключение нового соглашения, в котором, в частности, указывалось:

«...сплав леса производить Товариществу лесопильных заводов с 1 августа по левому северному фарватеру от запани до Сабе-Губы ... при чем переводка кашелей по этому фарватеру до остравка Калиниха должна производиться людьми, а не пароходом» (ТЛК).

Текст документа СП-ПУ содержит акт допроса. В нем фиксируются случаи нарушений порядка при осуществлении навигации. Например, отмечается бунт матросов из-за недостаточной платы:

«Когда Подковырин с урядником прибыли на корабль «Цирус», то оказалось, что матросы желают оставить судно, вследствие недостаточной платы. Подковырин разъяснил им, что они связаны договором, расторгнуть который не подлежит компетенции местных властей, что свою жалобу они могут принести портовому Управлению по прибытии в Архангельск, куда корабль имеет направить, а в данное время обязаны подчиниться распоряжению капитана» (СП-ПУ).

Деловые документы, свидетельствующие об устройстве жизненного уклада, о характере административной системы, правления г. Кеми, содержат значительный пласт лексики иноязычного происхождения, которая в основе своей вошла в русский язык в предшествующую Петровскую эпоху.

Кондиция: *«Кондиции сохранять свято ненарушимо, каждый желающий торговаться должен их подписать»* [ОСЗ]. Дан-

ное слово, восходящее к латинскому *conditio* ‘условие (договора, задачи)’, вошло в состав русской лексики в начале XVIII в. в значении ‘условие, требование, обязательство договаривающихся сторон или одной стороны по отношению к другой’ (СлРЯ XVIII в. 10: 131) и, как свидетельствует текст ТЛК, употребляется в том же значении в деловых документах начала XX в., относящихся к Карельскому Поморью. Примечателен тот факт, что в дублетной паре **кондиция – условие**, функционировавшей в XVIII в. (Очерки: 294), наметились некоторые расхождения в употреблении. Первое слово содержат документы, в которых представлен целый перечень обстоятельств, обозначенных порядковым номером. Слово **условие** употребляется более свободно, не связано с перечислением требований, излагаемых в деловом документе. Кроме того, сочетание **письменное условие** обозначает определенный вид документа. Ср.:

«Если кто-либо нарушит эти условия излишнею выставкою закола и забора в длину или глубину или в тесном разстоянии от владельца другого закола, тот подвергается за таковое нарушение наказанию на основании ускорения о наказаниях и сверх того уничтожению шире заколов и заборов» (ОСЗ).

*«...частью построены, а частью приобретены покупкою поименованные в прилагаемой, при сем, ведомости предметы, которые и отправлены, для доставления на заставу..., под управлением крестьянина Кемского уезда Сорокской волости и деревни Александра Моторного, с которым и заключено секретарем Канцелярии моей на перевозку тех предметов **письменное условие**, в засвидетельствованной копии, у сего также прилагаемое»* (ОСТЗ).

Отметим другие слова иноязычного происхождения, зафиксированные в указанных документах; в определении значения и этимона используем данные словаря иностранных слов (СИС).

Морская терминология: **навигация** [лат. *navigatio* мореплавание] ‘период времени, когда по климатическим условиям возможно судоходство в данном море, реке и пр.’, **рейд** [гол. *reed*] ‘водное пространство вблизи берега, у входа в порт, удобное для якорной стоянки судов’, **фарватер** [гол. *vaagwater*] ‘путь для безопасного прохода судов, огражденный, как правило, сигнальни-

ми знаками (вехами, бакенами)’, **буксир** [гол. *boegseren* буксировать] ‘самоходное судно, предназначенное для тяги (буксировки) несамоходных судов, плотов и других плавающих сооружений’, **каботажный** – от **каботаж** [фр. *sabotage*] ‘судоходство вблизи берегов, вдоль побережья (между портами одного государства); флот прибрежного плавания’.

«Агафелов не только в текущую навигацию, но вообще никогда не обращался ни в заставу, ни к ним с заявлениями о том, что приходящие в Сорокский порт пароходы, портовые рабочие и судовые служащие не прищеживаются порядки прохода по каналу и сбивают буксирами опознательные знаки» [СП-ПУ].

«...когда он был на рейде для прописки каботажного парохода «М. Кази», тогда приехал на этом пароходом капитан русского корабля «Цирус»» [СП-ПУ].

«При проводе порожних кошелей за пароходом правым фарватером за поломку заколов Товарищество не отвечает» [ТЛК: 2].

Административная терминология: **ратуша** [польск. *ratusz* < нем. *Rathaus* < *Rat* совет + *Haus* дом] ‘орган городского самоуправления в некоторых странах Европы и России в XVIII-нач. XIX вв., а также здание городского самоуправления’, **магистрат** [лат. *magistratus*] ‘в России со времен Петра I городское управление, ведавшее судебными-административными и податными делами города’, **комиссия** [лат. *commissio* поручение] ‘группа лиц, облеченных полномочиями для выполнения какого-либо специального поручения или имеющих целью предварительную разработку какого-либо вопроса’, **бургомистр** [нем. *Bürgermeister*] ‘в России со времен Петра I до 60-х гг. XIX в. – должностное лицо городского управления’. Особо выделим слово **ратман** (отсутствующее в СИС), известное в русском языке с конца XIII в. в значении ‘член магистрата’ [СлРЯ XI-XVII вв., 22: 115], образовано от нем. *Rat* ‘совет (коллегиальный орган)’ и нем. *Mann* ‘человек’.

«Получен 6 июля 1835 года Указ его Императорского Величества самодержца Всероссийского из Архангельского Губернского Правления, Кемской Городовой ратуши» [УКГР].

«Утвердить распискою что по неимуществу своему не имеют 25 рублей для внесения в городской магистрат или ра-

тушу тогда было его безденежно перенесения в губернский магистрат» [КГР-П].

*«Последовало новое соглашение между Товариществом лесопильных заводов и г. Кемью в отношении поставки по реке Кемь заготов и сплава для их заводов лесу, которое выражено в составленном **комиссиею**, под председательством местного уездного исправника, при участии заинтересованных сторон, журнала 31 мая 1894 г., утвержденном первым Губернатором» [ТЛК: 2].*

*«В присутствии Городовой ратуши прибыли: **Бургомистр Иван Антонов Ратманы** Василий Норкин, Андрей Ананьин» [ЖКГР].*

Лексика, отражающая социально-экономические и деловые отношения: **контракт** [лат. contractus] ‘договор, соглашение, устанавливающие права и обязанности для обеих сторон и обусловленные сроками’, **аренда** [польск. agenda < ср.-лат. agendum] ‘наем на срок имущества (земли, домов, помещений и т.п.) за определенную плату с правом пользования им’

*«Объявленная на торгах сумма подтверждению начальством должна быть внесена в два срока первая половина при заключении **контрактов**» [ОСЗ: 1].*

*«На Верховских порогах и нижней реке заводы отдаются в **аренду**» [ОСЗ: 1].*

Отмечая достаточно широкий пласт новообразований XIX в., Л.Л. Кутина и Ю.С. Сорокин писали: «Открытость русского общества XIX в., многосторонние связи России с другими государствами мира определили сильный приток иноязычной лексики в русский язык» [Проект: 21].

Обратим внимание на слова и лексико-семантические варианты, отсутствующие в Словаре русского языка XVIII в.

1. В перечне указов Кемской городской ратуши 1825 г. употреблена словоформа **конформированный**:

*«№ 3. Получен 6 июля 1825 года Указ его Императорского Величества самодержца Всероссийского из Архангельского Губернского Правления, Кемской Городовой ратуши. Из числа полученных при Указе Правительствующего Сената от 30 прошедшего апреля за № 16953 С Высочайше **Конформированного***

17 февраля мнения Государственного Сената, об отстранении прежнего порядка изложения и снятия запрещений на недвижимыя имения, и об оставлении в полном действии нового, выданного на основании мнения же Государственнго Совета Высочайше утвержденного 28 декабря 1821 года с изложением в том списке правил, служащих к разрешению некоторых обстоятельств, замеченных при течении сего вновь выданного порядка – Губернское Правление к сведению и непременно в потребных случаях исполнению при сем в оную ратушу препровождает один экземпляр 1 июня 25 дня 1825 г.» (УКГР).

Судя по содержанию текста данного отрывка, лексема **конформировать** обозначает действия, связанные с выработкой окончательного текста, приемлемого в качестве основы юридического документа, его словесного оформления, с учетом разных вариантов, предложенных в виде «мнений» (в данном случае касающихся порядка ведения дел по недвижимым имениям). На это значение указывает и цель, которая преследуется при составлении формы документа – «для единообразного руководства» (См. следующий отрывок «Мнение Государственного Совета»).

В Словаре русского языка XVIII в. данная лексема не отмечена, однако можно предполагать, что она вошла в русский язык в конце XVIII в., так как в первой четверти XIX в., как свидетельствует Указ Кемской городской ратуши 1825 г., в деловых документах отдаленных от Центра периферийных городов употреблялись формы, образованные от глагола **конформировать**: «С Высочайше **Конформированного** 17 февраля мнения Государственного Сената».

Лексема **конформировать** является заимствованной из латинского языка, ср. лат. *cōnfōrto* ‘сообщить стройный вид, придать надлежащую форму, устроить, образовать’, *cōnfōrmātio* ‘вид, форма, устройство’ (ЛРС: 179). По всей вероятности, это не единственное употребление анализируемого слова в русском языке XIX в., поиск должен быть продолжен. Приведенные данные могут быть использованы в Словаре XIX в.

2. Интерес представляет и лексема **мнение** в сочетании «Мнение Государственного Совета», обозначающем вид доку-

мента особой государственной важности. В тексте УКГР данное сочетание выступает также и в роли заголовка части документа:

Мнение Государственного Совета

Государственного Совета в Департаменте Законов, и в общем Собрании, слушана записка Министра Юстиции, в коей излагает: а) что на основании 6-го, 8-го и 9-го пунктов. Высочайше утвержденного в 28-й день декабря 1821 года Мнения Государственного Совета, о новом порядке наложения и снятия запрещений на недвижимыя имения, он Министр, составив как формы сношений между присутственными местами и Сенатских объявлений, так и правила по сему предмету для единообразного руководства, препроводил их вместе с помянутым выше Мнением Государственного Совета в Правительствующий Сенат, для повсеместного распространения к исполнению, предписав тогда же Губернским Прокурорам иметь наблюдение за течением вновь введенного порядка и потом представить ему свои по оному замечанию б) что в следствие сего Губернские Прокуроры по сношении с Губернскими местами донесли, что новый обряд наложения и снятия запрещений на недвижимыя имения оказался удобным и достаточным, но встретились некоторые случаи, требующие разрешения, о коих и представили они ему Министру Юстиции (УКГР).

Слово **мнение** является многозначным в языке XVIII в.: 1. ‘представление, суждение о чем-л.’, 2. ‘мысль, размышление, воображение’, 3. ‘намерение, желание’, 4. ‘соображение о возможности чего-л., предположение, допущение, расчет’, 5. ‘сомнение, подозрение’, 6. ‘смысл (слов, речи)’ (СлРЯ XVIII в. 12: 210-220). Однако материал, представленный в Словаре XVIII в., не иллюстрирует подобного употребления: *Мнение Государственного Совета*. Ближайшим по семантике является оттенок первого значения – ‘заключение, определение; голос’ (Там же), помещенный за знаком, показывающим «новацию, вхождение в употребление» [Указатель: 38]. Следовательно, приведенный отрывок из указа Кемской городской ратуши 1825 г. демонстрирует некоторые изменения в семантике и употреблении слова **мнение**.

3. В приведенных выше отрывках из деловых документов обращает на себя внимание обилие существительных со значени-

ем ‘действие-состояние по глаголу’, которые были широко употребительны в языке XVIII в., среди них отмечается «наибольший вес отглагольных существительных с суффиксами *-ни(е)*, *-ани(е)*, *-ени(е)*» [Биржакова 2010: 90]. Многие из них дошли до нашего времени: *наблюдение*, *разрешение*, *запрещение* и др. Некоторые же возникли, по всей вероятности, после XVIII в. и были вытеснены более привычными словами, образованными в ряду одного отглагольного гнезда. В следующем отрывке лексема **закончание** употреблена в значении ‘окончание, завершение (какого-л. дела)’:

«Для продажи в Петербурге семги соленой с условием по одному рублю за доставку и продажу (кроме провоза) ...был Митрофанову подан из коего ясно можно видеть когда он ему состоял должным и что следовало подано ему а как и сыну его младшему Попову на провозе осенней семги дал Митрофанов денги коего он в словесном суде для закончания включил в дело его» (КГР-П).

К таким, прожившим недолгую жизнь, относится слово **закончание** в приведенном тексте, отсутствующее в Словаре XVIII в.

4. В словообразовательном плане необычным является слово **безравнонадежный**, также не зафиксированное в СлРЯ XVIII в. В документе 1872 г. данная лексема употребляется в значении ‘неблагонадежный’ параллельно с определением **неисправимый**:

*«...если арендатор окажется **неисправимым** и **без равнонадежным** плательщиком, то при первом случае недопуская его пользоваться принятой статьею, общественное управление обязано передать оную другим благонадежным арендаторам»* (ОСЗ).

5. В исследуемых документах активно используется терминология рыболовного промысла: *закол*, *забор*, *снасть*, *лов*, *рыбная ловля*, *семга*, *тинда*, *самоловные сети*, *выставка*, *себра*, *морские тони*, *полупалая вода* и др. Обратим внимание лишь на два диалектных слова – **оплотник** и **изба**.

5.1. Слово **оплотник**, не отмеченное в СлРЯ XVIII в., возможно, было диалектным в начале XX в., к которому относится

Торговый лист на отдачу заколов и заборов по р. Кеми в арендное содержание.

*«Выше записаны заколы могут поставлены, так как становились ранние, но охрана таковых от поломки лесов обязательна для самих рыбопромышленников при чем для отводов на такую охрану Товарищество дает на время сплава вязанного **оплотника**»* (ТЛК).

В современных кандалакшских, терских говорах Мурманской области, вытегорских говорах Вологодской области слово **оплѳтник** имеет значение 'бревна, скрепленные для сплава' (СРГК 4: 215). Ср. родственное слово **оплотина** 'крайнее бревно сплаваемого в виде плотов леса' с иллюстрацией из памятника Тюменской деловой письменности, имеющее помету «Обл.» (СлРЯ XVIII в. 17: 24).

5.2. Слово **изба** представлено в необычном употреблении:

*«Запретить, местным крестьянам ставить в глубь заборы для ловли семги, если это окажется невозможным, то обязать их заборы эти после окончания лова убирать, а не оставлять в воде, как это практикуется ныне, потому что заборы эти **засоряют избу**, а осенью задерживают лед»* [СП-ПУ].

В значении 'снаряд для ловли рыбы' слово **изба** известно в русском языке с первой четверти XVIII в.: *«На том учюге в вечеру по избам рыбы Сам изволил смотреть, ничего не нашлось»* ЖКФ 1722 66 [СлРЯ XVIII в., 9: 7]. Ср. также запись:

«По утру пошелъ Его Величество на Уваринской свой учугъ...где только до половины избъ пересмотрель Его Величество и вынялъ своими руками 20-ть рыбъ белугъ, въ томъ числе 3 матерыхъ» Походн. журн. 1722, 66 [Картотека СлРЯ XVIII в.].

В СРНГ, помимо других значений, дается лишь **изба** «румпель» Волж., 1852 [СРНГ 12: 89]. По всей видимости, и приводимый «перевод» не вносит ясности в осмысление значения слова **изба**, так как **румпель** - морской термин (из гол. гоереп), имеющий значение 'рычаг для поворачивания (управления) руля' [СИС: 571]. Родственное слово с иной огласовкой - **ры'мпель** 'мелкоячеистая сеть для невода' - известно поморским говорам [ПГ: 285], что дает основание предположить, что лексема **изба** в СП-ПУ употреблена именно в значении 'мелкоячеистая сеть для

невода'. Становится понятным, почему избу можно засорить, не убирая осенью заколы и заборы. Такого рода сопоставление уточняет и семантику лексемы **изба**.

Анализ исследуемых текстов, относящихся в территории Карельского Поморья, могут служить дополнением сведений о словарном составе языка XIX-начала XX вв., уточнению семантики лексем, зафиксированных в СРНГ, их ареальной характеристики. В целом описываемые памятники письменности содержат лексику, интересную с точки зрения пополнения лексического состава, изменения семантического характера, словообразования, употребления. Эти документы являются и ценнейшим лексикографическим и лингвистическим источником.

Литература

Биржакова Е.Э. Русская лексикография XVIII века / Российская академия наук; Институт лингвистических исследований. СПб.: Нестор-История, 2010.

Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII в. Языковые контакты и заимствования / Отв. ред. Ю.С. Сорокин. Л.: Наука, 1972.

Проект – Словарь русского языка XIX века: Проект. СПб.: Наука, 2002.

Указатель – Словарь русского языка XVIII в.: Правила пользования словарем. Указатель источников. Л.: Наука, ЛО, 1984.

Картотека СлРЯ XVIII в. – Картотека Словаря русского языка XVIII в. (Хранится в ИЛИ РАН, СПб.).

ЛРС – И.Х. Дворецкий. Латинско-русский словарь. Изд-е 3-е. М.: Русский язык, 1986.

ПГ – *Мосеев И.И.* Поморьска говоря. Краткий словарь поморского языка. Архангельск, 2005.

СИС – Словарь иностранных слов / Ред. И.В. Лехина, С.М. Локшина. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1964.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А.С. Герд. Вып. 1-6. СПб., 1994-2005.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / Ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. Вып. 1- 43-. М.; Л.; СПб.: Наука, 1965-2010-.

СлРЯ XI-XVII вв. – Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 1-28. М., 1975-2008.

СлРЯ XVIII в. – Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1-17. Л.; СПб.: Наука, 1984-2007-

Список источников

ЖКГР – Журналы Кемской городской ратуши 1827 г. – НА РК. Фонд 262. Описание 1.

КГР-П – Кемская городская ратуша. Протоколы за 1827 г. – НА РК. Фонд 262. Описание 1.

ОСЗ – Об отдаче в оброчное содержание принадлежащих г. Кеми рыболовных заколов и заборов на реки Кеми на 1872 г. – НА РК. Фонд 250. Описание 1.

ОСТЗ – Об открытии с 1 июля 1869 г. в селении Сороке Кемского уезда Таможенной Заставы. – НА РК. Фонд 277. Описание 1.

СП-ПУ – Об учреждении в Сорокском порту – портового управления 1915 г. – НА РК. Фонд 773. Описание 1.

ТЛК – Торговый лист в Кемском Городском Общественном управлении по р. Кеми заколов и заборов на 1903 г. – НА РК. Фонд 250. Описание 1.

УКГР – Указы Кемской городской ратуши 1825 г. – НА РК. Фонд 262. Описание 1.

А.Н. Шовгенин (Волгоград)

Социолингвистическое пространство как фактор формирования словаря диаспоры¹

Лексикографическое описание языка диаспор является важным источником фактического материала в частности для эколлингвистических исследований. В этой связи выработка ясного понимания социолингвистического пространства и установление его потенциала для изучения словаря «островных» сообществ имеет существенное теоретическое значение. В данной работе предпринята попытка кратко представить структуру и основные свойства социолингвистического пространства как фактора формирования словаря диаспоры.

В литературе термин «социолингвистическое пространство» встречается достаточно редко, а четкой дефиниции для него нам найти не удалось. Поэтому приведем несколько цитат, проливающих некоторый свет на его значение. Так, А.Д. Дуличенко в статье «Русский язык «после Союза»: взгляд издалека» пишет: «Как известно, в связи с развалом Советского Союза социолингвистическое пространство РЯ сократилось, его функции в бывших республиках Союза (за исключением Белоруссии, Киргизии, Казахстана) и особенно в бывших соцстранах существенно ослабли. Ослабело и лексическое и иное влияние РЯ на соседние языки. Формируется тенденция к регионализации РЛЯ за пределами России – в силу политико-административных условий, установления границ, культивирования разных политических доктрин и идеологий» [Дуличенко 2001: 28]. На сайте филологического факультета Гродненского государственного университета в разделе «Основные получаемые знания» находим следующий пункт: «геополитическое и социолингвистическое пространство русского языка (в России, в РБ, в СНГ, в мире)» [Основные: <http://www.abit.grsu.by/html/abit-site/data/fack/fil.doc>].

---

¹ Работа выполнена при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» 2009-2013 гг. (Госконтракт от 20.07.2009 г. № 02.740.11.0367).

В немецком языке эквивалентом рассматриваемого термина является термин «soziolinguistischer Raum», который мы, в частности, находим в проекте решения Европейского Парламента о новой рамочной стратегии сохранения многоязычия за 2006 год (Entwurf einer EntschlieÙung des Europäisohen Parlaments zu einer neuen Rahmenstrategie zur Mehrsprachigkeit). Приведем цитаты: «...technologische Entwicklungen bieten das größte Potential für die Gewährleistung eines soziolinguistischen Raums für alle Sprachen Europas»; «...andernfalls werden sie (europäische Sprachen – прим. наше *A.III.*) ausgeschlossen bleiben und ihr soziolinguistischer Raum wird von den größeren Sprachen - insbesondere Englisch - vereinnahmt werden»; «...gewährleisten, dass alle europäischen Sprachen geschützt werden und einen soziolinguistischen Raum erhalten, in dem sie sich entfalten können» [Entwurf // http://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2004_2009/documents/pr/622/622030/622030de.pdf] («...технологическое развитие предоставляет огромный потенциал для обеспечения социолингвистического пространства для всех языков Европы»; «в противном случае они (европейские языки – прим. наше *A.III.*) будут исключены, и их социолингвистическое пространство будет занято более распространенными языками, прежде всего, английским языком»; «гарантировать, что все европейские языки будут защищены и сохраняют социолингвистическое пространство, в котором они могут развиваться», перевод наш – *A.III.*).

Из приведенных цитат можно сделать вывод о том, что социолингвистическое пространство понимается, прежде всего, как ареал проживания некоторого языкового сообщества, то есть организованной группы людей объединенной общностью языка. Таким образом, их социолингвистическое пространство граничит с другими социолингвистическими пространствами, другими языковыми сообществами. Это дает возможность определить социолингвистическое пространство через границы разноязычных социумов. Однако данный подход возможен только в идеальном случае – случае четкого географического разделения ареалов употребления языков, и при ближайшем рассмотрении оказывается очень формальным. Очевидно, что он неприменим для описания ситуации в диаспоре, где практически все ее члены прожи-

вают попеременно с представителями языкового большинства. В свою очередь, диаспора обладает приведенными выше признаками. Она является общностью людей, которые объединены общим языком. Кроме того, для нашего дальнейшего рассмотрения проблемы в рамках заявленной темы необходимым представляется обратить внимание на то, что члены диаспоры, как правило, минимум в той или иной мере двуязычны, что ведет к появлению заимствований. В одной из своих работ С.И. Карцевский обращал внимание на то, что социолингвистическая ситуация иммигрантов способствует формированию особого арго, в который входит значительное количество заимствований из языка той страны, в которой проживает данная категория эмигрантов [Карцевский 1923: 43]. Такая ситуация возникает постоянно. Употребление иноязычного слова диктуется потребностью в точности, в том, чтобы быть сразу правильно понятым. Кроме того, говорящий постоянно слышит и видит местные номинации для обозначения местных реалий; естественно, что они первыми приходят ему в голову, когда речь идет об окружающей его жизни. Таким образом, важная причина возникновения заимствований из языка окружения состоит в экономии усилий обоих (или более) партнеров по коммуникации, что уже неоднократно отмечалось в многочисленных исследованиях и по праву считается общим местом. Адресат благодаря этому сразу понимает, о чем идет речь, а говорящему не нужно подыскивать эквивалент для наименования чужой реалии, тем более что точного дословного эквивалента часто и не существует. В последнем случае выбора языковой стратегии вообще не остается.

Возвращаясь к содержанию понятия «социолингвистическое пространство», обратим внимание на то, что оно носит во всех приведенных случаях явный оттенок политики. При определении социолингвистического пространства, таким образом, также игнорируется его внутренняя структура, что, на наш взгляд, совершенно недопустимо.

Рассматривая физическое пространство, Н.Л. Шамне в своей статье «Реализация идеи перемещения в пространстве в русском и немецком языках» пишет: «Познавая мир, человек обращается к структурным особенностям его организации и обнару-

живает, что части и элементы, из которых построены материальные объекты, определенным образом расположены друг относительно друга, образуют некоторые устойчивые конфигурации <...>. Кроме этого, каждый объект занимает какое-то место среди других объектов, граничит с ними» [Шамне 2000: 43]. То же, по нашему мнению, характерно и для социолингвистического пространства. Только индивид посредством языка фиксирует в своем сознании объекты окружающей его социальной действительности. Идентификация и распознавание индивидом принадлежности этих объектов к его социолингвистическому пространству происходит на основании закрепленных в языке названий и имен собственных, если в качестве объекта социолингвистического пространства в определенном случае выступает некоторая личность. Например, *Bundesregierung*, *Krankenkasse*, *Deutsche Telekom*, *Angela Merkel* и так далее указывают на немецкое социолингвистическое пространство, в то время как *Правительство Российской Федерации*, *Фонд обязательного медицинского страхования*, *Ростелеком*, *Дмитрий Медведев*, *Владимир Путин* и так далее – на русское социолингвистическое пространство. Исходя из этого, мы можем установить еще одно существенное отличие социолингвистического пространства от физического. Оно заключается в том, что социолингвистическое пространство формируется отраженными в языке социальными объектами и прекращает свое существование, как только даже те же самые объекты начинают восприниматься и осмысливаться социумом на другом языке, например в случае языкового сдвига. В этом случае они становятся частью другого социолингвистического пространства, если не исчезают. В свою очередь объекты физического пространства остаются неизменными и не изменяют своих свойств в зависимости от языка, через который они осмысливаются.

Также важно учитывать тот факт, что индивидуумы активно воспринимают, осмысливают и перерабатывают свое социолингвистическое пространство. Так, Н.Л. Шамне отмечает: «Группы и индивидуумы членят и структурируют окружающее пространство, которое требует от них языковой и культурной интерпретации. В результате таких интерпретаций возникают про-

странственные образы, территориальные сети и оси, с помощью которых становится возможным достоверное ориентирование и перемещение членов языковых групп в пространстве» [Шамне 2000: 44]. В приведенной цитате речь идет об ориентировании в физическом пространстве, однако этот подход вполне применим и к описанию социолингвистического пространства с поправкой на то, что релевантными для социолингвистического пространства являются функциональные связи социальных объектов, реализуемые через языковое взаимодействие, а не место их физического размещения.

Необходимо также обратить внимание на то, что в новой социальной среде переселенцы оказываются перед необходимостью интеграции в окружающее общество, обязательным условием которой является усвоение языка большинства, необходимое для приобретения знаний об организации жизни [Протасова 2000, 2002, Федоров 1999, Шовгенин 2007, Meng 2003]. При этом на первый план выступает информация о функционировании различных социальных институтов, в которых оформляются документы на жилье, пособия и так далее.

Обобщая результаты проведенного выше анализа и данные исследований по контактной лингвистике, мы можем сделать вывод о том, что социолингвистическое пространство образуется именно социальными институтами, как объединениями социальных объектов по функциональному признаку и характеру речевого поведения. Под социальным институтом мы понимаем организованную систему связей и социальных норм, которая объединяет значимые общественные ценности и процедуры, удовлетворяющие основным потребностям общества [Тематический //www.sociology.mephi.ru/docs/sociologia/html/slovar_k_teme7.html]. В целом данное определение является развитием понятия социального института, которое зафиксировано в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой: «Совокупность норм права в какой-н. области общественных отношений, та или иная форма общественного устройства» [Ожегов, Шведова 1995: 243]. В своей статье «Экономические институты и институции: к вопросу о типологии и классификации» О.В. Иншаков отмечает, что «институт выступает как функциональная организа-

ция, обеспечивающая реализацию конкретной системы однородных институций. Таковы, например, образовательные, научные, профсоюзные, партийные, религиозные, кредитные и др. учреждения» [Иншаков 2003: 44]. Каждый социальный институт несет на себе печать культуры социума, в котором он функционирует. Его реализация и актуализация происходят посредством языка.

Опираясь на выявленную структуру социолингвистического пространства, рассмотрим, каким образом в его рамках существует и реализует себя отдельная языковая личность.

Строго говоря, индивид всегда осуществляет коммуникацию в рамках определенного социального института, с которым у него, как правило, связан определенный язык или вариант языка. Такими институтами являются семья, рабочее место, обучение, средства массовой информации и тому подобное. При этом если в семье и общении с друзьями индивид имеет большую свободу в выборе языка коммуникации, то в случае с государственными институтами выбор языка детерминирован социумом, например, в России весь документооборот осуществляется на русском языке, в Германии – на немецком, на рабочем месте выбор языка является правом работодателя, например, сотрудники московского представительства компании «Shell» пользуются на рабочем месте английским языком, сотрудники ненемецкоязычных редакций «Deutsche Welle» при проведении совещаний и всей организационной работы – немецким языком, и так далее.

Эта ситуация является крайне благодатной для возникновения языкового контакта, местом которого, по определению У. Вайнрайха, является сам говорящий [Weinreich 1953]. Обусловлено это тем, что индивиду часто требуется обсудить некоторую ситуацию, сложившуюся по поводу одного социального института в рамках другого. Например, ситуацию на работе – с семьей. При этом коммуникативные потребности в рамках каждого института обычно обслуживаются разными языками. В итоге говорящий начинает испытывать языковые трудности, обусловленные языковой некомпетентностью в определенной области на данном языке. Это ведет к интерференции.

Таким образом, социолингвистическое пространство явля-

ется совокупностью социальных институтов, в рамках которых осуществляется жизнедеятельность индивида и по поводу которых он вступает в коммуникацию с другими индивидами. Исходя из этого, социолингвистическое пространство – это пространство социальных институтов, в рамках которых осуществляется коммуникация по поводу их самих или других социальных институтов. Сделанные выводы позволяют предположить, что зависимость выбора того или иного языка от социального института влияет на характер билингвизма развивающегося в иммигрантской среде, а, следовательно, воздействует и на языковые процессы, проходящие в диаспоре. Лексикографическое описание языка диаспоры в рамках предложенного подхода создало бы базу для выделения зон нестабильности и разработки мероприятий, направленных на облегчение интеграции членов диаспоры в общество большинства.

Литература

Дуличенко А.Д. Русский язык «после Союза»: взгляд изда- лека // Русский язык: исторические судьбы и современность: Международный конгресс русистов-исследователей (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, филологический факультет, 13-16 марта 2001 г.): Труды и материалы / Составители М.Л. Ремнева, О.В. Дедова, А.А. Поликарпов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001.

Иншаков О.В. Экономические институты и институции: к вопросу о типологии и классификации // Социологические исследова- ния. 2003. № 9. С. 42-51.

Карцевский С.И. Язык, война и революция. Берлин, 1923 (Всеобщая библиотека, № 47).

Основные получаемые знания [Электронный ресурс] // Гродненский государственный университет. Режим доступа: <http://www.abit.grsu.by/html/abit-site/data/fack/fil.doc>. – Загл. с экрана.

Протасова Е.Ю. Лексические особенности русскоязычной прессы в Германии // Известия АН, серия литературы и языка, № 4, 2000. С. 49-60.

Протасова Е.Ю. Язык русской прессы Финляндии // Во- просы языкознания, № 5, 2002. С. 57-69.

Федоров Н.Ю. Особенности интеграции российских иммигрантов // *Диапоры*, № 2-3, 1999. С. 258-280.

Шамне Н.Л. Реализация идеи перемещения в пространстве в русском и немецком языках // *Научные школы Волгоградского государственного университета. Русский глагол. История и современное состояние* / Отв. ред. С.П. Лопушанская. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2000. С. 43-50.

Шовгенин А.Н. Социолингвистическое пространство контакта русского и немецкого языков // *Пространство в языке и речи: лингвистические проблемы изучения и описания*: сб. науч. ст. Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2007. С. 77-83.

Meng K. Sprachliche Integration von Aussiedlern – einige Ergebnisse, einige Probleme // *Sprachliche Integration von Aussiedlern im internationalen Vergleich* / Hg. Reitemeier Ulrich. – Mannheim, 2003. – P. 37-57. (=amades 2/03)

Entwurf einer Entschließung des Europäischen Parlaments zu einer neuen Rahmenstrategie zur Mehrsprachigkeit [Электронный ресурс] // *European Parliament*. Режим доступа: http://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2004_2009/documents/pr/622/622030/622030de.pdf. – Загл. с экрана.

Weinreich, U. 1953. *Languages in Contact*. New York: Publications of the Linguistic Circle of New York 1.

Тематический словарь основных понятий и терминов [Электронный ресурс] // *Кафедра социологии и гуманитарной культуры*. Режим доступа: www.sociology.mephi.ru/docs/sociologia/html/slovar_k_teme7.html – Загл. с экрана.

Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова; Российская АН.; Российский фонд культуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: АЗЪ, 1995.

Научное издание

Современная русская лексикография:
Сборник статей

Утверждено к печати
Институтом лингвистических исследований РАН

Оригинал-макет О.Н. Крыловой

Подписано к печати 02.12.10 г.
Формат 60х90/16. Тираж 120 экз. 17,8 уч.-изд. л.

Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1
main@nauka.nw.ru
www.naukaspb.spb.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии «Нестор-История»
198095, СПб., ул. Розенштейна, д. 21
тел.: (812)622-01-23

ISBN 978-5-02-025273-8

9 785020 252738

